Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2021 Vol. 4 №2 (12)

Журнал Caucasian Science Bridge

является периодическим печатным изданием, публикующим статьи по направлениям:

07.00.00 «Исторические науки и археология»,

22.00.00 «Социологические науки», 23.00.00 «Политология».

Издание предназначено для публикации основных результатов исторических, политических и социокультурных исследований развития макрорегиона Большой Кавказ в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Данное магистральное направление сочетается с немаловажной миссией журнала, связанной с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки, что предполагает возможность публикации в данном издании исследований других регионов современного мира в координатах профиля журнала. Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет.

Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication publishing articles in the directions of:

22.00.00 "Sociological Sciences",

23.00.00 "Politics", 07.00.00 "Historical Sciences and Archeology".

The journal is geared on publishing articles in the field of historical, political and socio-cultural research of the development of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region. This tramline is combined with the mission of the journal: to create an intellectual and discussion platform. Consequently, the articles dedicated to other regions of the world, written within the framework of the journal profile are published. The journal is based on themodel of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years.

Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCA- TION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly.

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 11.11.2021. Подписано в печать 28.11.2021. Выход в свет 29.11.2021.
Печать цифровая, гарнитура Cambria.
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 5,3. Тираж 550 экз. Заказ № 207.
Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

© Caucasian Science Bridge, 2021

Главный редактор:

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Билалов Мустафа Исаевич – доктор философских наук, профессор, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Россия

Бодио Тадеуш – доктор политических наук, профессор, Варшавский университет; Польская академия наук, г. Варшава, Польша

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, Северо-Кавказский научно-исследовательский институт экономических и социальных проблем, г. Ростов-на-Дону, Россия

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ибрагимов Айдын Исмаил-оглы – доктор географических наук, Эгейский университет, г. Измир, Турция

Квициани Джони Джокиевич – доктор исторических наук, профессор, Тбилисский государственный университет им. Ив. Джавахишвили, г. Тбилиси, Грузия

Койбаев Борис Георгиевич – кандидат исторических наук, доктор политических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия

Мкртичян Артур Ервандович – доктор философских наук, профессор, Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Новрузов Рафиг Манаф-оглу – доктор филологических наук, профессор, Бакинский славянский университет, г. Баку, Азербайджан

Патеев Ринат Фаикович – кандидат политических наук, директор Центра исламоведческих исследований Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия

Прити Дибьенду Дас – доктор философских наук, старший научный сотрудник, Центр исследований России и Центральной Азии, Университет Джавахарлала Неру, г. Нью-Дели, Индия

Райко Гнято – доктор географических наук, Баня-Лукский университет, г. Баня-Лука, Республика Сербская

Рязанцев Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член- корреспондент РАН, профессор, Московский государственный институт междуна- родных отношений, г. Москва, Россия

Трапш Николай Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Тхагапсоев Хажисмель Гисович – доктор философских наук, профессор, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, г. Нальчик, Россия

Шадже Асиет Юсуфовна – доктор философских наук, профессор, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акаев Вахит Хумидович – доктор философских наук, профессор, Академиянаук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия

Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор, Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

Бадмаев Валерий Николаевич – доктор философских наук, профессор, Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Россия

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Беспалова Анна Александровна – кандидат социологических наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Дьяченко Анжела Николаевна – кандидат философских наук, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кринко Евгений Федорович – доктор исторических наук, Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия

Кузнецов Аркадий Вячеславович – Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия

Максимчик Андрей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

Старостин Александр Михайлович – профессор, доктор политических наук, директор Института междисциплинарных исследований глобальных процессов и глокализации РГЭУ (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

Хачецуков Заур Махмудович – кандидат философских наук, Адыгейский государственный университет, г. Майкоп, Россия

Хопёрская Лариса Львовна – доктор политических наук, Киргизско- Российский славянский университет, г. Бишкек, Киргизия

Шафаги Марьям – преподаватель русского языка, Университет им. Алламе Табатабаи, г. Тегеран, Иран

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Chief Editor:
Serikov Anton Vladimirovich **–** Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
Deputy Chief Editor:
Vereshchagina Anna Vladimirovna **–** Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich **–** Doctor of Political Sciences, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bilalov Mustafa Isayevich **–** Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Dagestan State University, Makhachkala, Russia

Bodio Tadeusz **–** Doctor of Political Sciences, Professor, Warsaw University; Polish Academy of Sciences, Warsaw, Poland

Druzhinin Aleksandr Georgievich **–** Doctor of Geographical Sciences, Professor, North-Caucasian Research Institute of Economic and Social Problems, Rostov-on-Don, Russia

Dyatlov Aleksandr Viktorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Ibragimov Aydin Ismail oglu **–** Doctor of Geographical Sciences, Aegean University, Izmir, Turkey

Kvitsiani Joni Djokievich **–** Doctor of Historical Sciences, Professor, Javakhishvili Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia

Koybayev Boris Georgievich **–** Candidate of Historical Sciences, Doctor of PoliticalSciences, Professor, Khetagurov North Ossetian State University, Vladikavkaz, Russia

Mkrtichyan Arthur Ervandovich **–** Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Mukomel Vladimir Izyavich **–** Doctor of Sociological Sciences, Professor, RussianAcademy of Sciences, Moscow, Russia

Novruzov Rafig Manaf oglu **–** Doctor of Philological Sciences, Professor, Baku Slavic University, Baku, Azerbaijan

Pateev Rinat Faikovich **–** Candidate of Political Sciences, Director of the Center for Islamic Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Russia

Preeti Dibyendu Das **–** Doctor of Philosophical Sciences, Senior Assistant Professor, Centre for Russian and Central Asian Studies, Jawaharlal Nehru University, India

Raiko Gnato **–** Doctor of Geographical Sciences, Banja Luka University, Banja Luka, Republika Srpska

Ryazantsev Sergey Vasilievich **–** Doctor of Economic Sciences, Corresponding Member of RAS, Professor, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Trapsh Nikolay Alekseevich **–** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich **–** Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Berbekov Kabardino-Balkarian State University, Nalchik

Shadzhe Asiet Yusufovna **–** Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Adyghe State University, Maykop, Russia

EDITORIAL TEAM

Akaev Vakhit Khumidovich **–** Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Academy of Sciences of Chechen Republic, Grozny, Russia

Astvatsaturova Maya Artashesovna **–** Doctor of Political Sciences, Professor, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Badmaev Valeriy Nikolaevich **–** Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kalmyk State University, Elista, Russia

Bedrik Andrey Vladimirovich **–** Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bespalova Anna Aleksandrovna **–** Candidate of Sociological Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna **–** Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, G.R.Derzhavin Tambov State University, Tambov Russia

Dyachenko Angela Nikolaevna – Candidate of Philosophical Sciences, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaly Vladimirovich **–** Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Krinko Evgeniy Fedorovich **–** Doctor of Historical Sciences, Southern Scientific Center of RAS, Rostov-on-Don, Russia

Kuznetsov Arkady Vyacheslavovich **–** Tyumen State University, Tyumen, Russia

Maksimchik Andrey Nikolaevich **–** Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus

Khachetsukov Zaur Makhmudovich **–** Candidate of Philosophical Sciences, Adyghe State University, Maykop, Russia

Starostyn Aleksandr Mihaylovich – Professor, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute for Interdisciplinary Researches of Global Processes and Glocalization, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

Khopyorskaya Larisa Lvovna **–** Doctor of Political Sciences, Kyrgyz-Russian Slavonic University, Bishkek, Kyrgyzstan

Shafaghi Maryam – Russian Language Teacher, Allameh Tabataba'i University, Tehran, Iran

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna **–** Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center RAS, Makhachkala, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОПОЛИТИКА БОЛЬШОГО КАВКАЗА
Инджгия Д.Д.
Репрессивные практики сталинского режима в Абхазии: этнические, идеологические и социокультурные факторы политического процесса 12

РЕЛИГИИ И РЕГИОНЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА
Рамазанов Р.О.
Общественное мнение о роли примечетских школ в противодействии религиозному экстремизму (на примере Дагестана) 22

ЭТНОЛОГИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА
Шахбанова М.М., Халидова О.Б.
International Communication In The City Space of Dagestan: Condition and Trends 32

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА
Калинина Н.С.
Севастополь. Крым. Кавказ. По документам Архивного фонда города Севастополя 44

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ
Узунов В.В.
Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России 56
Уханова Ю.В., Захаров Н.Г.
Протестные движения молодежи (на материалах протестов 1968 г. в ФРГ) 70
Загирова Э.М.
Сожительство в оценках дагестанского населения 78
Химич М.Н.
Самосохранительное поведение молодежи в фокусе социологической рефлексии 88
Шевченко О.П.
Проблемы и перспективы количественного и качественного эмпирического исследования российской предпринимательской культуры 95

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Гузенина С.В.
Актуальные проблемы социологического измерения уровня толерантности образовательных мигрантов к русской культуре 102
Казанцев О.А.
Логические особенности и конфликтогенный потенциал концепции толерантного общества 119
Лубский А.В., Чернобровкин И.П. Этнические мигранты и модели национальной интеграции во Франции во второй половине XX – начале XXI века 128
Мындру М.П.
Местные и международные последствия миротворческой операции в Афганистане 137

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Герасимов А.Н.
Мировой опыт образования моделей социально-ориентированного управления банками 144
Вагина В.О.
Патриотизм vs национализм в современном российском обществе 155
Бештоков М.В.
Контент-анализ топовых молодежных ресурсов российского сегмента компьютерно-интерактивной социальной системы 160

Информация для авторов 171

CONTENTS

GEOPOLITICS OF THE GREAT CAUCASUS
Injgiya D.D.
Repressive practices of the Stalinist regime in Abkhazia:
ethnic, ideological and socio-cultural factors of the political process ……... 12

RELIGIONS AND REGIONS IN THE GREAT CAUCASUS
Ramazanov R.O.
Public opinion on the role of mosque schools
in countering religious extremism (on the example of Dagestan) …….. 22

ETHNOLOGY OF THE PEOPLES IN THE GREAT CAUCASUS
Shakhbanova M.M., Khalidova O.B.
International Communication in the City Space of Dagestan:
Condition and Trends …… 32

CIVILIZATIONS AND CULTURES OF THE GREAT CAUCASUS
Kalinina N.S.
Sevastopol. Crimea. Caucasus.
Per the Sevastopol State Archive's documents ……... 44

SOCIAL INSTITUTIONS OF THE REGION: PAST, PRESENT, FUTURE
Uzunov V.V.
Factors of social consolidation in regional communities
in the South of Russia …… 56
Ukhanova U.V., Zakharov N.G.
Youth protest movements (a case study of the 1968 protests in the FRG) 70
Zagirova E.M.
Concubinage in the perception of the Dagestan residents …….. 78
Khimich M.N.
Self-preservation behavior of youth in the focus of sociological reflection 88
Shevchenko O.P.
Problems and prospects of quantitative and qualitative
empirical research of the Russian entrepreneurial culture ……... 95

DISCUSSION TRIBUNE
Guzenina S.V.
Actual problems of sociological measurement of the level
of tolerance of educational migrants to Russian culture …… 102
Kazantsev O.A.
Logical features and conflict potential of the tolerant society concept …... 119

Lubsky A.V., Chernobrovkin I.P.
Ethnic migrants and models of national integration
in France in the second half of the XX – early XXI centuries 128
Myndru M.P.
Local and international consequences
of the peacekeeping operation in Afghanistan 137

YOUTH FORMAT
Gerasimov A.N.
World experience in the formation of models
of socially-oriented management of banks 144
Vagina V.O.
Patriotism vs nationalism in modern Russian society 155
Beshtokov M.V.
The content analysis of the top youth resources
of the Russian segment in the computer-interactive social system 160

Information for Authors 171

Геополитика Большого Кавказа

УДК 94
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.1

Репрессивные практики сталинского режима в Абхазии: этнические, идеологические и социокультурные факторы политического процесса

Д. Д. Инджгия
Абхазский государственный университет,
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа
г. Сухум, Республика Абхазия

Аннотация. Представленная статья посвящена одному из наиболее сложных периодов абхазской истории, связанных с масштабными репрессиями против местной политической и интеллектуальной элиты. Опираясь на широкий круг известных источников и сложившуюся историографическую традицию, автор показывает этническую и социокультурную направленность репрессивных действий, инициированных сталинским режимом. Ментальный потрет рассматриваемой эпохи верифицируется как в авторских рассуждениях, так и в аутентичных лексических конструкциях, воспроизводимых из документальных и нарративных материалов. Авторская объяснительная модель характеризует системную связь этнических, социокультурных и политических процессов, развивающихся в фиксированном региональном пространстве.

Ключевые слова: культ личности; интеллигенция; репрессии; народный комиссариат внутренних дел; национализм; империя.

***Для цитирования*:** Инджгия Д. Д. Репрессивные практики сталинского режима в Абхазии: этнические, идеологические и социокультурные факторы политического процесса // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 12 –20.

Repressive practices of the Stalinist regime in Abkhazia: ethnic, ideological and socio-cultural factors of the political process

Dzhambul D. Injgiya
Abkhazian State University,
D. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies,
Sukhum, Republic of Abkhazia

Abstract. The article is devoted to one of the most difficult periods of Abkhaz history, associated with large-scale repressions against the local political and intellectual elite. Based on a wide range of well-known sources and the established historiographic tradition, the author shows the ethnic and sociocultural orientation of the repressive actions initiated by the Stalinist regime. The mental portrait of the era under consideration is verified both in the author's reasoning and in authentic lexical constructions reproduced from documentary and narrative materials. The author's explanatory model characterizes the systemic connection of ethnic socio-cultural and political processes developing in a fixed regional space.

Keywords: Personality cult; Abkhazian intelligentsia; NKVD; repression; nationalism; empire.

For citation: Injgiya D. D. Repressive practices of the Stalinist regime in Abkhazia: ethnic, ideological and socio-cultural factors of the political process // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 12 – 20.

Политический курс И.В. Сталина и Л.П. Берия в Абхазии был неразрывно связан с репрессивной ротацией местных управленческих кадров и целенаправленным обновлением партийного и хозяйственного аппарата, осуществлявшийся по этническим критериям в конце 1930-х гг. и радикально изменивший региональное общество *(История Абхазии, 1993. С. 345).*

Имперская политика советского руководства в Абхазии имела шовинистический характер, резко диссонирующий с официальной идеологической парадигмой, провозглашавшей вечную и нерушимую дружбу братских народов. Сталинская региональная стратегия предполагала последовательное осуществление латентного

геноцида малых народов, сохранившиеся сегменты которых подлежали принудительной грузинизации. Применительно к Абхазии целенаправленно уничтожалась не только административная и хозяйственная элита, но и местная интеллигенция, выступавшая главным носителем этнической идентичности. Одновременно жесткий репрессивный механизм действовал против абхазского крестьянства, составлявшего основную часть активного населения и отличавшегося традиционным свободолюбием. Насильственная ассимиляции этнических абхазов сопровождалась как физическим уничтожением признанных лидеров, так и массовой высылкой потенциально опасных элементов. Целевые установки ассимиляционной политики отчетливо проявились уже в 1931 г., когда Абхазия, согласно сталинскому желанию, была преобразована в автономную республику и включена в состав Грузинской ССР. Репрессивный курс был продолжен в 1934 год, когда Грузия, руководима Л.П. Берия начала активно вмешиваться в экономические, социальные и административные процессы в абхазском обществе *(Абхазия, 1992. С. 4)*.

Но до начала освещения вопроса массовых репрессий в Абхазии коротко остановимся на выявлении истоков этого процесса. Так, в борьбе двух альтернатив – демократической и тоталитарной – уже в 1929 г. победила последняя модель власти *(Хашба, 2003. С. 129)*.

Главной задачей и функцией законодательства сталинской поры, несмотря на привлекательные декларации, было всё же подавление личности во имя классовых и государственных интересов. Ещё в первые годы ожесточённой борьбы за создание Советского государства законы были объявлены орудием пролетарской диктатуры, методом политического руководства, способом подчинения людей и классов порядкам, угодным рабочему классу. Появилась основа для субъективизма в оценке доказательств вины, пренебрежительности отношения к соблюдению процедуры предварительного следствия и судебного разбирательства. В обществе поддерживалось подозрительное отношение к выходцам из «социально чуждых» классов и слоёв *(Хашба, 2003. С. 130-131)*.

Опираясь на подготовленную нормативную базу, советское руководство начало массовые репрессии против «социально чуждых» классов и слоев. Они усилились после известного убийства С.М. Кирова, рассматривавшегося в широких партийных кругах как реальная альтернатива И.В. Сталину. 1 декабря 1934 г. по прямому сталинскому указанию было принято печально известное постановление ЦИК СССР, согласно которому правоохранительной системе предлагалось «вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком», а судебным учреждением – «не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания» *(Хашба, 2003. С. 145)*. Главную репрессивную роль и играл Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), который не только курировал оперативно-розыскные и следственные процессы, но и обеспечивал незамедлительное исполнение вынесенных приговоров к высшей мере наказания. Презумпция невиновности и помилования исключались из правоохранительной практики, а в следственную практику вошли практически узаконенные пытки подозреваемых и обвиняемых. Массовые нарушения действующего законодательства стали обычным явлением, а репрессивные действия усилились в конце 1936 года. Своеобразным катализатором стала совместная сочинская телеграмма И.В. Сталина и А.А. Жданова, адресованная членам Политбюро Л.М. Кагановичу и В.М. Молотову. В сохранившемся тексте говорилось о том, что всесильный нарком Г.Г. Ягода не смог в полной мере разоблачить так называемый «троцкистско-зиновьевский блок». В срочном порядке он был освобожден от должности председателя ОГПУ и руководителя НКВД, а затем арестован и расстрелян. Новым наркомом внутренних дел был назначен Н.И. Ежов, работавший

секретарём ЦК ВКП (б) и председателем Комиссии партийного контроля. И.В. Сталин постоянно требовал от НКВД новых разоблачений «врагов народа», большинство из которых в прошлом являлись политическими противниками всесильного Генерального секретаря ВКП (б). Репрессивный курс получил новый импульс на февральско-мартовском Пленуме ЦК 1937 г., а по итогам года общее число арестованных увеличилось более чем в десять раз *(Сагария, 1995. С. 6)*. Аресты производились с грубейшими нарушениями социалистической законности, без санкции прокурора. В этих вопросах их функции выполняли сам Сталин и его окружение, в отношении руководящих кадров были своего рода «прокурорами». Правоохранительные органы фабриковали мнимые «дела» о «шпионах» и «вредителях», «антисоветских центрах», «блоках», «заговорах». С точки зрения степени предлагаемой опасности для государства лица, подлежащие репрессиям, были разделены на 2 категории. К первой были отнесены все наиболее враждебные (по усмотрению НКВД). «Они, – говорилось в приказе №01347 от 30 июля 1937 г. Наркома внутренних дел СССР Генерального комиссара государственной безопасности Н.И. Ежова, – подлежат немедленному аресту и, по рассмотрению их дел на тройках, – расстрелу». Остальные «менее активные», но всё же враждебные элементы должны были подвергнуться аресту и заключению в лагере или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет *(Хашба, 2003. С. 134)*.

В Абхазии под личным контролем И.В. Сталина и Л.П. Берия проводилась масштабная чистка управленческого аппарата, хозяйственных структур, учреждений образования науки и культуры от мнимых «врагов народа», отбиравшихся по этнической принадлежности. Главным объектом спланированной репрессивной политики были реальные носители национальной идентичности, способные противостоять развивавшемуся ассимиляционному процессу. Длительное время указанные процессы сдерживались абхазским лидером Н.А. Лакоба, использовавшим личные связи с И.В. Сталиным для системного сокращения грузинского вмешательства в местную жизнь. Однако он не мог полностью сдержать нарастающую волну репрессий, охватывающую советское общество.

Насильственная смерть Н.А. Лакоба, отравленного в Тифлисе по личному указанию Л.П. Берия, положила начало тотальной репрессивной практике в Абхазии. Прибывшая специальная следственная группа НКВД начала массовые аресты, осуществлявшиеся по особым спискам, согласованным грузинским руководством. По так называемым делам «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации» и «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» было репрессировано несколько тысяч граждан из числа партийных, советских, профсоюзных, комсомольских работников, а также деятелей науки и культуры, рядовых рабочих и крестьян. Но прежде, чем переходить непосредственно к уголовным делам, созданным органами НКВД, следует коротко остановиться на роли органов массовой информации. Главным образом, речь идёт об областных газетах, которые ещё до открытого судебного процесса в г. Сухум и решений и др. карательных органов, как тройки при НКВД, появились статьи, «разоблачающие» «врагов народа», создавали атмосферу массовой морально-психологической обстановки в республике. Авторы некоторых статей старались убедить в том, что в Абхазии много скрытых врагов народа, что есть шпионы, диверсанты, бандиты.

Так, например, в известной статье «Беспощадно бороться с врагами народа», М. Делба утверждал, что все достижения за годы установления Советской власти в Абхазии «могли быть неизмеримо увеличены, если бы в Абхазии не подвизались фашистские агенты во главе с подлейшим двурушником, апробированным бандитом Н. Лакоба» *(Абхазия, 1992. С. 428)*.

В числе «непосредственных троцкистских агентов Н. Лакоба названы лучшие представители интеллигенции Абхазии. Так далее в статье читаем: «В настоящее время, когда абхазская партийная организация и органы НКВД с помощью Центрального Комитета КП (б) Грузии и лично тов. Берия разоблачили и громят эту свору троцкистов, отпечаток длительного вредительства в области социалистического строительства в Абхазии обнажается как в отношении промышленности и сельского хозяйства, так и в отношении народного образования. Это тем более становится ясным, когда даётся анализ действиям тех типов людей, которых, как своих непосредственных троцкистских агентов, держал бывший председатель ЦИК Абхазии Н. Лакоба. Все эти мелкие и крупные бандиты, как М. Чалмаз. Д. Кучулария, Б. Зантария, В. Ладария, М. Лакоба, Л. Киут, К. Инал-ипа, М. Гарцкия, приложили максимальное усилие на то, чтобы повести дело к расстройству нашего колхозного строительства, к расстройству народного образования, всячески извращая, мудрую ленинско-сталинскую национальную политику» *(Абхазия, 1992. С. 428)*. Основной удар статьи был направлен на наркомат просвещения Абхазии и его руководителей. Нарком по просвещению Б. Зантария оклеветан всякими нецензурными словами, как, например, «мерзопакостный», «разнузданный пошляк», «душевно и физически разложившийся дегенерат». Через каждую строку статьи прослеживалось только одна цель - скомпрометировать, очернить Лакоба и всю абхазскую интеллигенцию.

В другой же его статье от 3 октябре 1937 г. под названием «Лицо буржуазного националиста» М. Делба вновь говорил о Б. Зантария, Д. Чагава и других абхазских деятелях, так называемых «буржуазных националистах», которые, якобы «стремились отторгнуть Абхазию от СССР, превратить её в колонию фашизма» (Абхазия, 1992. С. 429). В статье говорилось: «Троцкистский» мерзавец, буржуазный националист и вредитель Зантария под покровительством обербандита Н. Лакоба на протяжении ряда лет проводил свою вредительскую политику на культурном фронте. Вредитель Зантария разоблачён … Однако новое руководство Наркомпроса в лице Чагава, не оправдало доверие партии. Вместо укрепления культурного фронта, Чагава встал на путь вредительства и подлого двурушничества. По существу, его гнусные деяния ничем не отличались от гнусных деяний его предшественника Зантария».

Таким путём подобные люди как М. Делба на крови своих товарищей готовили себе карьеру.

В абхазском журнале «Апсны капш» за 1937 год говорилось: «Наша литература сегодня несёт большую ответственность. Враг старается внести в неё чуждые идеи, проводить вредную политику. В литературе также необходима бдительность. Из рядов абхазской литературы изгнаны враги народа: В. Агрба, Ш. Цвижба, и др. Продолжительное время абхазскую организацию писателей возглавлял враг народа буржуазный националист, презренный троцкист С. Чанба. Начиная со своих ранних произведений («Апсны Ханым», «Дева гор»), он выступил, как гнилой буржуазный националист. Уже с этого презренного двурушника маска снята, он получил по заслугам *(Сагария, 1995. С. 9-10)*.

Таким образом, везде находились «враги народа» и цель средства массовых информации заключалась в донесении «правдивой» информации о них до широкой общественности. Вот такую негативную роль сыграли тогда областные газеты и журналы. Следует отметить, что характерной особенностью проводимых в Абхазии репрессий был отъявленный шовинизм Берия, выразившийся в самых уродливых формах. Аресты в Абхазии начались с начала 1937 года, особенно они стали массовыми с середины 1937 года и продолжались до 1942 года.

По неполным данным, с июля 1937 года по ноябрь 1938 г. в маленькой Абхазии были репрессированы 2186 человек: расстреляно 748, бесследно исчезли в тюрьмах – 377, многие нашли свой конец в лагерях *(Дзидзария, 2006. С. 528)*.

По инициативе Берия с 30 октября по 3 ноября проходил сухумский процесс – единственное публичное судилище в Абхазии, организованное по примеру московских процессов. В эти дни 13 человек – М. Чалмаз, М. Лакоба, К. Инал-ипа, Д. Джергения, В. Лакоба, В. Ладария, А. Энгелов, С. Туркия, П. Сейсян, М. Кишмария, С. Эбжноу, Х. Чанба, К. Ахуба – предстали перед бериевским судебным спектаклем Абхазии. Это были бывшие работники наркомов, партийных и советских органов. Десять из них представляли абхазов и трое – грек, армянин, грузин.

Процессом руководили председатель Верховного суда Абхазии Т. Антия, прокурор республики В. Шония и общественный обвинитель М. Делба *(История Абхазии, 1993. С. 346)*. Они обвинялись в том, что якобы входили в «диверсионно-террористическую группу обер-бандита Лакоба, готовившего, покушение на вождя народов Сталина».

Так, из речи государственного обвинителя, прокурора Абхазской АССР В.Л. Шония, читаем: «… Значение этого процесса выходит за пределы Абхазии. Сидящие здесь на скамье подсудимых лица, как это установлено, пускали свои грязные щупальца далеко за пределы Абхазии. Это жалкая, презренная банда пыталась оборвать своими грязными руками прекрасную жизнь того, к кому обращены взоры трудящихся человечества. Эта же банда пыталась остановить сердце лучшего большевика, преданного делу партии Ленина, Сталина, руководителя большевиков Грузии. На скамье подсудимых сидят лица, маскировавшиеся под видом людей, преданных партий, и занимающие ответственные посты. На самом же деле эти люди оказались ничтожными и морально растленными. Товарищи судьи, вы сами увидели какую тошнотворную мразь они из себя представляют, без маски. Предварительным судебным следствием доказано, что мы имеем дело с людьми, которые никогда ничего общего не имели с нашей партией. Воспользовавшись ходом исторических событий и очутившись у власти в рядах партии, проходимцы и авантюристы Н. Лакоба, М. Лакоба, В. Лакоба, Инал-ипа и Чалмаз перекрасились, замаскировались и в течении ряда лет безнаказанно творили здесь свои грязные дела. Теперь эти люди железной рукой пролетарской диктатуры разоблачены, маски с них сорваны…» *(Абхазия, 1992. С. 433-434)*.

Речь прокурора В.П. Шония поддержал общественный обвинитель М. Делба. Он заявил: «Подлые враги и предатели из шайки Н. Лакоба разоблачены и пойманы с поличным. Их надежды рухнули. Они разгромлены, и пролетарский суд отсечёт им грязные кровавые руки решительно и мгновенно. Славные органы диктатуры пролетариата – НКВД, руководимые сталинским посланцем тов. Ежовым, будут и впредь беспощадно громить, вылавливать и разоблачать врагов народа. Всякий кто попытается посягнуть на грозную мощь диктатуры пролетариата, на нерушимую твердыню победившего социализма будет раздавлен. Смерть вам! Смерть! Проклятые фашистские выродки!» *(Абхазия, 1992. С. 452)*.

Так невинные люди становились врагами народа. Им был вынесен жесткий приговор – расстрел. В ночь на 4-е ноября, накануне 20 летнего юбилея Октября, десять из тринадцати человек были расстреляны. По этому же делу проходили крестьяне-колхозники М. Кишмария, Х. Чанба и К. Ахуба, осужденные к длительным годам лишения свободы и с поражением в правах на 5 лет каждого из них.

После этого процесса, аресты в Абхазии продолжались. Был осужден и расстрелян Ефрем Эшба – виднейший интеллигент, работавший председателем Ревко-

ма, ЦИКа Абхазии, секретарем Чеченского обкома партии, а также служивший в таких странах, как Америка и Англия, на высоких постах.

В 1937 г. был расстрелян Николай Акиртава, который много личных усилий приложил в установлении Советской власти в Абхазии, избирался первым секретарем Абхазского обкома партии.

Бывший первый секретарь Абхазского обкома партии, затем председатель ЦИК Абхазии Алексей Агрба был расстрелян в 1938 году.

Не стало и любимца молодежи Абхазии – первого секретаря Абхазского обкома комсомола Платона Авидзба, имя которого осталось в народе как особого молодёжного деятеля, воплощавшего в себе деловитость и обаяние.

Подверглись террору лучшие представители абхазской научной и творческой интеллигенции. Не стало в 1937 году Самсона Чанба – выдающегося абхазского писателя и государственного деятеля. Он ещё в 1920 году публикует первое абхазское драматическое произведение «Махаджиры», посвящённое трагическому переселению абхазов в Турцию в 70-х годах XIX в., становится основоположником драматургии. Он известен и как большой мастер абхазской прозы, создавший бессмертные произведения «Сейдык» и поэму «Дева гор». С.Я. Чанба назначался председателем Союза писателей, наркомом по народному просвещению, председателем ЦИКа Абхазии. Не стало в 1937 году Леонтия Лабахуа, закончившего Сухумский педагогический техникум и институт, преподававшего абхазский язык и литературу в Блабурхвской и других школах. Леонтий Лабахуа обладал высоким талантом поэта. Он внес вклад в абхазскую сатирическую поэзию, создав работы «Всемогущий Мазлоу», «Таково поведение вина», «Сон Бадры».

Была оборвана репрессией и жизнь Кондрата Дзидзария – директора абхазской образцовой школы им. Н. А. Лакоба, который много сделал для развития образования и музыкальной культуры абхазского народа.

Не стало одарённого представителя абхазской творческой интеллигенции – Муты Кове – драматурга, танцора и солиста, который остался в памяти многих людей как воплощение таланта абхазского народа. Изверги уничтожили профессионального кинематографиста - абхаза Виктора Патейпа. Талантливый историк, преподаватель абхазской образцовой СШ г. Сухума Пётр Брюховецкий 21 июня 1937 г. был осужден и с каторги не вернулся. Был расстрелян Шабат Гублия – видный просветитель, обладавший блистательным умом.

По уголовному делу №251543 проходили активные борцы за Советскую власть И. Меладзе, Е. Шамба, Н. Матарадзе, Г. Робакидзе, Н. Возба, и М. Амичба. Последние оба были расстреляны, а остальные чудом остались в живых *(Сагария, 1995. С. 20)*.

Органами внутренних дел 13 июня 1937 г. был арестован Ардаш Шмафович Ашхацава, член ВЛКСМ с 1922 г., член Коммунистической партии с 1928 г., бывший первый секретарь Абхазского обкома комсомола, в дальнейшем занимавший ряд ответственных должностей в партийных органах Абхазии. Постановлением заседания Тройки при НКВД Грузинской ССР от 13 ноября 1937 г. А.Ш. Ашхацава был вынесен смертный приговор. Постановлением Тройки НКВД ГССР 26 декабря 1937 г. Т. Абгадж был приговорен к расстрелу.

По представлению прокурора Абхазской АССР В. Шония органами НКВД 8 октября 1937 г. был арестован видный представитель абхазской интеллигенции, бывший секретарь Гудаутского РК партии, зам. наркома просвещения, а пред арестом работавший начальником Управления по делам искусств при ЦИК Абхазии Захар Сулейманович Агрба. Он обвинялся в том, будто состоял в контрреволюционной буржуазно-националистической организации, возглавляемой председателем ЦИК Абха-

зии А.С. Агрба, которая, якобы ставила своей целью «свержение Советской власти в Абхазии и установление буржуазного капиталистического строя» *(Хварцкия, 1997. С. 45)*. Постановлением Тройки 26 декабря 1937 З.С. Агрба вынесен смертный приговор. Этим же числом смертный приговор был вынесен В.Е. Хишба, Д.И. Чагава, В.И. Гвалия.

Террор унес виднейших абхазских филологов Арсена Хашба и Владимира Кукба, которые вместе окончили Ленинградский Восточный институт и аспирантуру, став первыми абхазами – кандидатами филологических наук. А. Хашба и В. Кукба внесли большой вклад в развитие языкознания. Так, 1935 году была создана книга «Абхазские сказки», которая была издана под общей редакцией А. Хашба и В. Кукба. В период учебы в Ленинграде А. Хашба ездил на Северный Кавказ, где изучил абазинский, адыгский и кабардинский языки А. Хашба сыграл немалую роль в создании письменности абазин, для чего он дал конкретные советы и предложения. В 1932 г. А. Хашба возглавил Абхазский научно-исследовательский институт краеведения, вскоре переименованный в Институт абхазской культуры (позже Абхазский институт языка, литературы и истории) *(Хашба, 2003. С. 135)*. Супруга Арсения Хашба вынуждена была покинуть Сухум и выехать в Среднюю Азию *(Хашба, 2003. С. 136)*.

В. Кукба сочетал научную работу с общественной – назначался начальником отдела искусств ЦИК Абхазии, избирался вторым секретарем Абхазского обкома партии. Его супруга подверглась постоянной слежке и преследованиям.

Особо трагичной была судьба семьи Нестора Лакоба. Мать Нестора Лакоба – Шихусна Джергения – Лакоба была убита в 1937 г. во время допроса комиссара внутренних дел Абхазии Пачулия, а супруга – Сария скончалась в Тбилисской тюрьме, в одиночной камере, куда нередко впускали змею, а сын Нестора Лакоба по достижению совершеннолетия был расстрелян.

Таков был «гуманизм» сталинской эпохи *(Хашба, 2003. С. 134)*.

Грузинские шовинисты расправились с видными юристами Абхазии. Были расстреляны Гудиса Тарба – прокурор Абхазии, Киамин Ардзинба – зам. председателя Верховного Суда Абхазии и Арзаабей Отырба – прокурор Гагрского района, Леонтий Тарба – начальник Гудаутского отделения НКВД, Николай Кокоскерия – член Верховного Суда, Александр Агрба – начальник КГБ Очамчирского района.

Не стало и начальников отделов НКВД Абхазии Андрея Пилия и Спиро Арнаута. Был расстрелян и Тарасхан Гагулия – начальник УГРО Абхазии. Не стало и Владимира Патейпа – председателя Верховного Суда Абхазии, Максима Хварцкия – начальника Сухумской городской милиции Езата Аргун – начальника Гудаутской милиции, сотрудника этого же отделения милиции – Байрама Ахба.

Сталинские приспешники беспощадно уничтожили и руководителей сельсоветов и колхозов. Так, были уничтожены: З. Тарба – бывший председатель Лыхненского сельсовета, Меджит Ардзинба – бывший председатель колхоза «Дурипш»», Махмед Ардзинба – бывший председатель Дурипшского сельсовета, Камшиш Авидзба – председатель Аацынского сельсовета, Азиз Авидзба – председатель колхоза «Аацы», Киамин Ахба – председатель Ачандарского сельсовета *(Хварцкия, 1997. С. 49)*.

Из села Адзюбжа 35 жителей, фигурировавших в деле «Организаторы», 21 человек были приговорены к расстрелу. Это: Джанашия Борис – «руководитель контрреволюционной молодежной организации Сухумского района», Джанашия Арсен, Джанашия Сарпион, Джанашия Бессарион, Джанашия Астамур, Лагвилава Хванка, Жвания Ектил, Апшцба Елизбар *(Маан, 2006. С. 179)*.

Репрессиям подвергались абхазские армяне и греки: А. Мамиконян, М. Ичмелян, У. Узунян, Ф. Анастасиади, Н. Делавери – один из первых советских ученых-греков Абхазии, работавший в 1933-1936 гг. директором Сухумского педагогического института. Не стало Константина Семерджиева, который избирался первым предсе-

дателем Сухумского окружкома комсомола, был командиром ЧОН Гумистинского уезда, заместителем наркома юстиции.

Трудно написать обо всех абхазах, которые были уничтожены сталинским террором. На многих из них нет документов, следов их уничтожения.

Служебные места уничтоженных террором занимали грузины.

За короткий промежуток времени абхазский народ лишился своей передовой части. Так, только по так называемым делам «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористическо-повстанческой, шпионской организации Абхазии» и «Об антисоветской националистической организации в Абхазии» в 1937-1938 гг. было репрессировано 3770 человек; из них было расстреляно 1748 человек *(Хварцкия, 1997. С. 51)*.

Бериевские ставленники в Абхазии избрали два «лобных места», где они расстреливали невинных людей: район Дачи (Скурча) в Очамчырском районе и у впадения реки Гумиста в Чёрное море, на правом её берегу. Так, только в одну ночь 1938 года в песках реки Гумиста было зарыто 784 человека. Из этого числа более половины были абхазы. Таков был «гуманизм» сталинского периода. В 1938 году абхазские правительственные, хозяйственные, научные, образовательные и культурные учреждения были практически полностью очищены от этнических абхазов, а освободившиеся места занимали многочисленные переселенцы из Грузии.

Но, к сожалению, на этом репрессии в Абхазии не закончились. Как известно, в августе – сентябре 1941 г. на абхазскую интеллигенцию обрушилась вторая волна репрессий. Те немногие, кто уцелел в 1937-1938 гг. подверглись новым преследованиям.

В этот период были арестованы 20 человек (18 абхазов, 1 грузин, 1 немец). Вот их имена: Зосим Иосифович Кобахия, Владимир Мурзаканович Маргания, Зосим Васильевич Агрба, Симон Петрович Басария, Михаил Иванович Тарнава, Николай Соломонович Патейпа, Ражден Иванович Какуба, Виктор Дмитриевич Патейпа, Семён Гелачевич Дбар, Пётр Григорьевич Хварцкия, Тарас Владимирович Маргания, Владимир Дмитриевич Патейпа, Калистрат Павлович Тарнава, Герасим Алексеевич Киласония, Карл Георгиевич Вебер, Антип Михайлович Марганадзе, Иван Семёнович Мушба, Константин Алексеевич Габлия, Платон Миронович Кутарба, Александр Мурзаканович Чачибая.

По заданию бывшего Наркома ВД Абхазской АССР Гагуа было сфабриковано новое дело под названием «О нелегальной контрреволюционной национал-социалистической организации в Абхазии». «Организатором» этой организации проходил З.И, Кобахия, вернувшийся только что из ссылки. С 13 по 18 ноября 1941 г. в Сухуме состоялась выездная сессия военной коллегии войск НКВД ГССР. Без участия сторон смертный приговор был вынесен С.П. Басария, З.И. Кобахия, С.Г. Дбар, В.М. Маргания и др. По сообщению следователя Надирашвили, приговор был приведен в исполнение 22 декабря 1941 года. Г. Килосония, К. Вебер, Р. Какубава, К Тарнава получили по 10 лет тюремного заключения с поражением в правах, по 7 лет дали П. Кутарба, П. Хварцкия, А. Марганадзе и И. Мушба.

Однако данное постановление от 13-18 ноября 1941 г. в г. Тбилиси частично было пересмотрено Военным трибуналом войск НКВД ГССР 8-9 мая 1942 г. дела, касающиеся С. Басария, К. Тарнава, К. Вебера, Г. Киласония, П. Хварцкия, П. Кутарба. Всем им был вынесен смертный приговор, и он приведён в исполнение 23 июня 1942 года *(Сагария, 1995. С. 23)*.

Таким образом, репрессивные практики сталинского режима привели к почти полному физическому уничтожению управленческой, хозяйственной и интеллектуальной элиты Абхазии. Однако, несмотря на развивавшуюся тотальную грузиниза-

цию, абхазский народ сумел сохранить собственную этническую идентичность и вековые культурные традиции, обусловившие последующее возрождение независимой абхазской государственности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Инджгия Джамбул Джумберович
Старший преподаватель кафедры истории, археологии и этнологии, Абхазский государственный университет;
Младший научный сотрудник,
Абхазский институт гуманитарных исследований им. Д. Гулиа,
г. Сухум,
E-mail: indzhgiyad@bk.ru

Dzhambul Dzhumberovich Injgiya
Senior Lecturer,
Department of History, Archeology and Ethnology, Abkhazian State University;
Junior Researcher,
D. Gulia Abkhazian Institute of Humanitarian Studies,
Sukhum
E-mail: indzhgiyad@bk.ru

Литература

1. Абхазия: документы свидетельствуют. 1937-1953 гг. Сборник материалов. Сухум: Алашара, 1992. 566 с.
2. *Дзидзария Г.А.* Труды. Том III. Сухум: Алашара, 2006. 570 с.
3. История Абхазии: учебное пособие. Гудаута: Алашара, 1993. 392 с.
4. *Лакоба С.З.* Очерки политической истории Абхазии. Сухум: Алашара, 1990. 153 с.
5. *Маан. О.В.* Абжуа. Историко-этнологические очерки. Сухум, 2006. 596 с.
6. *Сагария Б.Е.* О трагических страницах в истории Абхазии. Сухум: Алашара, 1995. 24 с.
7. *Хашба А.М.* Политический террор середины 30-40-х гг. и его цели. Труды АГУ. Ч.II. Сухум. 2003.
8. *Хварцкия М.Ш.* История фальсификации и фальсификация истории. Сухум, 1997. 130 с.

References

1. Abkhazia: documents testify. 1937-1953. Collection of materials (1992). Sukhum: Alashara. 566 p.
2. Dzidzaria G.A. (2006) Trudy. Volume III. Sukhum: Alashara. 570 p.
3. The History of Abkhazia: study guide. (1993) Gudauta: Alashara. 392 p.
4. Lakoba S.Z. (1990) Essays on the political history of Abkhazia. Sukhum: Alashara. 153 p.
5. Maan. O.V. (2006) Abzhua. Historical and ethnological essays. Sukhum. 596 p.
6. Sagaria B.E. (1995) About tragic pages in the history of Abkhazia. Sukhum: Alashara. 24 p.
7. Khashba A.M. (2003) Political terror of the mid-30-40s and its goals. Proceedings of ASU. Ch.II. Sukhum.
8. Khvartskiya M.S. (1997) History of falsification and falsification of history. Sukhum. 130 p.

Поступила в редакцию ***10 сентября 2021 г.***

Религии и регионы Большого Кавказа

УДК 316.74:2(470.67)
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.2

Общественное мнение о роли примечетских школ в противодействии религиозному экстремизму (на примере Дагестана)

Р. О. Рамазанов
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр,
г. Махачкала, Россия

Аннотация. Проблема религиозного возрождения, соответственно, и религиозного образования являются важнейшими для современного российского общества, ибо процессы конфессионального оживления сопровождаются не только фактической возможностью демонстрации своего отношения к вероисповеданию (верующий/неверующий), но и появлением в массовом сознании, особенно молодого поколения, радикальных идей, стремлением навязывать свои мировоззренческие установки когорте, которая придерживается собственных религиозных взглядов. Это выражается в проявлении экстремальности сознания, причем религиозного сознания, как крайности, которая просвечивается через практики силового разрешения проблем. Эмпирические данные показывают, что опрошенное население Дагестана усматривает в деятельности примечетской школы как начального сегмента мусульманского образования в республике потенциал в противостоянии радикальной идеологии в современном дагестанском обществе с аргументацией, что учителя мактабов воспитывают истинного мусульманина, активно выступая против появления в обществе деструктивных явлений с религиозным оттенком. При этом статистически небольшая доля респондентов критически оценивают роль мактабов в противостоянии салафитской идеологии. Результаты экспертного опроса свидетельствуют, что при отсутствии контроля над мусульманским образованием со стороны образовательных структур и мировоззренческие установки преподавателя мактаба являются благодатной почвой для формирования в сознании обучающихся салафитских идей. Пути противостояния данным негативным явлениям опрошенные видят в том, чтобы родители учеников осуществляли жесткий контроль за процессом обучения в примечетской школе при одновременном следовании законам Российского государства.

***Ключевые слова*:** религиозное образование; мусульманское образование; примечетская школа; мактаб; ислам; религиозное сознание; радикализация сознания; экстремальность сознания.

***Для цитирования*:** Рамазанов Р. О. Общественное мнение о роли примечетских школ в противодействии религиозному экстремизму (на примере Дагестана) // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 22 – 29.

Public opinion on the role of mosque schools in countering religious extremism (on the example of Dagestan)

Rashid O. Ramazanov
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center,
Makhachkala, Russia

Abstract. The religious revival and religious education are the most important issues for modern Russian society. The confessional revival manifests not only in the possibility to demonstrate the attitude toward the religion (believer / non-believer), but also in the emergence of radical ideas in the mass consciousness, especially among the younger generation. It is expressed in the manifestation of the extremeness of consciousness, moreover, of religious consciousness, which lead to the practices of forceful resolution of the problems. Empirical data show that the population of Dagestan sees in the mosque school, as an initial segment of Muslim education in the Republic, a potential to oppose radical ideology in modern Dagestan society. The respondents underline that the maktab teachers raise true Muslims, actively opposing the appearance of destructive phenomena whith religious connotation in the society. At the same time there is a statistically small part of respondents, who critically assesses the role of maktabs in opposing Salafi ideology. The results of the expert survey indicate that the state of the absence of the educational structures control over Muslim education and the ideological attitudes of the maktab teachers create a fertile ground for the emergence of Salafi ideas among the students. The respondents suggest the parents of pupils to control the learning process in the mosque school in the framework the of the Russian Federation laws.

Key words: religious education; Muslim education; mosque school; maktab; Islam; religious consciousness; radicalization of consciousness; extremeness of consciousness.

For citation: Ramazanov R. O. Public opinion on the role of mosque schools in countering religious extremism (on the example of Dagestan) // Caucasian Science Bridge. 2021 Vol. 4 № 2. P. 22 – 29.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Религиозная сфера является очень важной и от ее состояния зависит стабильность не только в конфессиональной области, но и в целом всего общества. Низкий уровень осведомленности населения о происходящих в религиозной сфере процессах способствует некритическому анализу причин усиления религиозного компонента, формирует в общественном сознании равнодушие в отношении экстремистской, сектантской и иной идеологии. В этой связи, «особое внимание в образовательном процессе должно быть уделено вопросам воспитания толерантности и уважительного отношения к людям разных мировоззрений, что является одним из важных условий выживания и обеспечения безопасности нашего общества» (*Садиков М., 2009*).

В современном российском обществе существует неоднозначное отношение к системе религиозного образования: порой беспочвенные обвинения религиозных деятелей в распространении радикальных идей в молодежной среде, наряду с тем, что любые попытки официальной власти проверять качество образования, методику преподавания, предметы обучения, уровень квалификации встречает жесткое сопротивление со стороны местного духовенства, подтверждением чего является хотя бы ситуация с проведением данного опроса по изучению состояния примечетских школ в современном Дагестане. По мнению автора, если бы имело место сотрудничество между светской и религиозной властью, а не декларирование необходимости существования такого сотрудничества, а реальное взаимодействие – это помогло бы обеспечить, во-первых, получение качественного религиозного образования учениками, во-вторых, исключить распространение в среде обучающихся радикальной идеологии. Кроме того, провозглашение значимости религиозной принадлежности над иными формами идентификации человека ведет к тому, что получивший религиозное образование и вышедший из стен культового образовательного учреждения выпускник вполне может быть изначально отрицательно настроенным в отношении светскости общества, а также соблюдения светских законов, больше апеллируя при этом к приоритетности норм шариата. Подтверждением данного утверждения является, например, широкое распространение в современном Дагестане шариатских судов, куда дагестанские верующие обращаются для решения спорных вопросов, даже если некоторые из них попадают под статьи Уголовного кодекса (мошенничество, кража, убийство и т.д.).

В постсоветский период произошла смена поколений внутри исламского духовенства и данный фактор, видимо, будет иметь негативные последствия для конфессиональной сферы, ибо появилась прослойка, которая получила религиозное (мусульманское образование) в арабских странах и по-своему понимает вероучение. Кроме того, «возросшее соперничество между пожилым и молодым поколениями мусульманского духовенства во многом обостряется в связи с конкурентной борьбой между ДУМами, когда их руководители порой совершенно беспочвенно обвиняют друг друга, либо тех или иных имамов в приверженности к ваххабизму. Молодежь, получившая образование в постсоветское время, особенно обучавшаяся за рубежом, наиболее подвержена радикализации» (*Патеев Р., 2008*). Более того, «факторами радикализации, наряду с экономическим кризисом и конфликтогенностью отдельных регионов, остаются безработица и невозможность для выпускников исламских вузов кооптироваться в среду официального духовенства» (*Патеев Р., 2008*).

В России сформировалась собственная система религиозных и культурных ценностей, нормативной практики. Поэтому в современной период развития обще-

ства проблема формирования веротерпимости, характер взаимоотношений между представителями разных мировоззренческих идей актуализировалась, ибо «ислам как одна из традиционных конфессиональных общностей в России играет все более заметную роль в ее общественно-политической жизни. Будучи фактором формирования общественного сознания, а в отдельных регионах, в особенности на Северном Кавказе, и поведенческих стереотипов, ислам оказывает существенное воздействие и на ход политических событий, включая и имеющие место в этом регионе конфликты» (*Мухаметшин А., 2015*). Более того, по мнению А.Р. Мухаметшина, усиление идеологии исламского радикализма в настоящее время является не только выражением социального протеста, но как стремлением обозначить мусульманскую идентичность, вернее, преодоление его кризиса (*Мухаметшин А., 2015*).

Исследователи выделяют 6 основных форм религиозного экстремизма: «1. внутриконфессиональный; 2. иноконфессиональный; 3. личностно-ориентированный; 4. этнорелигиозный, 5. религиозно-политический; 6. Социальный» (*Бурьянов О., 2009*). В современной науке под религиозным экстремизмом понимают «социальное явление, существующее в 4 следующих взаимосвязанных формах: а) религиозное сознание; б) религиозная идеология; в) деятельность по реализации религиозной доктрины, провозглашенной единственно истинной; г) организационные формы осуществления религиозной доктрины, в частности, религиозные экстремистские организации (тоталитарные секты)» (*Мухаметшин А., 2015*).

В рамках изучения радикализации сознания молодого поколения важным представляется позиция отечественных авторов, которые «под экстремальностью как сущностной характеристикой молодежи понимаются различные формы проявления максимализма в сознании и крайностей в поведении на групповом и индивидуально-личностном уровнях» (*Зубок Ю., Чупров В., 2008*).

Эмпирическая часть исследования. Социологический опрос по изучению состояния образовательного процесса в примечетских школах Дагестана был проведен в 2020 г. в городах Дагестана (Махачкала, Хасавюрт, Дербент) и сельских районах (Ботлихский, Буйнакский, Казбековский, Хасавюртовский) республики. Анкеты обработаны в программе SSPS – 25, для чего были созданы 3 матрицы: ученики, родители, эксперты. Произведены вычисления – описательная статистика, по каждой матрице отдельно. Также произведен кростабуляционный (перекрестный или анализ сопряжения) анализ по социально-демографическим параметрам – пол, возраст, место жительства, отношение к религии.

Результаты исследования

В данном опросе экспертам, родителям и ученикам примечетских школ были заданы с разной формулировкой вопросы, ответы на которые показывают роль мактабов в осуществлении политики противодействия распространению ваххабитской идеологии в современном дагестанском обществе (Таблица 1).

По мнению родителей (74,7 %), учителя примечетских школ воспитывают истинного мусульманина, поэтому смогут противостоять появлению в общественном сознании радикальной религиозной идеологии. По возрасту и образованию ответы распределились следующим образом: положительно возможность мактабов в противостоянии радикальной религиозной идеологии с аргументом, что учителя примечетских школ воспитывают истинного мусульманина оценили 59,8 % родителей в возрастном интервале от 20 до 40 лет и 40,2 % от 40 лет и выше, а также 57,8 % имеющих среднее, 55,6 % среднее специальное и 57,1 % высшее образование. Другим фактором противостояния радикальной идеологии 68,2 % родителей в возрасте от 20 до 40 лет, 32,0 % от 40 лет и выше, 17,8 % со средним, 13,9 % средним специаль-

ным и 16,1 % высшим образованием считают наличие хороших педагогов при мактабах. Вариант ответа – учителя примечетских школ ведут пропаганду против религиозного экстремизма и терроризма, объясняют историю появления ваххабизма и его вред для ислама – отметили 72,0 % родителей от 20 до 40 лет, 28,0 % от 40 лет и выше, 17,8 % со средним, 19,4 % средним специальным и 16,1 % высшим образованием. Отрицательно оценивающих возможности и способности преподавательского состава мактабов в противостоянии распространению идей религиозного экстремизма и терроризма в современном дагестанском обществе, потому что в примечетских школах обучение ведут учителя с невысоким уровнем знаний, по возрасту отмечена 4,0 % родителей от 20 до 40 лет, 3,4 % от 40 лет и выше, 4,4 % со средним, 5,6 % средним специальным и 1,8 % высшим образованием.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос
«Как Вы думаете, смогут ли примечетские школы противодействовать распространению религиозного экстремизма и терроризма в современном дагестанском обществе?» (%)

Варианты ответов	Родители	Ученики
Да, учителя примечетских школ воспитывают истинного мусульманина	74,7	82,9
Да, учителя примечетских школ ведут пропаганду против религиозного экстремизма и терроризма, объясняют историю появления ваххабизма и его вред для ислама	16,0	16,0
Да, при хороших педагогах	16,7	0,7
Нет, потому что у людей нет доверия духовным лицам (муллам и т.д.)	1,9	0,5
Нет, в примечетских школах обучение ведут учителя с невысоким уровнем знаний	4,3	0,7
Нет, само примечетское образование имеет много недостатков и уводит обучающихся от светских знаний	1,2	
Нет, в Дагестане имеет сильное распространение ваххабитская идеология, поэтому есть опасность того, что примечетские школы будут прививать радикальный ислама	1,9	0,5

Отсутствие доверия духовным лицам (муллам и т.д.) обозначено 2,0 % опрошенных родителей в возрасте от 20 до 40 лет, 1,7 % от 40 лет и выше и 5,4 % с высшим образованием. Далее вариант ответа, что само примечетское образование имеет много недостатков и уводит обучающихся от светских знаний, подчеркнута 2,0 % родителей в возрасте от 20 до 40 лет, 2,2 % со средним и 2,8 % средним специальным образованием. На сильное распространение в Дагестане ваххабитской идеологии, поэтому есть опасность того, что примечетские школы будут прививать радикальный ислама, указали 5,2 % опрошенных родителей в возрасте от 40 лет и выше, 2,8 % имеющих среднее специальное и 3,6 % высшее образование. Полученные данные опроса показывают, что родители возлагают большие надежды на воспитание своих детей в рамках исламского учения, более того, надеются на недопущение распространения идей радикального ислама среди подрастающего поколения.

Результаты опроса по ученикам показывают, что, по их мнению, примечетские школы могут противодействовать распространению религиозного экстремизма и терроризма в современном дагестанском обществе потому, что работающие в мактабах учителя воспитывают истинного мусульманина – 81,7 % со средним, 82,3 % средним специальным, 91,2 % высшим образованием, 80,7 % до 20 лет, 86,7 % от 20 до 40 лет, 95,9 % от 40 лет и выше. Вариант ответа учителя примечетских школ ведут пропаганду против религиозного экстремизма и терроризма, объясняют историю появления ваххабизма и его вред для ислама ближе 17,3 % учеников со средним, 17,7 % средним специальным, 7,0 % высшим образованием, 19,0 % до 20 лет, 10,8 % от 20 до 40 лет, 4,1 % от 40 лет и выше. Далее, негативное отношение к возможности мактa-

бов противостоять радикализму и терроризму, так как в примечетских школах обучение ведут учителя с невысоким уровнем знаний отмечено очень небольшой частью учеников со средним образованием (0,7 %), впрочем, как и по возрасту – 0,2 % до 20 лет и 1,2 % от 20 до 40 лет. Мнение, что в Дагестане имеет место сильное распространение ваххабитской идеологии, следовательно, есть опасность прививания в стенах примечетских школ идей радикального ислама, разделяет статистически незначимая часть учеников со средним (0,3 %) и высшим образованием (1,8 %), впрочем, как и в возрасте от 20 до 40 лет (1,2 %).

Дагестанские исследователи считают, что, несмотря на активное изучение проблемы религиозно-политического экстремизма на Северном Кавказе, особенно в Дагестане, а также то, что эта «тема неоднократно была предметом обсуждения на различных региональных и общероссийских научных конференциях, ей посвящено множество опубликованных работ и она занимает значительное место в телепередачах и в журнально-газетных публикациях, результативность и практическая отдача от этой достаточно интенсивной научно-пропагандистской деятельности довольно невысока и не соответствует задачам преодоления религиозного экстремизма» (*Муслимов С., Нурилова А., 2010*). Если обратиться к опросам З.М. Абдулагатова, то он утверждает, что к салафизму (ваххабизму) склонна довольно большая часть населения (более 50 %) (*Абдулагатов З., 2007*), т.е. можно сделать вывод – проблема распространения ваххабитской идеологии в дагестанском обществе по-прежнему актуальна, поэтому возникает вопрос «Где мусульманин впервые получает сведения, вернее, знания по исламу, которые не признаются официальным духовенством?». Исследования дагестанских и других авторов (*Арухов З.*, 2007; *Мусаева С.*, 2007; *Муртузалиев С.,* 2007; *Эфендиева Д.,* 2006; *Шахбанова М.,* 2009; *Шахбанова М.,* 2013; *Шахбанова М., Шахбанов А.,* 2007; *Ярлыкапов А., 2007*) показывают, что салафитские идеи в разные исторические периоды на территорию Дагестан были привнесены как обучавшимися за пределами России, так и самими преподавателями арабами, которые были привлечены для работы в мусульманских образовательных учреждениях Дагестана. В одной из своих публикаций «Суфизм и ваххабизм в Дагестане» А.А. Мантаев пишет: «вопреки распространенному мнению о том, что ваххабизм был привнесен в Дагестан в конце 20 в. спор между сторонниками "нового мышления" в исламе и его противниками имеет вековую историю в Дагестане… обвинения в адрес суфизма и шейхов были едва ли не жестче обвинений в их адрес со стороны нынешних "ваххабитов". Однако, даже несмотря на столь жесткий характер полемики, противоречия остались в рамках научных дискуссий…» (*Абдулагатов З., 2009*).

Иными словами, не очень подробное изложение ситуации в религиозной сфере, вернее, описание распространения ваххабизма и салафитской идеологии в нашем обществе показывает, что проблема радикализации сознания не теряет своей актуальности, т.е. она является злободневной, поэтому важным является изучение существующих внутри данного явления, а также установление причин, по которым молодое поколение дагестанцев примкнуло к ваххабитской идеологии.

Распространение идей радикального исламизма, религиозного терроризма, ваххабитской идеологии усилилось в перестроечный период, а основой явилось возрождение религиозной жизни на постсоветском пространстве. Поэтому изучение начального сегмента мусульманского образования в нашей республике закономерно ставит вопрос о месте и роли примечетских школ как в формировании и распространении салафитских идей в обществе, так и в процессе противостояния ему, осуществлении профилактической работы, особенно среди молодого поколения, которое в основном обучается в мактабах. Хотя при проведении опроса можно было увидеть, что в мактабах обучаются не

только дети школьного возраста, но и взрослое поколение. На следующей таблице приведены результаты экспертного опроса (Таблица 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос
«Как Вы думаете, способствуют ли примечетские школы формированию салафитских идей в сознании молодого поколения дагестанцев?» (%)

Варианты ответов	%
да, если процесс образования не будет контролироваться отделами образования на местах	15,8
да, если в примечетских школах обучением будут заниматься люди с радикальными религиозными взглядами	45,6
нет, если обучение в примечетских школах не будет противоречить светскому характеру Российского государства	10,5
нет, если родители будут контролировать процесс обучения и следить за тем как проходит обучение, чему учат и т.д.	26,3

Данные опроса показывают, что, по мнению экспертов, формирование салафитских идей в сознании молодого поколения дагестанцев примечетскими школами возможно, если обучением будут заниматься люди с радикальными религиозными взглядами (40,4 %), по возрасту – 37,5 % в возрастном интервале 20 – 30 лет, 44,0 % 31 – 40 лет, 40,0 % в разрезе 41 – 50 лет и 83,3 % от 51 лет и выше, 60,0 % со средним, 60,1 % средним специальным, 39,5 % высшим образованием, а также 42,9 % экспертов имеющих начальное, 14,3 % среднее и 41,9 % высшее исламское образование. Распространение салафитской идеологии возможно при отсутствии контроля за образовательным процессом на местном уровне со стороны отдела образования считают 15,8 % экспертов по всему массиву: по возрасту данный тезис разделяют 25,0 % экспертов в разрезе 20 – 30 лет, 12,0 % 31 – 40 лет, 10,0 % 41 – 50 лет, 16,7 % 51 лет и выше, 20,0 % со средним специальным, 15,8 % высшим образованием. При этом противостоять данному негативному процессу можно, если родители будут контролировать процесс обучения и следить за тем как проходит обучение, чему учат и т.д. считают 31,3 % экспертов в возрасте 20 – 30 лет, 28,0 % 31 – 40 лет, 30,0 % 41 – 50 лет, 26,3 % 51 лет и выше, а также 40,0 % со средним, 10,0 % средним специальным, 28,9 % высшим образованием, 25,0 % с начальным, 50,0 % со средним и 25,0 % высшим мусульманским образованием. Вариант ответа, что избежать распространение салафитских идей в сознании молодого поколения дагестанцев возможно при соответствии обучения в мактабах светскому характеру Российского государства отмечен 6,3 % экспертов в интервале 20 – 30 лет, 16,0 % 31 – 40 лет, 10,0 % 41 – 50 лет, 15,8 % с высшим образованием, по 50,0 % имеющих начальное и высшее мусульманское образование.

Заключение

Таким образом, данные опроса показывают, что родители и ученики усматривают возможность мактаба противодействовать распространению религиозного экстремизма и терроризма в современном дагестанском обществе, так как: а) учителя примечетских школ воспитывают истинного мусульманина; б) они (учителя) ведут пропаганду против религиозного экстремизма и терроризма, объясняют историю появления ваххабизма и его вред для ислама; в) при мактабах имеются хорошие педагоги. Вместе с тем, хотя и небольшая часть опрошенных не верят в возможность мактабов противостоять религиозному экстремизму и терроризму, потому что у людей: а) нет доверия духовным лицам (имам и т.д.); б) в примечетских школах обучение ведут учителя с невысоким уровнем знаний; в) само примечетское образование имеет много недостатков и уводит обучающихся от светских знаний; г) в Дагестане имеет сильное распространение ваххабитская идеология, поэтому есть опасность то-

го, что примечетские школы будут прививать радикальный ислама. При этом эксперты в ответах на вопрос: «Как Вы думаете, способствуют ли примечетские школы формированию салафитских идей в сознании молодого поколения дагестанцев?» отметили, что мактабы могут способствовать формированию радикальной идеологии, если: 1. процесс образования не будет контролироваться отделами образования на местах и 2. в примечетских школах обучением будут заниматься люди с радикальными религиозными взглядами. Однако эксперты придерживаются и противоположной точки зрения: а) если обучение в примечетских школах не будет противоречить светскому характеру Российского государства; б) если родители будут контролировать процесс обучения и следить за тем как проходит обучение, чему учат и т.д.

Изучение начального сегмента мусульманского образования в Дагестане показывает наличие в данной области множества проблем, но при этом по результатам опроса можно сделать вывод, что в целом родители и ученики положительно оценивают работу примечетских школ, более того, как родители, так и ученики стремятся получить базовые знания по мусульманству, и для этого у каждой из групп имеется собственная аргументация, но часто их позиции совпадают.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Рамазанов Рашид Омариевич

Кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела социологии,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр, Российская академия наук,
г. Махачкала,
E-mail: rashram@yandex.ru

Rashid Omarievich Ramazanov

Candidate of Political Sciences, Researcher, Department of Sociology,
Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center, Russian Academy of Sciences,
Makhachkala,
E-mail: rashram@yandex.ru

Литература

1. *Абдулагатов З.М.* Послание Президента РД: новый взгляд на проблему терроризма // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: материалы науч.-прак. конф. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007. С. 269 – 273.

2. *Абдулагатов З.М.* Идеология «ваххабизма» в молодежном крыле салафитского движения в Дагестане // Дагестанский социологический сборник – 2009. Махачкала: ИАЭ,2009. С. 8 – 27.

3. *Арухов З.С.* Специфика северокавказского ваххабизма // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму: материалы науч.-прак. конф. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007. С. 396 – 406.

4. *Бурьянов О.В.* Безопасность общества: социально-структурный и институциональный аспекты: Автореф. дис... д-ра соц. наук. СПбГУ, 1999. 77 с.

5. *Воронцов С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в институционально-правовом контексте: дис.... д-ра юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009. 54 с.

6. *Зубок Ю.А., Чупров В.И.* Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5. С. 37 – 46.

7. *Мусаева С.И.* Пути проникновения экстремистской идеологии в Дагестан и борьба с ней // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007. С. 151 – 153.

8. *Муртузалиев С.И.* Религиозно-политический экстремизм на Северном Кавказе и в Дагестане (по результатам социологического опроса) // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007. С. 159 – 163.

9. *Мухаметшин А.Р.* Проблема радикализации мусульманского сообщества и формы проявления религиозного экстремизма: определение ключевых понятий // Минбар. Исламские исследования. 2015. Т. 8. № 2. С. 269 – 276.

10. *Муслимов С.Ш., Нурилова А.З.* Проблема изучения религиозно-политического экстремизма в Дагестане: конкретно-социологический аспект // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2010. № 4. С. 28 – 31.

11. *Патеев Р.* Россия: проблемы кооптации выпускников исламских вузов в официальное мусульманское духовенство (на примере Дагестана) // Кавказ и глобализация. 2008. Т. 2. №. 3. С. 150 – 160.

12. *Садиков М.* Исламское образование в Дагестане: история и современность // Минбар. Исламские исследования. 2009. № 2(4). С. 33 – 39.

13. *Шахбанова М.М.* Этноконфессиональные особенности Республики Дагестан // Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов. Махачкала: ДГТУ, 2009. С. 35 – 47.

14. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов в современных условиях // Социологические исследования. 2013. № 10 (354). С. 88 – 97.

15. *Шахбанова М.М., Шахбанов А.М.* Причины социальных конфликтов в межэтнических отношениях // Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции. Азов, 2007. С. 357 – 363.

16. *Эфендиева Д.А.* Отношение к неоваххабизму молодежи Северного Кавказа // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Махачкала: ДНЦ РАН, 2006. С. 109 – 110.

17. *Ярлыкапов А.А.* Ваххабиты о ваххабизме: идеология религиозно-политического экстремизма из первых рук // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Махачкала: Изд-во «Лотос», 2007. С. 231 – 233.

References

1. Abdulagatov Z.M. Message from the President of the Republic of Dagestan: a new look at the problem of terrorism // Actual problems of countering religious and political extremism: scientific and practical materials. conf. Makhachkala: «Lotos», 2007. P. 269 – 273.

2. Abdulagatov Z.M. The ideology of "Wahhabism" in the youth wing of the Salafi movement in Dagestan // Dagestan sociological collection – 2009. Makhachkala: ИАЭ, 2009. P. 8 - 27.

3. Arukhov Z.S. Specificity of North Caucasian Wahhabism // Actual problems of countering religious and political extremism. Makhachkala: «Lotos», 2007. P. 396 – 406.

4. Buryanov OV Social security: social, structural and institutional aspects: Author's abstract. dis ... Dr. sots. sciences. St. Petersburg State University, 1999. 77 p.

5. Efendieva D.A. Attitude towards neo-Wahhabism of the youth of the North Caucasus // Islam in the North Caucasus: history and modernity. Makhachkala: DSC RAS, 2006. P. 109 – 110.

6. Mukhametshin A.R. The problem of radicalization of the Muslim community and forms of manifestation of religious extremism: definition of key concepts // Minbar. Islamic studies. 2015.Vol. 8.No. 2. P. 269 – 276.

7. Murtuzaliev S.I. Religious and political extremism in the North Caucasus and Dagestan (according to the results of a sociological survey) // Actual problems of countering religious and political extremism. Makhachkala: «Lotos», 2007. P. 159 – 163.

8. Musaeva S.I. Ways of penetration of extremist ideology into Dagestan and the fight against it // Actual problems of countering religious and political extremism. Makhachkala: «Lotos», 2007. P. 151 – 153.

9. Muslimov S.Sh., Nurilova A.Z. The problem of studying religious and political extremism in Dagestan: a specific sociological aspect // Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Social Sciences. 2010. No. 4. P. 28 – 31.

10. Pateev R. Russia: problems of co-optation of graduates of Islamic universities into the official Muslim clergy (on the example of Dagestan) // The Caucasus and Globalization. 2008. Vol. 2. No. 3. P. 150 – 160.

11. Sadikov M. Islamic education in Dagestan: history and modernity // Minbar. Islamic studies. 2009. No. 2 (4). P. 33 – 39.

12. Shakhbanova M.M. Ethno-confessional features of the Republic of Dagestan // Actual problems of the humanities – 2009. Makhachkala: DSTU, 2009. P. 35 - 47.

13. Shakhbanova M.M. Ethnic identity of small-numbered Dagestan peoples in modern conditions // Sociological studies. 2013. No. 10 (354). P. 88 – 97.

14. Shakhbanova M.M., Shakhbanov A.M. Causes of social conflicts in interethnic relations // Current state and development of the South of Russia. Materials of the regional scientific conference. Azov, 2007. P. 357 – 363.

15. Vorontsov S.A. Anti-extremist activities of public authorities and local self-government in the institutional and legal context: dis .... Doctor of Law sciences. Rostov-on-Don, 2009. 54 p.

16. Yarlykapov A.A. Wahhabis about Wahhabism: the ideology of religious and political extremism at first hand // Actual problems of countering religious and political extremism. Makhachkala: «Lotos», 2007. P. 231 – 233.

17. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Youth extremism. Essence and features of manifestation // Sociological studies. 2008. No. 5. P. 37 – 46.

Поступила в редакцию ***20 августа 2021 г.***

ЭТНОЛОГИЯ НАРОДОВ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 316.347(470.62)
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.3

International Communication in the City Space of Dagestan: Condition and Trends

Madina M. Shakhbanova
Olga B. Khalidova
The Institute of History, Archeology and Ethnography
of Dagestan Federal Research Center of Russian Academy of Sciences
Makhachkala, Russia

Abstract. There is the problem of interethnic interaction. It is particular importance in a multi-ethnic society due to a number of very different factors. In addition, interethnic communication is an indicator of measuring the state in the interethnic sphere, because stability and the positive development of modern multinational society depend on it. Empirical data show that there is a positive attitude towards interethnic interaction, an orientation toward maintaining ethnic contacts in the mass consciousness of the urban population of Dagestan although at the same time it clearly outlines the social spheres within which they are ready to engage in interethnic dialogue.

Key words: urban space; urban population; interethnic communication; interethnic sphere; interethnic relations; interethnic tolerance; social distance.

For citation: Shakhbanova M. M., Khalidova O. B. International Communication in the City Space of Dagestan: Condition and Trends// Caucasian Science Bridge. 2021 Vol. 4 № 2. P. 32 – 41.

Межнациональная коммуникация в городском пространстве Дагестана: состояние и тенденции

М.М. Шахбанова
О. Б. Халидова
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
г. Махачкала, Россия

Аннотация. Проблема межнационального взаимодействия приобретает особую значимость в полиэтническом социуме в силу ряда самых различных факторов. Кроме того, межнациональная коммуникация является индикатором измерения состояния в межэтнической сфере, ибо от нее зависит стабильность и позитивное развитие современного полинационального социума. Эмпирические данные показывают наличие в массовом сознании городского населения Дагестана позитивного отношения к межнациональному взаимодействию, ориентацию на поддержание этноконтактов, хотя при этом четко очерчивает социальные сферы, в рамках которых они готовы вступать межнациональный диалог.

Ключевые слова*:* городское пространство; городское население; межнациональная коммуникация; межэтническая сфера; межнациональные взаимоотношения; межнациональная толерантность; социальная дистанция.

Для цитирования**:** Шахбанова М.М., Халидова О. Б. Межнациональная коммуникация в городском пространстве Дагестана: состояние и тенденции // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 32 – 41.

Introduction

Used methodology and used methods are important when studying any social phenomenon which the researcher relies on. If we turn to the methodology of the study of interethnic relations then the theory of contact and communication were the key in its framework. Moreover, the process of development of society, its needs, a formation of interethnic and inter-religious tolerance, interethnic harmony and stability in a multinational society required the search for a mechanism for resolving ethnic conflicts and confrontation between ethnic groups.

If we turn to scientific concepts that the development of the theory of contact was carried out by Allport in study “Nature of prejudice”. Subsequently, both Allport and his students established the significance of the frequency and duration of contacts, as well as

the number of people who maintain contact. Also Allport and his followers have merit for the designation of such an indicator as the status of a social group in a social hierarchy in the formation of a specific type of relationship. If western researchers studied the concept of contact, its specificity, role in the social sphere, then great attention was paid to the theoretical probability of interethnic contacts at the regional level in Russian ethno sociology *(Arutyunyan, Bromley, 1986)*. In native sociology in the 1970th – 1980th special attention was paid to the status of interacting groups. Therefore, the social composition and mobility of the contacting groups in the republics was revealed using data from statistics and sociological studies. We can to analyze the growth rates of qualified groups in the past that lagged behind in the economic development of peoples by such studies, their developing social and political demands, which it was clearly manifested during the period of perestroika. There was an understanding of status differences in their broad context as a new in the study of interethnic relations in the 1990th and especially in the 2000th including participation in power, the prestige of professions and position in society by M. Weber *(Drobizheva, 2018, p. 125).*

We can to establish an individual constructing a sociocultural space by study of the subjective boundaries of interethnic communication. We can see this process in an urban environment clearly and vividly that it is most often multiethnic and respectively, it filled with rules and stereotypes of interethnic contact that have developed over a long period of time. In addition, «the subjective reality of urban space is formed and ordered by the subject through natural attitudes, which are relatively stable social products» *(Fedosova, 2015).*

Before proceeding to the analysis of interethnic interaction and communication in the urban space of Dagestan, the frequency and nature of ethnic contacts, we have to state the concepts of interpersonal contact in the city in the scientific literature. So, to Z. Bauman's opinion, «cities have been sites of continuous and rapid changes throughout their history; and it were born changes that could turn the rest of society these changes arose unexpectedly and made people by surprise» *(Bauman, 2008, p. 24).* At the same time, the boundary «friend or foe» is clearly seen during interpersonal interaction. Therefore «we call cities a place where strangers meet, where they stay close to each other and where they interact with each other for a long time, without ceasing to remain strangers» *(Bauman, 2008, p. 26)*, moreover, they are places of the «mass industry of strangers».

If we turn to R. Sennet' concept, then he focuses on the fact that «otherness» is a provocateur, a source of anxiety in analyzing social contact, that you do not know what the other will do and how he can behave. If any of us are in the crowd that we experienced such a feeling of awkwardness, discomfort *(Sennet, 2008, p. 96).*

Native researchers note the initial characteristic of social contacts of tolerance, although the lack of social connections contributes to the formation of social loneliness and social passivity, which is manifested through a decrease in social responsibility and activity of the local community. If we turn to Z. Bauman' theory then «the presence of strangers within sight and reach only increases the deep uncertainty of all life aspirations of citizens. This presence is an inexhaustible source of anxiety but sometimes still breaking out aggression which can be avoided only briefly. The eternal, albeit unconscious, fear of the unknown is desperately seeking an outlet. Accumulated fears are usually discharged on the chosen category of «strangers», which begin to be as the personification of the whole «stranger» *(Bauman, 2008, p. 43).*

By G.V. Lysenko's opinion the condominiums are one of the means of international communication and social contacts in cities that contribute to the formation of public relations of urban residents located at the same level of social space while it having a fairly similar system of values and needs. In addition, there is a formation of security and security in such a space. Social contact has the quality of solidarity than tolerance. At the same time,

«condominiums with their fenced territory divide the space of the city into «internal» and «external». Condominiums divide the urban space into segments. There is a solid nature in some social interactions and they are built tolerant or conflicting relations with the actors of other segments. Thus, urban space is not open and equally accessible for social interactions» *(Lysenko, 2011, p. 49)*.

By researchers, the city and urban space where, firstly, with a constant increase in the population, and secondly, the integration of representatives of various ethnic communities, religions, professions and activities, migrants from rural areas to the local community is the basis for the existence of a social, spiritual, religious, etc. diversity due to the mutual influence, sometimes the combination of opposing ideas and cultures. Therefore, urban space with high heterogeneity is considered as a place, « people of different origin can easily join in it..., showing a high degree of openness» by R. Florida's opinion *(Mirishnikova, Shekin, Reva, 2011, p. 29)*. E. Shevki and D. Bell *(Mirishnikova, Shekin, Reva, 2011)* analyzed the social environment. They have a thesis that the city is a reflection of the complexity of modern society. Three main factors were identified by them that shape social transformations within the urban environment. There is social status or economic status, urbanization, or marital status. R. Murdy *(Mirishnikova, Shekin, Reva, 2011)* described urban mosaics based on the intersection of three factors in the analysis of the social environment. For example, the socio-economic situation represents a sectoral structure, family status is concentric zones, and ethnic concentrations resemble multiple nodes. The imposition of these zones results in urban mosaics. We can build a methodology of tolerance in the social space of the city based on this model.

D. Rothschild proposed for the first time to consider ethnic groups and the state as subjects of an ethno-political conflict in his theory of ethnic stratification. He was paying serious attention to the analysis of both the resource potential of the parties and the possibilities of political mobilization of the group. By D. Rothschild's opinion, the successes and activity of ethno-political movements depend on the economic, political and ideological resources that the group can operate. In addition, it is necessary to take into account the composition of the group, its social and cultural characteristics *(Baranov, 2018)*.

Data and methods

A sociological survey on the study of ethnic identity of the urban population of Dagestan was conducted by method of random sampling in Derbent city, Kaspiysk city, Makhachkala city, Khasavyurt city in 2019. N - 520.

Discussion

Only the multinational environment does not allow objective and subjective reasons to dominate the national factor in modern Dagestan society, because there are forces that can weaken the manifestation of ethno-nationalism, the desire to prevail in a particular social sphere. In addition, a positive interethnic dialogue helps maintain stability in a multiethnic society. Moreover, it is important to characterize the interethnic sphere from within by respondents, who are familiar with the ethnic processes taking place on the territory of their residence despite the subjectivity of the judgments (Table 1).

There is a positive position for the interethnic sphere in the territory of its residence in the mass consciousness of the urban population of the republic by results of the study. This opinion is shared by more than half of the respondents in Dargin, Lezghin and Chechen subgroups. Their share is smaller in the other (one second part), with the exception of Kumyks (every third respondent). If you look at the results of the study at the place of residence of the respondents, the answers were distributed as follows. Ethnic relations were rated positively by57,4% of respondents in Derbent city, 50,7% of Khasavyurt city, 49,7%

of Makhachkala city and 49,2% of Kaspiysk city. The second ranking place with a significant margin is occupied by the judgment «positively, interethnic clashes do not occur in my city» (one third of the entire array). One fourth of Khasavyurt population, one in three of the subgroup of Derbents and Makhachkala residents, and one in two of Kaspians surveyed holds this position. 11,1% of respondents in Derbent city, 16,4% in Khasavyurt city, 18,6% in Kaspiysk city and 20,6% in Makhachkala city share the answer «there are ethnic collisions, but we quickly manage them in my city» for one fifth of the entire array of respondents. It is judgment negatively for «there are no open interethnic conflicts, but relations between representatives of different nations are bad in my city» are closer than 15,8% of Kumyks and 21,4% of Russians. If you look at the cities, then 11,6% of Lezghins, 21,2% of Kumyks and 31,6% of Russians living in Makhachkala city, 27,3% of Avars, 16,7% of Dargins, 20,0% of Kumyks and Laks living in Kaspiysk city characterize a state of the interethnic sphere in these settlements negatively. A statistically small proportion of respondents consider the interethnic sphere as tense for the entire array of respondents. There are Chechens (one fifth) and Laks (every ninth respondent) by nationality in it.

Table 1

The distribution of answers to the question «How do you assess the interethnic situation in your city?» (in percentage)

Answer options // Nationalities	**Positive, there are favorable relations between representatives of different people in my city**	**Positive, there are no ethnic clashes in my city**	**Negatively, there are tense interethnic relations in my city**	**Negatively, there are no open interethnic conflicts, but the relationship between representatives of different people is bad in my city**	**There are ethnic clashes in my city, but we quickly can regulate**
Avars	48,1	31,9	5,2	8,1	28,9
Dargins	55,1	41,6	2,2	5,6	15,7
Kumyks	29,8	35,1	5,3	15,8	19,3
Lezgins	54,9	34,1	4,4	5,5	12,1
Laks	48,9	27,7	10,6	4,3	14,9
Russians	42,9	39,3	7,1	21,4	14,3
Chechens	54,5	27,3	18,2	0	9,1
Other	64,4	25,4	1,7	10,2	16,9
Total:	***50,6***	***33,5***	***5,0***	***8,5***	***18,8***

When studying the phenomenon of interethnic communication, the nature of interethnic communication, the preference of one or another ethnic group in the course of interpersonal interaction, the frequency of ethnic contacts, the contact theory will be used (authors K. Ellison, D. Powers, N. Shelton, T. Pettigrew, L. Tropp), according to which interaction with representatives of a foreign ethnic community contributes to alleviating existing national prejudices, ethnic stereotypes, and therefore, stabilizing the interethnic climate in a multi-ethnic and multi-confessional society, harmonization of interethnic relations *(Warshaver, 2015, p. 199)*.

Representatives of various ethnic communities enter into ethnic contacts with an unequal interaction status, which forced researchers to study conditions that could weaken ethnic stereotypes, prejudices, and prejudices in real life. According to G. Ollport and his followers, the following are favorable conditions, firstly, cooperation, not group competition, secondly, common goals, thistly, interaction of society and power institutions, aimed at finding a consolidating factor. T. Pettigrew, G. Hudson and M. Houston identified social and personal contacts are designating as formal or informal depending on the environment of their maintenance and entry in scientific community. It are public places, personal communication, and business.

The content of contact theory lays in the fact that depth and scale of communication, its prevalence in an informal environment is an indicator of relationships (positive or negative). Therefore, the measurement of interethnic attitudes are carried out by Bogardus social scale in ethno sociology because it shows that there are attitudes for a person of a different nationality in different social spheres in the mass consciousness of people. Earlier, study result was presented on this scale, which showed that there are positive attitudes towards representatives of foreign nationality and willingness of respondents to accept them in various social spheres in the mass consciousness of urban population.

Researchers identify unfavorable factors to forging a positive international environment, for example, «it is the existing gap between status expectations and non-realization by a person of his capabilities, regardless of ethnic, racial, religious (upward mobility)» *(Drobizheva, 2018, p. 127)*.

We should note M. Rokich among foreign researchers who analyzed attrahere in detail i.e. prejudices emerging on base of differences. Of course, the process of interethnic contact has proceeded easier for ethnocultural and confessional proximity of interacting groups. However, we should be bear in mind that cultural and religious similarities are not yet a condition and basis to develop positive interethnic interaction. Moreover, differences are not always an obstacle to positive interethnic dialogue. Author's sociological surveys conducted this conclusion in different time. Therefore, the interviewed Dagestan peoples give preferences to the Russian people, which are radically different from them in ethnic culture and religion in a question «If you were destined to live away from your people, then what peoples would you prefer to live with besides your own?» In other words, we can say that these data are a clear statement of situation «unity in differences» in ethnosociology. In addition, we should to take into account the concept of «empathy» for researching the interethnic sphere appearing as a positive relationship of a subject with an object with a chosen an object for it as a condition, form, and mode of man and humanity. It supports a compassion for the purpose and inner goal of that reality which is available to a consciousness of a subject. It is empathy with other people, oneself, society, etc.

Specificity of such a movement of consciousness in the sphere of interpersonal and intergroup relations is really the fact that «a subject repeats voluntarily or involuntarily, excites and reproduces the experiences of other people, those with whom he is in direct or indirect contact. Empathy reveals itself as an experience of the experiences of another person in its highest manifestations when not only this or that degree or depth of understanding of the subject's states and actions have been achieved in the end, but also a certain agreement with his motives, with the internal justification of such states and actions» *(Bgazhnokov, 2003, p. 57)*.

Undoubtedly, ethnic empathy has different cultural forms of its manifestation, but it is a quality inherent for man. It can arise involuntarily and suddenly for the actor himself, for example, as an expression of compassion for the enemy, because «a person has an instinct of sympathy» *(Yung, 1991, p. 113)*. If empathic experiences are blocked or distorted, then it becomes to adequately impossible connect them to the self-concept and self-

awareness of a subject. It is leads to maladaptation i.e. to mismatch between the imaginary and real being of the person or society. For example, when the value of love, gratitude, respect for others focus in image of "I". However, situation is such that it does not have such feelings and relationships. Internal conflict arises between ideal and present being *(Shibutany, 1969, p. 28)*. People somehow justify their negative reactions to overcome it without losing self-esteem. For example, they feel a suffering from the actions of representatives of another nationality to their own ethnic group. Moreover, this contributing to a formation of an exaggerated, inappropriate reality of a feeling of pity and compassion for oneself. This allows demonstrating aggressive behavior and negative emotions towards other people. At the same time, we have conviction in yourself of no guilt for us. At the same time, a state of intra-ethnic tolerance is important intra-ethnic empathy affected significantly influenced. This allows supporting a necessary level of interethnic and inter-religious harmony and understanding in society. Researchers adhere to the position that empathic people are generally tolerant. Therefore, they blame others less than non-empathic people insisting on harsh punishment. Thus, it can be argued that tolerant consciousness and behavior are part of empathic consciousness and behavior.

When we consider a socio-psychological theory of contacts, it should also pay attention to the communicative concept of K. Deutsch. He has opinion that common values equalize national one-sidedness, growth in volumes and variety of contacts, exchanges between groups, and increases consolidation at the interethnic and intercultural level. G. Tajfel and J. Turner put forward ideas about outgroup negativity the essence of which is to unite communities based on «a common dislike of their neighbors».

T. Pettigrew and L. Tropp identified a) social context variables (for example, size settlement, population, percentage of migrants, level of education, unemployment rate); b) indicators characterizing the socio-demographic, social positions of the contacting groups; c) political variables (for example, authoritarianism or orientation to domination); d) personal variables; e) variables related to identity; f) indicators describing a subjectively perceived threat; g) variables associated with personal experience based on a generalization of studies of variables explaining ethnic stereotypes, prejudices and prejudices in different countries, ethnocultural and political contexts that may impede the formation of positive interethnic dialogue and interpersonal communication (Drobizheva, 2016, p. 21). We can say that a position of L. M. Drobizheva is a manifestation of certain skepticism regarding the theory of T. Pettigrew and L. Tropp. She said that«recently, they attach importance to informal contacts in sports, public associations, and volunteer organizations. The experience of conducting comparative studies in different countries convinced of the possibility of unequal significance of certain indicators in different cultures. It's important to say about all this in order to understand that it is impossible to judge the state of interethnic relations on the basis of one or two indicators, albeit important ones, and even less effective to evaluate them without analyzing the totality of factors affecting these indicators» *(Drobizheva, 2018, p. 129)*.

If we return to our study, then it is important to identify the orientation of the interviewed urban population of Dagestan to maintaining or ignoring interethnic communication, because its intensity and density determine the state of the interethnic sphere in it (Table 2).

Results of a study show the dominance of the position stating the presence of intense ethnic contacts in the urban environment of Dagestan in the mass consciousness of the respondents. Dargins, Kumyks, Lezghins, Russians and Chechens are distinguished by ethnicity. There is Avars and Laks with a smaller share. Respondents with different educational status supported intensive inter-ethnic communication by socio-demographic parameters. Although it can be noted its increase with increasing educational level from 78,3% with

secondary education to 87,9% with higher education. The picture by age is as follows. There are 89,0% «up to 20 years old», 83,1% «from 20 to 30 years old», 75,1% «from 30 to 40 years old», 80,3% «from 40 to 50 years old», 87,0% «from 50 to 60 years old» and 66,7% «from 60 years old and above». Thus, the younger generation «up to 20 years old» seems to be the most communicative. It is quite justifiable. At first there is a multinational school they are located. Then it is a secondary specialized and higher educational institutions in which students of different ethnic, religious, gender, age groups are studying. It should be noted activity of youth in social networks which also intensifies interpersonal contact. There is the answer or «rarely contact» (every eleventh respondent in the entire array) on second position. There is a share of those compared with other subgroups among Chechens (every fifth respondent) Avars and Lezghins (one eighth) by ethnicity. There is avoiding international communication in 3 sub arrays Compared with other age subgroups: «from 30 to 40 years old» (10,4%), «from 40 to 50 years old» (10,5%) and «from 60 years and higher» (15,4%). According to educational characteristics, respondents with secondary specialized education (16,5%) are distinguished with almost the same share in subgroups with secondary (7,0%) and higher education (7,7%). Practically, they do not enter into interethnic communication or support it only in the «case of emergency», a statistically small part of the respondents. There are sub arrays of Avars (every fifteenth respondent) and Russians (every fourteenth interrogated) in the first and in the second case. Respondents with secondary specialized education (8,7%) and age cohort «30 to 40 years old» (6,1%) do not enter into interethnic contact at all.

Table 2

The distribution of answers to the question «How often do you contact representatives of other nations?» (in percentage)

Answer options // Nationalities	**I have contact always**	**I have not contact**	**I have seldom contact**	**I have contact in case of emergency**
Avars	71,9	6,7	12,6	6,7
Dargins	82,0	1,1	9,0	6,7
Kumyks	84,2	1,8	8,8	1,8
Lezgins	81,3	3,3	13,2	1,1
Laks	78,7	6,4	4,3	0
Russians	89,3	7,1	0	0
Chechens	81,8	0	18,2	0
Other	91,5	0	5,1	1,7
Total:	***80,8***	***3,7***	***9,4***	***3,5***

A close and dense ethnic contact is a basis for a positive interethnic dialogue, interethnic and inter-religious tolerance. And this contributes, firstly, to the peaceful resolution of interethnic conflicts, and secondly, to the settlement of emerging contradictions between Dagestan peoples. A role of interethnic communication is very important in this process. Its positivity is essential for maintaining stability in a multinational society. Therefore, frequency of ethnic contacts involves identifying the nature, emotional component of interethnic communication (Table 3).

Results of the study show that respondents have a positive assessment of interpersonal interaction by a wide margin. Moreover, there are a more of Russians and Chechens subgroups. At the same time, a proportion of people entering into interethnic communication with a positive attitude are growing with an increase in the educational level. It is 74,4% with secondary, 63,5% with secondary specialized and 80,1% with higher education. Empirical data are distributed on age as follows: 87,0% «up to 20 years old», 78,5% «from 20 to 30 years old», 64,3% «from 30 to 40 years old», 75,0% «from 40 to 50 years old», 72,2%

«from 50 to 60 years old», 71,8% «from 60 years and above». There are 77,9% of residents of Makhachkala city, 77,8% of Derbent city, 68,7% of Khasavyurt city and 61,0% of Kaspiysk city indicate positive emotions from interpersonal interaction in cities of republic.

Table 3

The is a distribution of answers to the question «How would you describe these contacts?» (in percentage)

Answer options // Nationalities	**I have a contact with pleasure**	**I have a contact as appropriate**	**I am trying to avoid these contacts**	**I have uncomfortable and tense when communicated**
Avars	70,4	14,8	6,7	3,0
Dargins	75,3	15,7	4,5	1,1
Kumyks	77,2	10,5	7,0	1,8
Lezgins	75,8	16,5	2,2	2,2
Laks	70,2	4,3	8,5	4,3
Russians	82,1	14,3	3,6	0
Chechens	90,9	9,1	0	0
Other	78,0	13,6	1,7	1,7
Total:	***74,8***	***13,7***	***4,8***	***2,1***

There is orientation to maintaining interethnic contact only «if necessary» (one seventh of the entire array) on second ranking place with a significant margin. There is least of all who noted this judgment in a sub array of Laks and Chechens in comparison with other subgroups. There are a proportion of those is greater in the age cohort «from 30 to 40 years old» (19,1%) and «from 50 to 60 years old» (20,4%), as well as with secondary specialized education (18,3%) in the subgroup. If necessary 20,9% of Khasavyurt people, 14,8% of Derbents people, 12,4% of Makhachkala people and 11,9% of Kaspiysk people have contact.

A proportion of ethno-contact avoidance-oriented people is statistically small. It is stand out Laks (one twelfth) and Kumyks (every fourteenth) by nationality. When we choose this answer option by city, you can notice the differences. For example, if 1,9% of Derbent people, 3,5% of Makhachkala people, 6,0% of Khasavyurt people have this position, then there are much more of them in the sub-mass of Kaspiysk people (13,6%). There are a greater proportion of those who feel discomfort in the process of interpersonal interaction in the subgroup of Laks and Avars in comparison with other sub arrays. Kaspiysk people (6,8%) also stand out here. It is almost 3 times less than Makhachkala people. Khasavyurt people and Derbent people did not mark this answer at all.

Conclusion

Thus, results of a study showed a positive assessment of interethnic situation in their territory of residence in the mass consciousness of Dagestan people. Such a characteristic in the attitudes of citizens contributes to a formation of ethnic empathy and tolerance in their public consciousness and behavior. It is the basis for a positive attitude and orientation towards maintaining interpersonal communication. Further, the interviewed urban residents of republic demonstrate a high intensity of ethnic contacts with a positive prevailing assessment of interpersonal communication. Although a statistically small proportion of respondents have negative emotions and discomfort from entering into an ethnic dialogue. However, the data obtained are the basis for the assertion that the modern Dagestan cities have a high level of interethnic and inter-religious tolerance with close interpersonal communication. This is one of a key factors in maintaining stability and harmony in our republic.

A study of a character of interethnic communication shows that interpersonal contact in an urban environment can be of a different nature, in particular, in solidarity, toler-

ance or conflict. At the same time, a smooth development of the city's social space is possible only if there is improvement in interaction in all social spheres. Local authorities, educational institutions, the institution of the family, etc. should play a key role in this direction. In particular, the allocation of finances for the implementation of necessary for normal the functioning of the city of programs, the education of the principles of tolerance in the mass consciousness, improving the quality of education, regular acquaintance with a foreign ethnic culture, etc. Empirical data show the dominance in the mass consciousness of citizens of a positive assessment of the state of the interethnic sphere in the cities of their residence. And such a position is the basis for the formation of ethnic empathy and tolerance in their public consciousness and behavior and also testifies to the orientation of the urban population to maintaining interpersonal communication. In addition, urban residents surveyed are characterized by intense interpersonal communication, while at the same time being positively evaluated. The proportion of people experiencing discomfort from ethnic contacts is statistically small, which is the basis for the assertion that there is a high level of tolerance in the urban space of a republic.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна
Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр,
г. Махачкала,
E-mail: madina2405@mail.ru

Madina Magomedkamilovna Shakhbanova
Doctor of Sociological Sciences,
Leading Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala,
E-mail: madina2405@mail.ru

Халидова Ольга Борисовна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр,
г. Махачкала,
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru

Olga Borisovna Khalidova
Candidate of Historical Sciences,
Senior researcher officer,
Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Makhachkala,
E-mail: o.khalidova2011@mail.ru

References

1. Arutyunyan Yu. V., Bromley Yu., V. (Ed.) (1986). Socio-cultural face of the soviet nations: according to the results of ethnosociological study. Moskow: Nauka.
2. Bgazhnokov B.Kh. (2003). Culture of empathy // Ethnographic review. No. 1. P. 55-68.

3. Bauman Z. (2008). The city of fears, the city of hopes // Logos, Vol. 3. No. 66. P. 24-53.
4. Baranov N. (2018). Ethnic and international conflicts. URL: http://Nicbar.Ru/Politology/Study/57-Kurs-Mezhdunarodnye-Konflikty-V-Xxi-Veke/592-Tema-5-Etnicheskie-I-Mezhnatsionalnye-Konflikty.
5. Drobizheva L.M. (2018). Interethnic relations in Russian space in the 2000th: the main trends in the study methodology and social practice // Russia is reforming. Yearbook. No. 16. P. 120-145.
6. Drobizheva L.M. (Ed.) (2016). Ethnic harmony as a resource for the consolidation of Russian society. Moscow: Institute of sociology of Russia Academy of science. 400. P.
7. Fedosova Ye.V. (2015). "Ordinary" city dweller: the constitution of ethnic identity using the example of Vladikavkaz city (ideological project "soviet man" // Theory and practice of social development. No. 24. P. 102-104.
8. Jung K. (1991). Archetype and symbol. Moscow: Renaissance. 300 p.
9. Lysenko G.V. (2011). Social interactions in the space of a modern city. Sociology of the city. No. 2. P. 45 - 50.
10. Miroshnikova O.V., Schekin G.Yu., Reva I.E. (2011). Tolerance in the social space of the city// Sociology of the city. No. 4, P. 29 - 35.
11. Sennet R. (2008). Capitalism in the big city: globalization, flexibility and indifference // Logos. No. 3 (66). P. 95 - 107.
12. Shibutani T. (1969). Social psychology. Moscow: Education. 534 p.
13. Warshawer E.A. (2015). Contact theory: a review. Public opinion monitoring: economic and social change. No.5. P.183 - 214.

Литература

1. *Арутюнян Ю.В.* и др. Социально-культурный облик советских наций: по результатам этносоциологического исследования. М.: Наука, 1986. 453 с.
2. *Бгажноков Б. Х.* Культура эмпатии //Этнографическое обозрение. 2003. №. 1. С. 55-68.
3. *Бауман З.* Город страхов, город надежд // Логос. 2008. Т. 3. №. 66. С. 24-53.
4. *Варшавер Е. А.* Теория контакта: обзор //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2015. №. 5 (129). С. 183-214.
5. *Дробижева Л. М.* Межэтнические отношения на российском пространстве в 2000-е годы: основные тренды в методологии изучения и социальной практике //Россия реформирующаяся. 2018. №. 16. С. 120-145.
6. *Лысенко Г. В.* Социальные взаимодействия в пространстве современного города // Социология города. 2011. № 2. С. 45-50.
7. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: [Монография] / Отв. Ред. Л.М. Дробижева; Институт Социологии Ран. -М.: Институт Социологии Ран, 2016. 400 с.
8. *Мирошникова О. В., Щекин Г. Ю., Рева И. Е.* Толерантность в социальном пространстве города //Социология города. 2011. №. 4. С. 29-35.
9. *Сеннет Р.* Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие // Логос. 2008. №. 3. С. 95-107.
10. *Федосова Е. В.* «Обычный» горожанин: конституирование этнической идентичности на примере г. Владикавказа (Идеологический проект «советский человек») //Теория и практика общественного развития. 2015. №. 24. С. 102-104.
11. *Шибутани, Т.* Социальная психология. Москва: Прогресс, 1969. 534 с.
12. *Юнг К.Г.* Архетип и символ. Москва : Ренессанс, 1991. 300 с.
13. *Баранов Н.* Этнические и межнациональные конфликты. 2018. Режим доступа: http://Nicbar.Ru/Politology/Study/57-Kurs-Mezhdunarodnye-Konflikty-V-Xxi-Veke/592-Tema-5-Etnicheskie-I-Mezhnatsionalnye-Konflikty

Поступила в редакцию ***28 мая 2021 г.***

ЦИВИЛИЗАЦИИ И КУЛЬТУРЫ БОЛЬШОГО КАВКАЗА

УДК 314.04
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.4

Севастополь. Крым. Кавказ. По документам Архивного фонда города Севастополя

Н.С. Калинина
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Россия

Аннотация. В представленной статье с использованием архивных документов, сведений из литературы контурно прослежена взаимосвязь Кавказа и Севастополя, знаковые события их истории, определенные стратегическим значением регионов для России. Представлены систематизированные обобщения комплексов документов, находящихся на хранении в ГКУ «Архив города Севастополя», содержащих в своем составе информационные сведения по истории Кавказа, событиях, происходивших в регионе, судьбах его жителей. Описания документальных коллекций дополнены публикацией отельных документов, архивных выписок, свидетельствующих о взаимодействии регионов в сфере государственных, политических, религиозных, культурных отношений. В статье описаны способы получения пользователями информации с использованием информационно-коммуникационной сети «Интернет», об архивных документах, подготовленных печатных изданиях, находящихся в открытом доступе.

Ключевые слова: Севастополь; Кавказ; Крым; Черное море; Кубань; Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.; использование архивных документов; Архив города Севастополя.

Для цитирования: Калинина Н.С. Севастополь. Крым. Кавказ. По документам Архивного фонда города Севастополя // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 44 – 54.

Sevastopol. Crimea. Caucasus. Per the Sevastopol State Archive's documents

Nataliia S. Kalinina
Sevastopol State University,
Sevastopol, Russia

Abstract. The article creates the outline of the connection between the Caucasus's and Sevastopol's key regionally important historical points on the pretext of archive documents and particular literary sources. Systematized aggregation of the documents stored in the SPI Sevastopol State Archive is presented in the article. These documents contain information about key historic events of Caucasus and the fate of its' people. The description of the documental collection is complemented with the publication of documents serving as evidence of the regions' reciprocity in the scope of culture, politics, religion, and state matters. The article contains a detailed account of the process of information acquirement using free-access Internet sources, archive documents, and printed publications.

Keywords: Sevastopol; Caucasus; Crimea; Black Sea; Kuban; Great Patriotic War 1941 – 1945; archive documents usage; Sevastopol State Archive.

For citation: Kalinina N.S. Sevastopol. Crimea. Caucasus. Per the Sevastopol State Archive's documents // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 44 – 54.

По меркам российской истории Севастополь достаточно молод, но на его долю выпало немало испытаний.

Насыщенной событиями историей Севастополь обязан своему геополитическому значению. Как и Кавказ, Крым является одним из регионов, в котором Россия исторически отстаивала свои интересы во все времена. Сохранение безопасного выхода к морю, контроль стратегически важных путей на Черном море, Крымском полуострове и Кавказе остаются актуальными и в наши дни.

Земли Крыма и Кавказа стали частью России в один исторический период, когда в ходе многолетней борьбы с Турцией решались вопросы, связанные с обеспечением надежной защиты южных рубежей и выхода к Черному морю.

8 апреля 1783 г. Екатерина II рескриптом уведомила другие страны, что «полуостров Крымский, полуостров Тамань и вся Кубанская сторона приняты под державу Российскую». Именно в это время на Черном море, на южных границах начина-

ется создание форпоста юга России, зарождается военный флот и его главная база – Севастополь. В ходе боевых операций Черноморского флота на восточном побережье на карте Российской империи появились новые земли и города, будущая гордость России – Новороссийск, Анапа, Геленджик, Сочи.

Восточная (Крымская) война 1853 – 1856 гг. прервала развитие Черноморского флота и Севастополя, создаваемой системы оборонительных рубежей на юге России. Англия, Франция, Сардиния, вступившие на стороне Турции в войну с Россией, развернули боевые действия на Кавказе, Дунае, на побережье Белого и Балтийского морей, на Камчатке.

Судьба этой военной кампании решалась у стен Севастополя. В начале июля 1854 г. английская газета «Таймс» писала: «…главная цель политики и войны не может быть достигнута до тех пор, пока будут существовать Севастополь и русский флот. Но раз только этот центр могущества России на юге Империи будет уничтожен – рушится и все здание, сооружением которого Россия занималась сотню лет» *(История Севастополя, 2021. С. 329).*

13 сентября 1854 г. началась первая в истории города оборона. В ходе 11-месячной осады в Севастополе защитники применяли новые приемы военного дела, умело используя и опыт предыдущих военных кампаний – Кавказских войн. Ночные вылазки на неприятельские позиции морально подавляли и изматывали противника. Дерзостью, смекалкой и отвагой прославились пластуны, набиравшиеся из казаков и охотников. Не случайно, среди улиц Севастополя, названных в честь российских полков, защищавших город, есть и улица Пластунская. На Кавказском театре военных действий и в Севастополе рождалась военно-полевая медицина. Выдающийся хирург Николай Иванович Пирогов впервые в мировой военной истории применил в Севастополе в массовом масштабе гипсовые повязки, наркоз при операциях, женский труд по уходу за больными и ранеными *(Шавшин В.Г., 2004. С. 38-40, 158).*

В приказе главнокомандующего М.Д. Горчакова говорилось: «… Храбрые товарищи! – грустно и тяжело оставить врагам нашим Севастополь, но вспомните, какую жертву мы принесли на алтарь отечества в 1812 году. Москва стоит Севастополя! Мы ее оставили после бессмертной битвы под Бородином. Тристасорокадевятидневная оборона Севастополя превосходит Бородино!» *(Шавшин В.Г., 2004. С. 48).*

Успешные действия русской армии на Кавказе, где капитулировала крепость Карс, позволили России заключить Парижский мирный договор, вернув себе Севастополь, но России запрещалось иметь на Черном море военный флот, укрепления, арсеналы, строить крепости *(История Севастополя, 2021. С. 418).*

В 1870 г. Россия в одностороннем порядке отказалась выполнять статьи Парижского договора и приступила к восстановлению флота, вновь закрепляя свои позиции на черноморском побережье *(История Севастополя, 2021. С. 496).*

После отречения от престола императора Николая II, свершившейся Октябрьской революции, череды иностранных интервенций, в 1920 г. Севастополь стал местом исхода русской армии, не принявшей власть большевиков, оставшись в памяти десятков тысяч эмигрантов местом прощания с Родиной *(Севастополь…, 2015. С. 21)*

В годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. связь крымской и кубанской земель, народов Крыма и Кавказа окрепла и выдержала суровые испытания одной на всех бедой.

Героически сражались в боях за Севастополь, проявляя лучшие качества кавказских воинов, национальные дивизии, сформированные из жителей кавказского региона и республик Закавказья. Об их доблести и отваге напоминают установленные на севастопольской земле обелиски в честь воинов 89-й стрелковой Таманской Краснознамённой орденов Кутузова и Красной Звезды дивизии, 414-й Анапской Краснозна-

мённой стрелковой дивизии, 77-й стрелковой Симферопольской Краснознамённой ордена Суворова дивизии имени Серго Орджоникидзе *(Севастополь: Энциклопедический…, 2008. С. 1054-1055).*

В дни севастопольской обороны корабли и подводные лодки Черноморского флота совершали из Новороссийска регулярные рейсы в блокированный врагом Севастополь, доставляли боеприпасы и продовольствие, вывозили жителей города, раненых бойцов. 26 июня 1942 г. в Севастополь прорвался последний из крупных надводных кораблей – лидер эсминцев «Ташкент», приняв на борт фрагменты всемирно известной панорамы «Оборона Севастополя 1854 – 1855 гг.» *(Севастополь: Энциклопедический..., 2008. С. 873-874).* Новороссийск стал портом прибытия на пути спасенных фрагментов вглубь страны и обратно домой в Севастополь спустя 20 лет.

Краснодарский край стал вторым домом и для защитников Севастополя – получив ранения, они проходили лечение в госпиталях Кавказа, где мастерство врачей, природные силы Кубанского края и Кавказа возвращали их в строй.

За 250 дней обороны, защитники Севастополя, полностью израсходовав все ресурсы ведения обороны, выполнили задачу командования – сковали значительные силы германо-румынских войск, нанесли им большой урон, расстроили планы германского командования на южном стратегическом направлении и задержали продвижение противника на Кавказ и к Волге.

Ровно за год до великой Победы 9 мая 1944 г. город-герой Севастополь был освобожден от немецко-фашистских захватчиков. Родина оценила массовый героизм воинов-освободителей, 118 частей и соединений были удостоены почетного наименования «Севастопольские», 240 воинов – звания Героя Советского Союза *(Севастополь: Энциклопедический..., 2008. С. 1040-1055).* Среди них – уроженцы городов, сел, станиц Краснодарского края и Ставрополья, Дагестана, Чечни, Северной Осетии – Алании.

За нашу Советскую Родину!

Герой Советского Союза
капитан-лейтенант
Астан Николаевич
КЕСАЕВ

Подводники-черноморцы в период войны совершили немало боевых походов, проявляя при этом беспримерный героизм.

Подводная лодка «М-117» под командованием капитан-лейтенанта А. Н. Кесаева, образцово выполняя задания, за годы войны добилась крупных боевых успехов — потопила 9 вражеских кораблей. Особенно большую активность личный состав лодки проявил в 1943 году.

За 11 месяцев 1943 г. подводная лодка «М-117» под командованием А. Н. Кесаева совершила 7 боевых походов на позицию и потопила 7 кораблей противника общим водоизмещением более 20 тысяч тонн.

В 1944 году, действуя на вражеских путях сообщения, личный состав подводной лодки вместе с другими кораблями Черноморского флота помогал Советской Армии в разгроме немецко-фашистских войск в Крыму и освобождении Севастополя.

А. Н. Кесаев в любой обстановке, смело и решительно шел в атаку и топил вражеские корабли и транспорты. Он сумел сплотить экипаж в слаженный коллектив, который, умело используя технику и оружие, наносил мощные удары по врагу.

За смелые и решительные действия при потоплении кораблей противника, за мастерство и храбрость Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1944 г. А. Н. Кесаеву присвоено звание Героя Советского Союза.

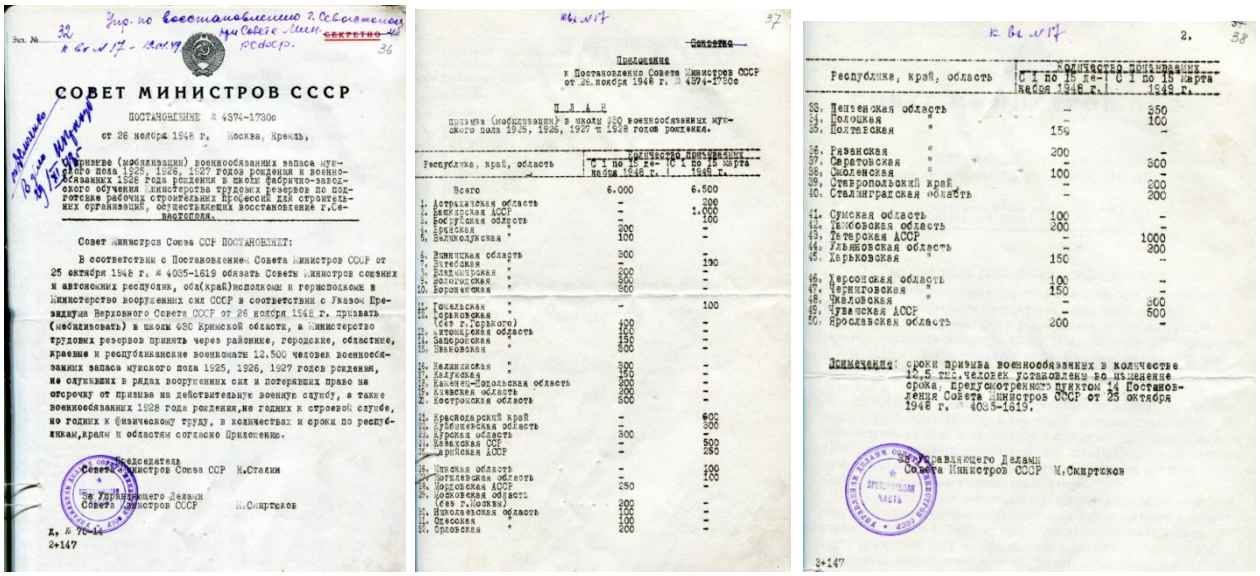
В настоящее время капитан 1 ранга А. Н. Кесаев продолжает службу в рядах ВМФ СССР.

Государственный музей героической обороны и освобождения г. Севастополя.

Листовки с биографиями героев Советского Союза, получивших звание в боях за Севастополь в 1941 – 1942 гг. АГС. Р-434. Оп. 2. Д. 57. Л. 69.

Военный корреспондент газеты «Правда», Совинформбюро, выдающийся писатель-маринист Л.С. Соболев писал об освобожденном городе: «…И вот, что осталось от него: скалы, море да солнце. Да бессмертная слава, которая возродит эти груди камней…» *(Москва – Севастополь, 2016. С. 230).*

В планах советского командования в ходе продолжающейся войны с Германией Севастополю придавалось огромное стратегическое значение как главной базе Черноморского флота. По указанию правительства в город направлялось оборудование, инструменты, строительные материалы. Через две недели после освобождения в город прибыла первая группа комсомольцев из Иркутска, затем бригады из Ленинграда, Средней Азии, Украины, Кубани *(Москва – Севастополь, 2016. С. 235).*



СОВЕТ МИНИСТРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 4374-1730с

от 26 ноября 1948 г. Москва, Кремль,

Приложение
к Постановлению Совета Министров СССР
от 26 ноября 1948 г. № 4374-1730с

Постановление Совета Министров СССР от 26 ноября 1948 г. № 4374-1730с «О призыве (мобилизации) военнообязанных запаса мужского пола 1925, 1926, 1927 годов рождения и военнообязанных 1928 года рождения в школы фабрично-заводского обучения Министерства трудовых резервов по подготовке рабочих строительных профессий для строительных организаций, осуществляющих восстановление г. Севастополя».
АГС. Р-107. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 36-38.

Восстановление Севастополя стало поистине всенародным делом. Председатель колхоза им. К. Маркса Лакского района Дагестанской АССР Магомед Абакаров еще в дни боев за освобождение Севастополя внес 30000 рублей своих сбережений на строительство Севастополя. Трудящиеся Дагестана откликнулись на призыв земляка оказать Севастополю посильную помощь и в течение нескольких месяцев собрали свыше 4,5 млн. рублей, 12 вагонов с оборудованием, строительными материалами и продуктами *(Севастополю 200 лет, 1983. С. 269-270).*

В результате самоотверженного труда строителей Севастополя, при помощи и поддержке всех регионов Советского Союза, за неполные 10 лет город был восстановлен в довоенных размерах. Этот период называют третьим подвигом Севастополя – мирным, созидательным, а возрожденный белокаменный город стал достойным памятником его восстановителям.

И сегодня, динамично развиваясь, привлекая трудовые ресурсы, Севастополь стал родным городом для уроженцев многих регионов нашей страны. И именно мы сегодня создаем историю сегодняшнего дня. А сохранить документальное наследие доверено архивам.

Как и все региональные архивные службы, севастопольские архивисты вносят свой вклад в создание Архивного фонда Российской Федерации. Систематически вы-

являются и принимаются на хранение документы, имеющие историческое, культурное и практическое значение.

Проведенный в 2014 – 2021 гг. масштабный прием архивных документов дал свои результаты. За неполные восемь лет в ГКУ «Архив города Севастополя» поступило хранение свыше 300 тысяч архивных дел – это на треть больше, чем было принято на хранение Архивной службой Севастополя за весь период ее существования с момента создания в 1921 году.

Получив в распоряжение значительный массив ранее не изученных документов, архивисты Севастополя начали активно систематизировать и вводить новые информационные сведения в научный оборот, параллельно предоставляя пользователям доступ к выявленным документам.

Сегодня фонды единственного в Севастополе архивного учреждения насчитывают свыше 600 тысяч архивных дел, на хранении имеются фото-, фоно- видеодокументы, газетный фонд, коллекции микрофильмов, научно-справочная библиотека.

Взаимодействие с коллегами-архивистами из различных регионов по обмену историческими сведениями, документами, подготовкой совместных проектов стало новым направлением в работе Архивной службы города Севастополя. Вышедшие в свет сборники статей по документам архивов Севастополя, Москвы и Ярославля, документальная выставка по истории курортов Юга России, дополнили имеющийся информационный тематический комплекс, позволили сформировать более полное представление о событиях, фактах истории Севастополя.

Накопленный в севастопольском архиве документальный фонд востребован историками, краеведами из других регионов, обращающихся за получением информации.

С целью поиска информации по истории семьи, поиска конкретных персоналий, известных людей своего региона, так или иначе, часть жизненного периода которых оказалась связана с нашим городом, исследователям в первую очередь предлагаются фонды, обладающие значительным информационным потенциалом.

В целом история дореволюционного периода Севастополя представлена 32 фондами (1573 дела), фотодокументами, копиями документов на микропленках из фондов федеральных архивов, Российской государственной библиотеки.

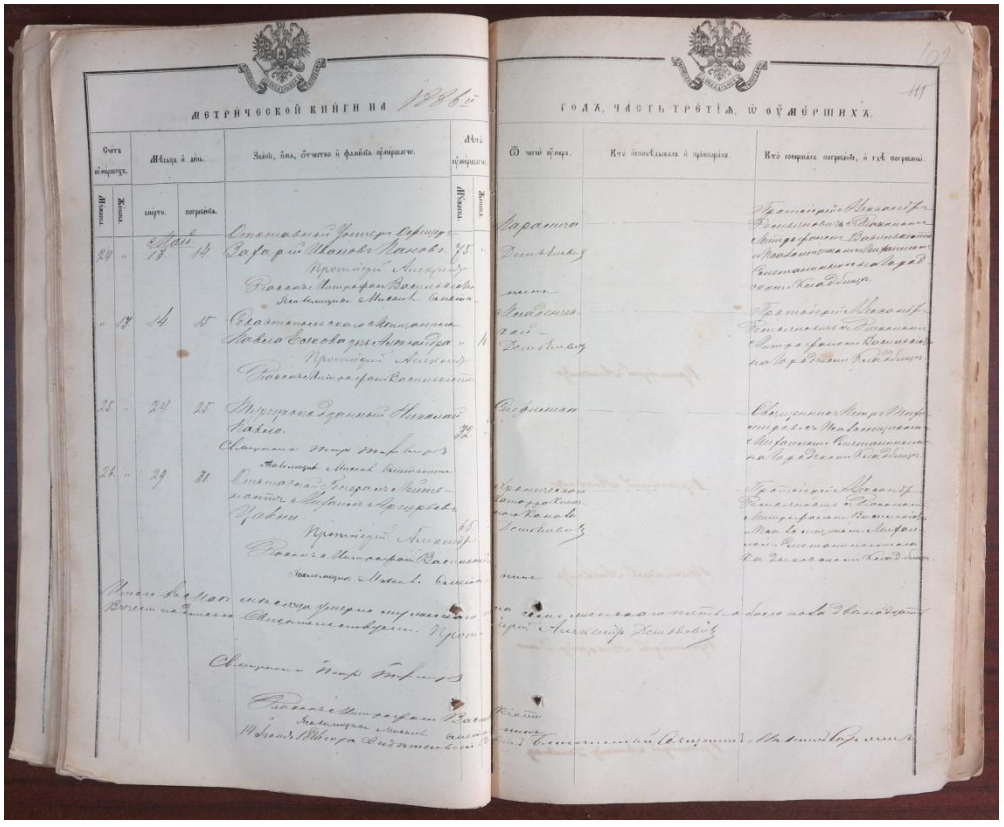
Самый ранний документ находится в фонде «Балаклавский Георгиевский монастырь» и датируется 1794 годом. Документы этого фонда помогли специалистам Краснодара при подготовке к реставрации Свято-Георгиевского храма. До 1920 г. этот храм был приписан к Таврической епархии и числился в статусе подворья Балаклавского Свято-Георгиевского монастыря. В документах фонда о финансово-экономической, хозяйственной деятельности подворья за 1893 – 1918 гг. выявлены сведения об авторе проекта – архитекторе Иннокентии Николаевиче Ковригине, жителях Екатеринодара, которые «по ревности своей к благолепию церкви» жертвовали крупные суммы на иконостасы, церковную утварь, приобретение материалов для отделки, пытались сохранить подворье от разорения во время Гражданской войны.

Известным и широко используемым источником по дореволюционной России являются адрес-календари. Чаще всего к ним обращаются как к собранию имен с указанием адресов, рода занятий, сведений об учреждениях и должностных лицах. В Севастополе первое издание адрес-календаря состоялось в 1908 г., следующие – в 1910, 1911, 1913 гг.

Информативны фонды, содержащие метрические книги православных севастопольских церквей, представляющие собой актовые записи регистрации рождения, крещения, венчания, брака, смерти, погребения. Наряду с гражданско-правовым значением, метрические книги являются источником информации по демографии,

статистике, содержат сведения о национальной, сословной принадлежности, могут быть использованы в медицинских исследованиях. Фонды являются частично сохранившимися, пережив вместе с городом военные сражения, исторические потрясения.

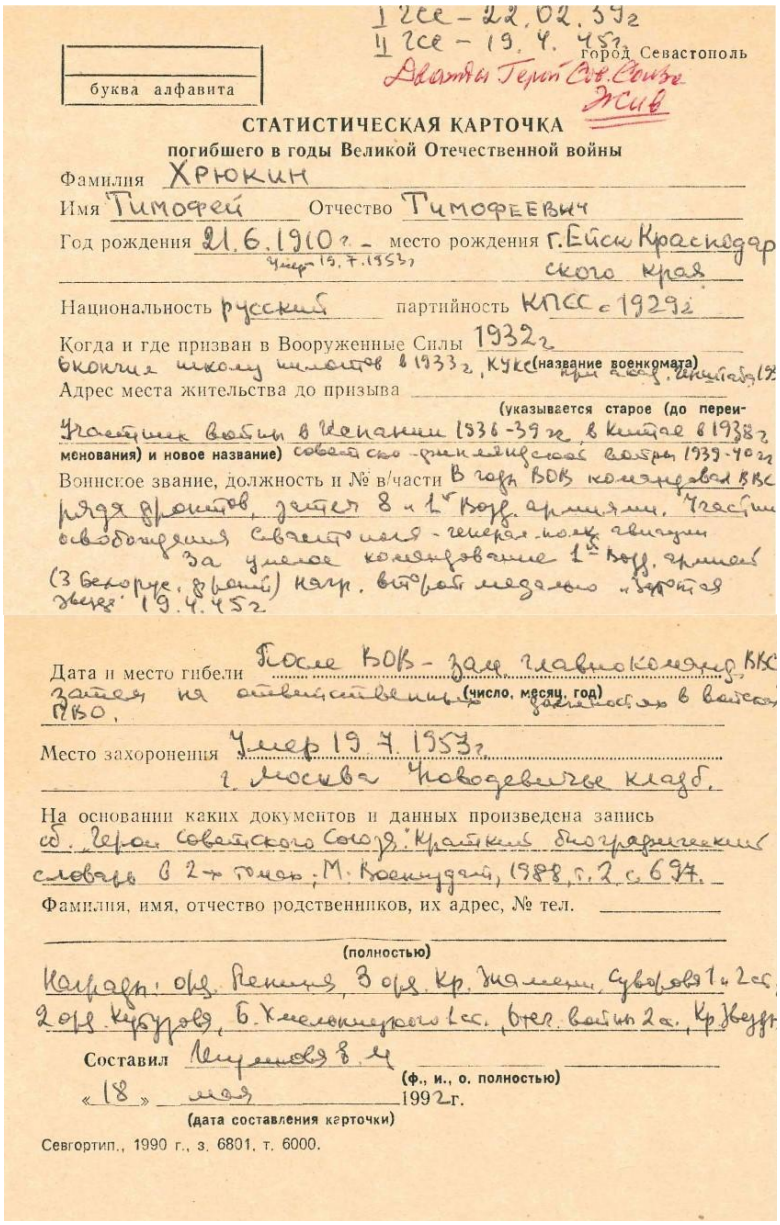
Так, по метрическим книгам установлена дата смерти наказного атамана Кубанского казачьего войска Михаила Аргирьевича Цакни. Уроженец Балаклавы, выходец из многодетной греческой семьи, М.А. Цакни неоднократно удостаивался орденами за отличную службу в боевых действиях в ходе Русско-турецких и Кавказских войн, Крымской войны 1853 – 1856 гг., получил золотую саблю с надписью «За храбрость». Находясь на посту наказного атамана Кубанского казачьего войска с 1869 по 1873 гг., М.А. Цакни проявил себя и как государственный деятель, сыграв большую роль в размежевании земель Кубани, окончательном утверждении форм казачьего землепользования, действовавших до 1917 г., участвовал в составлении положения об освобождении зависимых сословий в горских обществах Кубанской области. Расставшись с военной службой, казачий атаман вернулся в родную деревню Кадыкой в окрестностях Балаклавы. Здесь он провел последние дни жизни и был похоронен рядом с церковью Святой Троицы на Кадыковском кладбище 31 мая 1886 г. Эти сведения подтверждаются актовой записью о смерти отставного генерал-лейтенанта Михаила Аргирьевича Цакни, сохранившейся в Архиве города Севастополя в метрических книгах Петропавловской церкви. На официальном сайте Администрации Краснодарского края в рубрике «Архивы Кубани. Новости» размещено сообщение о том, что во время поездки в Севастополь председатель Ейского отделения Российского военно-исторического общества А.Г. Буглак «обнаружил» место захоронения генерал-лейтенанта Цакни. … Четвёртый наказной атаман Кубанского казачьего войска Цакни М.А. сыграл большую роль в образовании станиц Ейского района и для ейских историков-архивистов нахождение его могилы стало большим событием» *(Архивы Кубани, 2019).*



Запись из метрической книги Петропавловской церкви города Севастополя за 1886 год о смерти Михаила Аргирьевича Цакни.
АГС. Ф-30. Оп. 1. Д. 11. Л. 101 об., 102.

Наряду с метрическими книгами, ценным источником являются регистрационные записи Севастопольского городского бюро актов гражданского состояния Севастополя за 1920 – 1937 годы.

Отдельным информационным блоком выступают документы, датируемые 1920 – 1930 годами, созданные в деятельности Севастопольского районного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов. Это, прежде всего, так называемые дела «лишенцев», образовавшиеся в ходе реализации политики лишения избирательных прав. Документы содержат личные дела «лишенца» – анкеты, справки, характеристики, информацию о принятых органом власти решениях. Информативны дела комиссии по проверке и чистке советского и кооперативного аппарата. Историческое и практическое значение имеют документы по подготовке к выборам – списки лиц, проживавших в Севастополе в 1925 году (представлена центральная часть города), сохранили для исследователей расширенные биографические сведения.



1 ссе – 22.02.39г
4 ссе – 19.4.45г
город Севастополь
Дважды Герой Сов. Союза
ЖСИВ

буква алфавита

СТАТИСТИЧЕСКАЯ КАРТОЧКА
погибшего в годы Великой Отечественной войны

Фамилия Хрюкин
Имя Тимофей Отчество Тимофеевич
Год рождения 21.6.1910г. – место рождения г. Ейск Краснодарского края
умер 15.7.1953г
Национальность русский партийность КПСС с 1929г
Когда и где призван в Вооруженные Силы 1932г
Окончил школу пилотов в 1933г, Кукс (название военкомата)
Адрес места жительства до призыва
(указывается старое (до переименования) и новое название)
Участник войны в Испании 1936-39гг, в Китае в 1938г, советско-финляндской войны 1939-40гг
Воинское звание, должность и № в/части В годы ВОВ командовал ВВС ряда фронтов, достиг 8 и 1 Возд. армиями. Участник освобождения Севастополя - генерал-полк. авиации
За умелое командование 1-й Возд. армией (3 Белорус. фронт) награжден вторым медалью «Золотая Звезда» 19.4.45г

Дата и место гибели После ВОВ - зам. главнокомандующего ВВС, затем на административной работе в войсках ПВО.
(число, месяц, год)
Место захоронения Умер 19.7.1953г
г. Москва Новодевичье кладб.
На основании каких документов и данных произведена запись
Ю. Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в 2-х томах; М.: Воениздат, 1988, т. 2, с. 697.
Фамилия, имя, отчество родственников, их адрес, № тел.
(полностью)
Кавалер: ор. Ленина, 3 ор. Кр. Знамени, Суворова 1 и 2 ст, 2 ор. Кутузова, Б. Хмельницкого 1 ст, Отеч. войны 2 ст, Кр. Звезды
Составил Черепова В.Ч (ф., и., о. полностью)
«18» мая 1992г.
(дата составления карточки)
Севгортип., 1990 г., з. 6801, т. 6000.

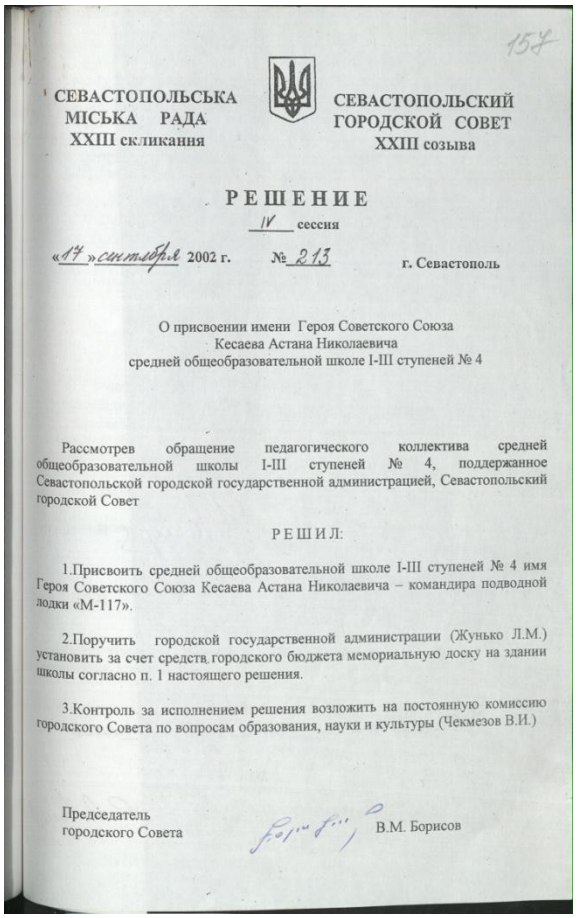
Статистическая карточка уроженца Краснодарского края Т.Т. Хрюкина, составленная рабочей группой по подготовке к изданию Книги Памяти Города-Героя Севастополя. АГС. Ф. Р-570. Оп. 2.

Комплекс документов периода Великой Отечественной войны представлен, прежде всего, Книгой Памяти, картотекой персоналий, содержащей сведения, не вошедшие в состав печатного издания.

Источником информации являются адресные листки немецкой ортскомендатуры (частично сохранившиеся), фиксировавшие прибытие и выбытие жителей в Севастополе в период его оккупации 1942 – 1944 гг., сведения о регистрирующемся (фамилия, имя, отчество, пол, национальность, вероисповедание, партийность, адрес прописки, адрес прибытия (выбытия), цель приезда, должность и название предприятия, на котором работает, серия и номер паспорта), имена детей, если таковые имелись.

Отдельный блок представляют документы городской и районных комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, содержащие списки расстрелянных, угнанных, замученных, умерших от голода, заявления очевидцев с описаниями событий, происходивших с жителями, находившимися в оккупированном городе.

Послевоенный период представлен документами органов исполнительной власти (городской, районные), органов местного самоуправления (городской, районные, сельские, поселковые), судебной власти, избирательных комиссий, надзорных органов, фондами предприятий, учреждений. Отдельные фонды в своем составе кроме документов постоянного хранения, имеют и комплекс документальных материалов по личному составу.



157

СЕВАСТОПОЛЬСЬКА МІСЬКА РАДА XXIII скликання

СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ XXIII созыва

РЕШЕНИЕ

IV сессия

«17» сентября 2002 г. № 213 г. Севастополь

О присвоении имени Героя Советского Союза Кесаева Астана Николаевича средней общеобразовательной школе I-III ступеней № 4

Рассмотрев обращение педагогического коллектива средней общеобразовательной школы I-III ступеней № 4, поддержанное Севастопольской городской государственной администрацией, Севастопольский городской Совет

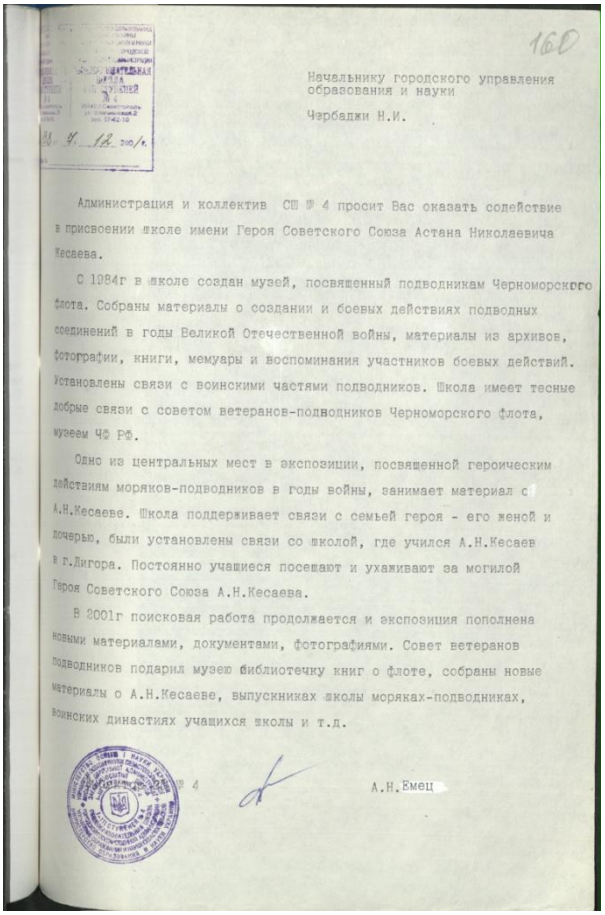
РЕШИЛ:

1.Присвоить средней общеобразовательной школе I-III ступеней № 4 имя Героя Советского Союза Кесаева Астана Николаевича – командира подводной лодки «М-117».

2.Поручить городской государственной администрации (Жунько Л.М.) установить за счет средств городского бюджета мемориальную доску на здании школы согласно п. 1 настоящего решения.

3.Контроль за исполнением решения возложить на постоянную комиссию городского Совета по вопросам образования, науки и культуры (Чекмезов В.И.)

Председатель городского Совета В.М. Борисов



160

Начальнику городского управления образования и науки

Чербаджи Н.И.

Администрация и коллектив СШ № 4 просит Вас оказать содействие в присвоении школе имени Героя Советского Союза Астана Николаевича Кесаева.

С 1984г в школе создан музей, посвященный подводникам Черноморского флота. Собраны материалы о создании и боевых действиях подводных соединений в годы Великой Отечественной войны, материалы из архивов, фотографии, книги, мемуары и воспоминания участников боевых действий. Установлены связи с воинскими частями подводников. Школа имеет тесные добрые связи с советом ветеранов-подводников Черноморского флота, музеем ЧФ РФ.

Одно из центральных мест в экспозиции, посвященной героическим действиям моряков-подводников в годы войны, занимает материал о А.Н.Кесаеве. Школа поддерживает связи с семьей героя - его женой и дочерью, были установлены связи со школой, где учился А.Н.Кесаев в г.Лигора. Постоянно учащиеся посещают и ухаживают за могилой Героя Советского Союза А.Н.Кесаева.

В 2001г поисковая работа продолжается и экспозиция пополнена новыми материалами, документами, фотографиями. Совет ветеранов подводников подарил музею библиотечку книг о флоте, собраны новые материалы о А.Н.Кесаеве, выпускниках школы моряках-подводниках, воинских династиях учащихся школы и т.д.

А.Н.Емец

Решение Севастопольского городского Совета от 17 сентября 2020 г. № 213 «О присвоении имени Героя Советского Союза Кесаева Астана Николаевича средней общеобразовательной школе I-III ступеней № 4.
АГС. Ф. Р-79. оп. 2. Д. 5397 ЛЛ. 157, 160.

Востребован комплекс документов по фондам личного происхождения. Так, например, сформирован и передан на хранение семейный архив, составивший фонд «Коллекция документальных материалов семьи Апошанских». Ключевой фигурой фонда является Апошанский Владимир Михайлович, военный корреспондент, поэт, участник обороны Одессы, обороны Севастополя до последнего ее дня, участник боев за Кавказ. Автор многочисленных статей, материал для которых добывал непосредственно на передовой. В 1943 году с группой десантников высадился у деревни Чайкино в районе Темрюка, повел бойцов за собой. Продолжал сражаться до последнего, был захвачен немцами и изрублен штыками на глазах жителей деревни. Имя В.М. Апошанского увековечено в Севастополе в названии улицы, высечено в Темрюке на мемориале воинам, погибшим в годы Великой Отечественной войны *(Москва – Севастополь, 2016. С. 195-198).*

Военный корреспондент газеты «Красный черноморец» капитан-лейтенант В.М. Апошанский (слева) и командир лидера эсминцев «Ташкент» капитан 2-го ранга В.Н. Ерошенко, уроженец Краснодара (справа). [1943 г.].
АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.

Значительную ценность представляют сформированные в фондах историков, краеведов тематические блоки – воспоминания участников событий, происходивших в жизни города, проведенные фондообразователями исследования по различным темам, картотеки персоналий жителей Севастополя, чинов Черноморского флота, гарнизона Севастопольской крепости, списки похороненных на кладбищах Севастополя.

Востребованными являются подборки газет периода Великой Отечественной войны, боевые листки кораблей.

Большим подспорьем в работе является научно-справочная библиотека Архива города Севастополя, также предлагаемая исследователям.

С 2020 года пользователям предоставлена возможность работы в электронном читальном зале. После регистрации на сайте архива, исследователи на безвозмездной основе получают доступ как к научно-справочному аппарату, так и к архивным документам. По мере проведения оцифровки документов перечень фондов, доступных к просмотру в электронном читальном зале, расширяется.

КРАСНЫЙ ЧЕРНОМОРЕЦ Среда, 2 сентября 1942 г., № 245 (6883).

Антифашистский митинг представителей народов Северного Кавказа

На-днях в городе Орджоникидзе у братской могилы 17 тысяч бойцов, павших за советскую власть в годы гражданской войны, состоялся антифашистский митинг народов Северного Кавказа. 3.000 представителей осетин, чеченцев, ингушей, кабардинцев, балкарцев, черкесов, адыгейцев, карачаевцев, аварцев, лаков, даргинцев, кумыков, лезгин и других народов Дагестана, Калмыкии, донских, кубанских, терских и сунженских казаков, объединенных единой волей и священной ненавистью к кровавым гитлеровским захватчикам, собрались в этот грозный для Кавказа час, чтобы продемонстрировать свою ненависть к фашистским поработителям, свою боевую готовность отстаивать свободу и независимость Родины.

— Боевые друзья, наточите клинки!— сказал открывший митинг представитель советского казачества генерал-майор Красной Армии В. И. Книга, обращаясь к горским народам, к казакам Дона, Кубани, Терека, ко всем трудящимся Северного Кавказа.—Пусть враг почувствует всю силу шашки в руках джигита и казака! Пусть захлебнется он своей черной кровью!.. Мы будем драться так, как призывает нас к этому наш любимый вождь товарищ Сталин. Мы не отступим ни на шаг! Предгорья Кавказа станут могилой гитлеровской фашистской банды!

Бить и уничтожать обнаглевших немецко-фашистских оккупантов, строить оборонительные рубежи, создавать партизанские отряды, помогать Красной Армии— к этому призывает все братские кавказские народы представитель осетинского народа Герой Советского Союза старший сержант Хадзимурза Мильзихов.

— Воины Красной Армии, — говорит он,—жизни своей не пожалеют, чтобы выполнить призыв нашего вождя Сталина —остановить и разгромить врага!

От имени народов многонационального Дагестана горячее слово произносит в стихах на лакском языке народный поэт Дагестана Абуталиб Гафуров.

Представитель чеченского народа грозненский нефтяник, депутат Верховного Совета СССР тов. Ахяд Цомаев говорит о незыблемой дружбе народов нашей страны.

Донской казак станицы Урюпинской Михаил Горшков рассказывает о безграничной преданности донских казаков советской Родине, об их жгучей ненависти к врагу, заливающему кровью советских людей просторы тихого Дона, превращающему в развалины цветущие города и казачьи станицы.

— Народы Кавказа, освобожденные великим Октябрем, их замечательная молодежь никогда не будут рабами немецких баронов,—заявляет представительница балкарского народа, депутат Верховного Совета СССР тов. Атакуева.—Отстоим своей грудью нашу жемчужину—Кавказ. Ни шагу не отступим назад!

К партизанам и участникам гражданской войны, к бойцам Красной Армии, к молодежи Кавказа обращает свою пламенную речь один из прославленных героев гражданской войны краснознаменец Хаджи Мурат Дзарахохов. Он рассказывает о том, как народы Кавказа при братской помощи великого русского народа добывали в боях против интервентов и белогвардейцев свою свободу и счастье, как они боролись и побеждали под руководством партии Ленина—Сталина и их посланцев —Кирова и Орджоникидзе.

— И в этот грозный час мы вновь сядем на коней, возьмем в руки острые клинки и под водительством Сталина пойдем в бой против злейших врагов человечества—немецких варваров и людоедов.

На трибуне все новые и новые ораторы — народная артистка Дагестанской АССР Рагимат Гаджиева, представитель ингушского народа председатель колхоза Магомет Эльканов, терская казачка Лидия Любченко, представитель кабардинского народа тов. Шомахов, представительница женщин-горянок доцент Северо-Осетинского педагогического института Оля Туаева, представитель адыгейского народа тов. Чамоков, представитель народов Дагестана аварец Абдурахман Даниялов. На разных языках они выражают единодушное стремление народов Северного Кавказа отстоять свою горячо любимую Родину — Советский Союз. Они говорят о безграничной любви кавказских народов к великому Сталину, об их непреклонной решимости до последней капли крови, вместе со всеми народами Советского Союза, бороться против гитлеровской грабьармии.

Бурной овацией встретили участники митинга предложение послать приветствие товарищу Сталину.

«Мы клянемся тебе, наш любимый отец и друг,—говорится в приветствии,—что горцы, казаки и все трудящиеся Северного Кавказа перед лицом тяжелых испытаний будут достойными сынами нашей матери-Родины, героическими борцами за ее честь, свободу и независимость».

В заключение митинг единодушно принял обращение ко всем народам Северного Кавказа. (ТАСС).

Статья «Антифашистский митинг представителей народов Северного Кавказа» в газете Черноморского флота «Красный Черноморец». – 2 сентября 1942 г. № 245 (6883). АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 103. Л. 4 об.

С использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на сайте архива размещаются архивные документы, публикации, выставки. Создан и доступен к просмотру комплекс архивных документов, посвященный истории Севастополя в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Для пользователей архивной информации размещены электронные образы боевых листков за 1941 – 1942 годы, плакатов, изданных в период Великой Отечественной войны, газеты, информация о Героях Советского Союза, удостоенных звания за оборону и освобождение Севастополя.

Для всеобщего доступа на сайте архива размещен сборник архивных документов «Севастополь. 1941 – 1945 гг.», выпуски архивно-краеведческого альманаха «Москва – Севастополь». Впервые создана и предоставлена в открытом доступе база данных о награжденных медалью «За оборону Севастополя», увековечившая память героев Великой Отечественной войны.

Каждый документ, отобранный и сохраненный архивистами, со временем выполнит свое предназначение, сослужит историческую службу, оживляя прошлое, восстанавливая судьбы людей.

Архивисты всей страны, собирая и наполняя фонды архивов, занимаясь научно-исследовательской работой, всегда делятся своими находками, открывая для использования накопленные документальные коллекции, сохраняя историю нашей великой Родины – России.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Калинина Наталья Станиславна

Начальник Управления архивным делом в городе Севастополе Департамента управления делами Губернатора и Правительства Севастополя,
Доцент,
Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь,
E-mail: nata.kalina@list.ru

Kalinina Nataliia Stanislavna

Head of Archival Affairs in Sevastopol of the administration of the Sevastopol's Governmental affairs,
Associate Professor,
Sevastopol State University,
Sevastopol,
E-mail: nata.kalina@list.ru

Литература

1. АГС. Р-434. Оп. 2. Д. 57. Л. 69.
2. АГС. Р-107. Оп. 1. Д. 1. ЛЛ. 36-38.
3. АГС. Ф. Р-539. Оп. 1. Д. 103. Л. 4 об.
4. АГС. Ф. Р-570. Оп. 2.
5. АГС. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 19. Л. 2.
6. АГС. Ф. Р-79. оп. 2. Д. 5397 ЛЛ. 157, 160.
7. АГС. Ф-30. Оп. 1. Д. 11. Л. 101 об., 102.
8. История Севастополя в трех томах. Том II. Севастополь в эпоху Российской империи. Конец XVIII века – 1917 г. М.: «ИстЛит», 2021, 800 с.
9. Москва – Севастополь: Архивно-краеведческий альманах. Выпуск 1. М.: Главархив Москвы, 2016, 400 с.
10. Севастополь. 1920. Исход. На изломе: Альбом. Симферополь: «ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2015, 544 с.
11. Севастополь: Энциклопедический справочник. Издание 2-е, дополненное и исправленное. / Ред.-сост. М.П. Апошанская. Симферополь: ООО «Фирма Салта» ЛТД», 2008, 1120 с.
12. Севастополю 200 лет. 1783-1983. Сборник документов и материалов. Киев: «Наукова думка», 1983, 415 с.
13. Шавшин В.Г. Севастополь в истории Крымской войны. Севастополь, Киев: «Телескоп», «Арт-Политика», 2004, 304 с.
14. Архивы Кубани. Режим доступа: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1803/.

References

1. Aposhanskaya M.P. (Ed.). Sevastopol: Encyclopedic Directory. 2nd edition (2008). Simferopol: OOO «Firma Salta» LTD».
2. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. 30, aids 1, fol. 11, pp. 101 back, 102.
3. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. R-79, aids 2, fol. 5397, pp. 157, 160.
4. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. R-107, aids 1, fol. 1, pp. 36-38.
5. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. P-434, aids 2, fol. 57, p. 69.
6. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. R-570, aids 2.
7. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. R-539, aids 1, fol. 103, p. 4 back.
8. Arkhiv goroda Sevastopolya (Sevastopol State Archive), coll. R-613, aids 1, fol. 19, p. 2.
9. Moscow – Sevastopol: Almanac of Archival and Local History. Issue 1 (2016). Moscow.
10. Sevastopol.1920. Exodus. At the Break: Album (2016). Simferopol: «OOO «Firma «Salta» LTD».
11. Sevastopol is 200 years old. 1783-1983. Collection of documents and materials (1983). Kiev: «Naukova dumka».
12. Shavshin V.G. (2004). Sevastopol in the history of the Crimean War. Sevastopol, Kiev: Teleskop», «Art-Politika».
13. The history of Sevastopol in three volumes. Volume II. Sevastopol in the era of the Russian Empire. End of the 18th century – 1917 (2021). Moscow: «IstLit».
14. Kuban Archives (2019). Available at: https://admkrai.krasnodar.ru/content/1803/.

Поступила в редакцию ***23 августа 2021 г.***

СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ РЕГИОНА: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

УДК 316.34
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.5

Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России

В.В. Узунов
Крымский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук
г. Симферополь, Россия

Аннотация. В статье анализируются три группы факторов социальной консолидации (социокультурные, социально-экономические и социально-политические) населения южнороссийского региона. По результатам исследования делается вывод о том, что факторами, препятствующими консолидации регионального пространства на Юге России, являются прежде всего этнический и конфессиональный факторы, кризис доверия, социально-экономическое неблагополучие, неразвитость гражданского общества и гражданского патриотизма, несформированность южнороссийской макроидентичности, этатистский (державный) характер патриотизма.

Ключевые слова: социальная консолидация; Юг России; факторы социальной консолидации; религия; этничность; идентичность; патриотизм; регион.

***Для цитирования*:** Узунов В.В. Факторы социальной консолидации в региональных сообществах на Юге России // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 56 – 69.

Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia

Vladimir V. Uzunov
Crimean Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences
Simferopol, Russia

Abstract. The article analyzes three groups of factors of social consolidation (socio-cultural, socio-economic and socio-political) of the population of the South of Russia. According to the results of the study the author concludes that the hindering factors for the consolidation of the regional space in the South of Russia are the following: ethnic and confessional factors; the crisis of confidence; social and economic disadvantage; the underdevelopment of civil society and civil patriotism; the lack of South Russian macro-identity; the etatist (state) nature of patriotism.

Key words: social consolidation; South of Russia; factors of social consolidation; religion; ethnicity; identity; patriotism; region.

***For citation*:** Uzunov V.V. Factors of social consolidation in regional communities in the South of Russia // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 56 – 69.

Введение

Югу России как макрорегиону со своей спецификой протекающих этнокультурных, конфессиональных, межэтнических, идентификационных, социально-экономических и, в целом, пространственных процессов посвящены фундаментальные исследования *(Волков, 2018)*. Это неудивительно, поскольку современное состояние южнороссийского региона сложно назвать благополучным. Более того, закрепившаяся за южнороссийским регионом слава эпицентра межнациональных столкновений, противоречий и распространения экстремистских движений и организаций также привлекает внимание исследователей.

Нас же интересует проблема социальной консолидации Юга России как важнейшего условия благополучного и инновационного развития данного региона, обладающего уникальным пространством социальных и культурных отношений и процессов.

Факторы социальной консолидации в региональном пространстве южнороссийского региона достаточно активно изучаются исследователями, и для удобства

научного анализа их целесообразно разделить на три ключевые группы: социокультурные, социально-экономические и социально-политические. И здесь, конечно же, на передний план выходят факторы социокультурного плана, содержащие в себе целый ряд факторов, связанных с идентификационными процессами, с религией и доверием как пространством организации региональных отношений, в том числе в системе «власть-региональное сообщество», исторической памятью и особенностями межкультурной коммуникации, и др.

В данной статье мы остановимся на самых важных факторах с точки зрения изучения Юга России как стоящего перед проблемой социальной консолидации, под которой мы понимаем процесс, характеризующийся сплочением социальных групп, общества в целом вокруг остро стоящих перед ним социальных проблем на основе единого понимания и согласия по поводу целей и способов их разрешения *(Узунов, 2019).*

Религия и этничность в системе факторов социальной консолидации на Юге России

Одним из важнейших факторов влияния на процесс социальной консолидации на Юге России является религия, которая может как объединять на благие цели и действия, так и разъединять людей, делая их непримиримыми врагами. Повышенный интерес к религиозному фактору в социальных процесса на Юге России со стороны ученых, конечно же, объясним. Влияние двух ключевых факторов, детерминирующих все пространство Юга России вот уже более 25 лет, так сильно, что прежнее влияние, которое всегда имело место быть, не идет ни в какое сравнение: это этнический и конфессиональный факторы, включенные в группу социокультурных и определяющие ход и содержание многих других факторов, связанных с исторической памятью, гражданской культурой и гражданским обществом в целом.

Если говорить о религии, то стоит привести мнение М.М. Мчедловой, указывающей на то, что религия снова активно возвращается в публичное пространство, определяя уже не столько частную жизнь людей, сколько формы социальных отношений и процессов, причем как конструктивные, так и деструктивные *(Мчедлова)*. Последние ярко проявляют себя в виде религиозного экстремизма, наиболее развитые формы принимающего в регионах, традиционно исповедующих ислам. Выражением высокой динамики влияния религиозного экстремизма на развитие этих регионов, сконцентрированных в региональном пространстве Юга России, является активное вовлечение молодежи в деструктивные исламистские структуры. Так, А.Ю. Круглова, проанализировав социальную базу деструктивных исламистских сетевых структур на Юге России, пришла к выводу, что ее составляет в основном молодежь, как правило, неблагополучная (из малообеспеченных слоев населения, неработающая, с низким уровнем образования), хотя порядка 10% из числа молодых участников данных структур являются представителями обеспеченных слоев населения *(Круглова, 2019).*

Эти деструктивные движения и структуры опираются в своей детальности на идеологию исламского радикализма, и данные показывают, что в тех регионах, где ислам играет более важную роль в жизни общества, наблюдается и более активная деятельность данных структур. Информационное агентство «Caucasus Times» выяснило, что в южнороссийском регионе наиболее важное место религия занимает в Чеченской республике и Ингушетии (для 80% населения религия – наиважнейшая ценность) *(Текущев, 2017),* а для других регионов Северного Кавказа фактор религии не имеет столь высокого значения, хотя, конечно же, сфера межрелигиозного взаимодействия на Юге России является ключевой в системе детерминант социокультурной интегрированности и развития общественно-политических, культурных и социаль-

ных процессов, а религиозность в данном регионе зачастую предстает в образе регионального патриотизма *(Волков, 2018).*

Особенно это характерно для республик Северного Кавказа, что неудивительно, если учесть, что религия (в данном случае ислам) традиционно выполняет здесь роль главной нормативной структуры общественного порядка, а потому и в системе идеологических ресурсов различных политических движений религия становится важнейшей. Кстати, как отмечают исследователи, эта ситуация характерна не только для регионов, население которых в подавляющем большинстве исповедует ислам. Такая же ситуация складывается и в Ростовской области, в Краснодарском крае, в Ставрополье. Здесь также православное христианство становится идеологическим ресурсом формирования духовно-нормативного пространства региона, патриотического воспитания молодых жителей *(Волков, 2018).*

Наиболее выражены и востребованы религиозные интенции и в политическом пространстве современного мира, и Юга России в том числе. Через политическую сферу они проникают еще глубже в ткань социальных отношений и определяют модели и стили социального поведения, вновь порождая дискурс перспектив дальнейшего развития человечества *(Мчедлова).* В условиях, когда в обществе разрушены иные консолидационные силы, интерес к консолидационному ресурсу религии значительно возрастает. Так считает М.В. Силантьева, раскрывающая особенности консолидации, формирующейся по религиозному признаку *(Силантьева, 2011)*, а С.В. Рыжова указывает на то, что религия в современной России и ее регионах выступает в качестве активного элемента этнического самосознания, т.е. этнической идентичности, особенно усиливая свое влияние в условиях межэтнической напряженности, когда религия становится фактором объединения с людьми своей национальности: такая ситуация, как свидетельствуют многолетние исследования Центра этнической социологии ФНИСЦ РАН, сложилась в российских регионах на современном этапе, и от 20% до 60% респондентов в разных регионах страны выбирают религию как то, что больше всего объединяет их с представителями своей национальности *(Рыжова, 2018).*

Рост этнического самосознания и уровня религиозности российского населения в постсоветский период следует рассматривать как взаимообусловленные процессы, импульс которым придало разрушение советской политики атеизма и нациестроительства, снятие идеологических ограничений в области религиозных практик, повышение роли этнического фактора в жизни общества и связанные с этим процессы этнократии и этнонационализма *(Бедрик, 2018).*

Исследования, проведенные на Северном Кавказе, позволили сделать ученым вывод, что из семи самых конфликтогенных факторов влияния на социально-политическую и межэтническую ситуацию в данном регионе наиболее сильное воздействие оказывают факторы религиозности и конфессиональности. Более того, их влияние будет только возрастать, подпитываемое неблагоприятной социально-экономической ситуацией *(Авксентьев, 2016).*

Вместе с тем пространство межрелигиозного взаимодействия важно тем, что в нем формируется ценность доверия как нормативно определенная религиозной системой мировоззрения, а доверие в свою очередь является важнейшим фактором консолидационных процессов в обществе.

Фактор доверия в консолидационных процессах на Юге России

Доверие структурирует всю систему связей и отношений, определяя их прочность и основательность, перспективы развития. Без наличия в обществе доверия ни один проект, направленный на консолидацию общества, не принесет успех, поскольку доверие является неотъемлемым элементом социального капитала, отражая го-

товность социума к сотрудничеству и конструктивному взаимодействию, его способность к длительным и стабильным социальным отношениям *(Мукомель, 2017).*

Если говорить о российском обществе, то здесь ситуация критическая – российское общество ученые зачастую уже называют обществом недоверия, и прежде всего это недоверие проявляется на институциональном уровне *(Институциональное доверие).*

Кризис доверия и его острый дефицит ощущается и на межличностном уровне. Так, согласно данным опроса, проведенного исследовательской группой ЦИРКОН, порядка 65% опрошенных россиян считает, что «в отношениях с людьми следует быть осторожными», а противоположной позиции («большинству можно доверять») придерживается только 31% опрошенных. Оценки солидаризированности и сплоченности гражданами России тоже не внушают оптимизма, хотя, как мы полагаем, отражают реалии: порядка 30% полагает, что население России в целом является сплоченным и солидарным, в то время как большая часть – 57% считает иначе, склоняясь к позиции, что в российском обществе «больше несогласия, разобщенности» *(Газета «Коммерсант», 2019).*

Аналогичная ситуация складывается и на Юге России. Так, исследования по Ростовской области, проводимые южнороссийским филиалом ФНИСЦ РАН *(Волков, 2018),* показывают, что, как и в целом по стране, в области наивысшим уровнем доверия среди населения пользуется Президент России (63,5%), в то время как органы законодательной и исполнительной власти наделяются куда меньшей степенью доверия (28,4% жителей области доверяют Совету Федерации, 23,2% - Государственной Думе, 30% - органам исполнительной власти). Местные органы власти пользуются еще меньшим доверием у населения Ростовской области, нежели федеральные, что характеризует отношение населения с органами местного самоуправления как дистантное, а деятельность этих органов – как неэффективную при недоверии к ним 45% жителей области.

На втором месте по уровню доверия общественным институтам в Ростовской области, как и в России, оказалась армия (64,9%), но при этом деятельность силовых структур, ответственных за охрану внутреннего правопорядка, не вызывает у населения области такого же высокого доверия: 40% опрошенных жителей области не доверяют полиции и органам внутренних дел. Высоким уровнем доверия среди социальных институтов пользуется Академии наук (45,2%), что также соотносится с общероссийскими данными *(ФНИСЦ РАН, 2018)* и говорит о повышении в сознании россиян значимости и ценности науки, научной информации (в отличие от той, что транслируется сегодня в СМИ, которым большая часть опрошенных в РО не доверяет (55% не доверяют прессе и 53,9% - телевидению) *(Волков, 2018).* Несколько снизились позиции церкви в российском рейтинге доверия, а в Ростовской области наблюдается еще больше снижение этих позиций – доверяют церкви здесь 35,3% *(Волков, 2018)*; еще более низким уровнем доверия характеризуется судебная система: 47,5% опрошенных в области высказали полное недоверие судопроизводству в России, что также коррелирует с общероссийскими данными.

Социально-экономическое неблагополучие, имеющее совершенно отчётливое региональное измерение в России, является также значимым фактором противодействия консолидации регионального пространства. Данные о регионах Юга России в структуре регионального пространства страны свидетельствуют, что целый ряд из них относится к «проблемным», и среди них особенно выделяются республики Северного Кавказа. Согласно данным социологических опросов, значительная часть жителей Дагестана, Ингушетии и Кабардино-Балкарии (почти 30%) планируют покинуть свою республику на постоянное место жительства (за границу или в другой

регион России) по причинам сложной социально-экономической ситуации *(Опрос на Северном Кавказе, 2017).*

Кризис доверия фиксируется на всех уровнях социальной организации российского общества, и об этом красноречиво говорят данные ФОМ 2019 г., согласно которым 43% россиян изначально относятся к незнакомым людям с недоверием – и среди них больше всего молодых (56%), а среди поколений постарше так считает 48% *(Межличностное доверие)*. Безусловно, такая ситуация не может не сказываться на различных видах консолидации регионального социума в политической, социальной, экономической, духовной сферах жизнедеятельности.

Фактор идентичности в консолидации регионального пространства Юга России

И в данной ситуации как никогда актуализируется необходимость формирования диалогичного взаимодействия в поликультурном пространстве Юга России, где доминанта «многоликости» и многообразия, как пишут исследователи, преобладает над единством *(Бадмаев, 2010).* В этой связи взаимодействие между локальными культурами предполагает формирование особого поля смыслового пересечения, когда именно диалог должен быть способом взаимодействия культур и условием их развития. И в этом поле невозможно найти общеэтническую идею – слишком значителен на Юге России фактор полиэтничности и многоликости культурных миров. Само взаимодействие этносов, как считает В.Н. Бадмаев *(Бадмаев, 2010),* следует рассматривать в качестве архетипа, лежащего в основе социокультурной системы данного региона, с необходимым признанием права на культурные различия и «непрозрачность» как право на собственную уникальность. Такое взаимодействие представляется этому ученому возможным в рамках транскультурации, позволяющей сформировать такую модель общероссийского цивилизационного поля, в которой за различными культурными и конфессиональными общностями будут признаны равные права с целью максимального сохранения культурной самобытности населяющих Россию народов с возможностью их конструктивной адаптации к единому социокультурному пространству страны.

Очевидно, что в рамках такого подхода к принципам взаимодействия этнонациональных и конфессиональных групп в нациестроительстве следует учитывать, что формирование общероссийской (государственно-гражданской) идентичности не предполагает противопоставление ей этнической идентичности, основанной на этническом самосознании, что у народов Юга России (особенно на Северном Кавказе) очень высоко развито. Согласно эмпирическим данным, похожее распределение ответов на данный вопрос было получено и в других северокавказских республиках. Так, в Ингушетии национальная принадлежность оценивается как значимая и приносящая позитивные эмоции 81,7% опрошенных в 2017 г. агентством «Medium - Orient» респондентов; в Дагестане – 82,3% респондентов *(Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения, 2017).* Важно то, что гражданская (общероссийская) идентичность столь высоких позитивных эмоций не вызывает. В целом, если говорить об указанных выше республиках, положительные эмоции характерны для 59,3% опрошенных, но сторонников российского гражданства в Кабардино-Балкарии оказалось значительно меньше, чем в Дагестане. В последнем порядка 80,8% опрошенных респондентов предпочитают российское гражданство какому-либо другому *(Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения, 2017)*.

И тем не менее ситуация налицо – этническая идентичность является более важной для народов ряда регионов Юга России, что актуализирует проблему поиска надэтнических, наднациональных оснований идентификации населения Юга России, поскольку социальная консолидация вне единой идентификационной траектории, ведущей к формированию общероссийской идентичности, невозможна. Но для ре-

гионов в контексте консолидации их социального пространства важна региональная идентичность, и в этом плане исследователи констатируют, что на Юге России идентификационные процессы в значительной степени детерминируются особенностями традиционных культур, так как сам Юг России – один из тех регионов, где сильны позиции традиционной культуры, и если в северокавказских республиках они определяются мусульманской религией, то в Краснодарском и Ставропольском краях, а также в Ростовской области – казачеством (Сериков) *(Сериков, 2013).*

Иными словами, сам Юг России настолько дифференцирован в этнокультурном и конфессиональном плане, что формирование региональной идентичности в границах данного макрорегиона – задача не из простых, но принципиально значимых для консолидации регионального пространства, особенно если учесть, что согласно одному из определений региональной идентичности, которое нам импонирует, под ней следует понимать «переживаемые и осознаваемые смыслы и ценности той или иной системы локальной общности, формирующие «практическое чувство» (самосознание) территориальной принадлежности индивида и группы» *(Корепанов, 2009).* Как видим, в этом определении также фигурирует категория смысла как центральная для идентификации населения региона. Она же является центральной в нашем понимании социальной консолидации региона в контексте пространственного подхода.

Г.Д. Денисова и Л.В. Клименко, рассматривая структуру населения Юга России, проводят параллель с советским периодом и указывают на тот факт, что «если в советский период задача управления межэтническими отношениями рассматривалась в перспективе этнокультурной ассимиляции, то в настоящее время акцент сместился на достижение культурного плюрализма, формирование и поддержание социетальных ценностей как основы интеграции населения» *(Клименко, 2013).* Такая модель региональной идентичности основывается на сосуществовании таких региональных компонентов, как гражданский и этнокультурный. Последний также включает и конфессиональный как имеющий важное значение на территории Юга России. Совместить единовременно указанные региональные компоненты с целью формирования гражданской (общероссийской) идентичности в условиях полиэтничности южнороссийского региона достаточно сложно, но необходимо с целью предотвращения локальных межэтнических конфликтов и формирования социетальной целостности данного региона. Результаты социологического исследования, проведенного указанными выше учеными, показали, что в ряде регионов Юга России имеются основания для интеграции на основе общегражданских ценностей.

К таким регионам относятся Ростовская область и Краснодарский край, так как здесь в структуре многоуровневой идентичности населения доминирует общегражданский наднациональный компонент. Сильна здесь также региональная идентичность (Юг России), в то время как жители Республики Адыгея в большей степени ориентированы на этнический компонент и локальный уровень территориальной идентичности (свой населенный пункт). В качестве факторов региональной интеграции, как показали результаты этого же исследования, выступают общая территория, обычаи и традиции, а основными барьерами формирования региональной общности признаются имущественное неравенство и дифференциация интересов регионального социума *(Клименко, 2013).*

Этими же исследователями, Г.С. Денисовой и Л.В. Клименко, был поставлен вопрос о степени сформированности макрорегиональной идентичности под названием «южане» как интегративной силы. Проанализировав результаты серии глубинных интервью с представителями научного сообщества и административных органов Ростовской и Волгоградской областей, Краснодарского и Ставропольского краев,

ими был сделан вывод: если о наличии северокавказской идентичности на Юге России можно говорить достаточно уверенно, то наличие южнороссийской идентичности вызывает большие сомнения. Как полагают ученые, причина кроется в разделении Юга России как формирующегося макрорегиона на два округа – ЮФО и СКФО *(Денисова, 2011).* Этот политический шаг не позволил решить остро стоящие перед регионом социальные проблемы, зато затормозил стратегию его развития в траектории интеграции и формирования южнороссийской идентичности, которая после образования двух округов стала интенсивно разрушаться, не будучи подкрепленной необходимыми ресурсами и соответствующей политикой на уровне деятельности социальных институтов – СМИ, культуры, традиционно используемые государством, органами власти в рамках государственного заказа на формирование надэтничной идентичности (в данном случае южнороссийской). В результате этого, как считают исследователи, была упущена возможность интеграции поликультурного пространства южнороссийского региона на основе собственных ресурсов и естественным путем, т.е. снизу *(Денисова, 2011).*

В качестве препятствующих факторов интеграции российских полиэтничных регионов Е.А. Агеева указывает на социально-экономическое неблагополучие российского социума; отсутствие гражданского общества в России и ее регионах; националистические движения; проявления ксенофобии; неэффективность правового регулирования отношений в сфере межэтнического взаимодействия, рынка; несогласованность политики федерального центра и регионов, что, в целом, определяет фрагментарный характер консолидации регионального социума *(Агеева, 2004).* А между тем совершенно ясно, что успех консолидации регионального сообщества зависит о того, является ли он комплексным, включающим самые различные сферы общественных отношений и процессов.

В условиях несформированности региональной (южнороссийской) идентичности консолидационный процесс на Юге России становится практически полностью зависимым от политики властных органов в этом направлении, что соответствует российской традиции патернализма, а властные структуры регионального пространства Юга России, в силу этой традиции, ориентируются на заданный правительством, и, в частности, Президентом страны, курс. Здесь мы снова обратимся к конъюнктивному дискурсу О.В. Захаровой, которая проанализировала его с целью выявления типа консолидации в России с учетом транслируемых президентом РФ смыслов, идей и целей консолидации российскому населению.

Этот дискурс, как было выявлено Захаровой, сводится к патриотизму как фактору не просто консолидации общества, а консолидации общества с лидером страны, с курсом, который он проводит *(Захарова, 2016).* Такой подход к консолидации обеспечил эффект консолидации ввиду ряда событий (присоединение Крыма, Олимпиада в Сочи, обострение отношений с Западом), но стать основой долговременной консолидации он не в состоянии, так как имеет персонифицированный характер (ассоциируется с конкретной персоной – Президентом РФ) и не содержит в себе дискурс реальных социальных проблем жителей страны и регионов.

Патриотизм как фактор консолидации регионального сообщества на Юге России

Действительно, патриотизм является фактором консолидации общества, в том числе регионального сообщества, и особенно явно это происходит в переломные периоды общественного развития, связанные с кардинальными реформами, сменой социального порядка, когда разрушаются прежние скрепы в виде социальных норм, идеологических ориентиров. Патриотизм в этих условиях позволяет населению, сохранившись как социокультурное целое, солидаризироваться вокруг общих проблем и готовности их преодоления. Однако зачастую патриотизм становится фактором

манипуляции массовым сознанием и пропаганды «нужных» идей заинтересованными силами, что приводит к искажению самой идеи патриотизма. А лишенный своих глубинных ценностных оснований, он не может выступать фактором консолидации общества.

Имеющийся массив научной литературы в области изучения консолидационного потенциала патриотизма в локальных сообществах на Юге России является предметом различных дисциплинарных практик, но специальных социологических исследований в этом направлении немного. Собственно, на данный момент можно выделить исследование, проведенное группой ростовских ученых в 2018 г. в пяти субъектах Юга России *(Волков, 2018),* в котором ученые обратились к изучению патриотических практик в данном регионе. Когнитивная схема данного исследования базировалась на выделении формальных и неформальных механизмов формирования патриотических практик в условиях сложной этносоциальной структуры данного региона, что позволило сформулировать ряд выводов. В отношении формальных механизмов формирования патриотизма как фактора консолидации населения Юга России был сделан вывод, что они регламентируются прежде всего государственной программой патриотического воспитания граждан Российской Федерации *(Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы»),* которая с некоторыми отличиями нашла отражение в региональных программах патриотического воспитания граждан («О патриотическом воспитании граждан в Ставропольском крае», «О патриотическом и духовно-нравственном воспитании в Республике Крым», «О патриотическом воспитании граждан Ростовской области» и др.).

Реализация региональных программ в границах базовой всероссийской программы патриотического воспитания, которая вписывается в ментальную программу нормативного поведения в российском обществе, основывающуюся на этатистской традиции, этике служения и готовности встать на защиту Отечества в случае исходящей угрозы от внешних врагов, способствует формированию негативной идентичности. Эта идентичность основывается на формировании образа «врага» и, соответственно, необходимости борьбы с ним. Эмпирические данные говорят о том, что почти четверть россиян поддерживает идею о том, что Россия на современном этапе со всех сторон окружена врагами *(Левада),* а следствием этого становится стратегия формирования исторически знакомого нам героического патриотизма, укорененного в ментальных практиках россиян, и Юге России в том числе. В свою очередь героический патриотизм вписан в идейное и смысловое пространство державного патриотизма. Его основным ресурсом является Великая Отечественная Война.

Воспроизводство исторической памяти населения в контексте событий ВОВ в региональном пространстве Юга России и на всей территории страны вылилось в развитие масштабного военно-патриотического движения. Среди наиболее распространённых патриотических практик такого рода на Юге России можно назвать такие военно-мобилизационные патриотические организации и движения, как «Вертикаль», «Гардемарины», «Десантник», «Разведчик» и др. *(Список военно-патриотических клубов).* Нельзя не сказать о принявшем масштабный характер на Юге России движении юнармейцев, также вписанном в рамки формальных управленческих практик в области патриотического воспитания молодежи Юга России в русле развития всероссийского проекта «Юнармия» *(Форменный пацан).* Его реализация основывается на массовом вовлечении учащейся молодежи Юга России в военно-патриотическую деятельность, что, как мы полагаем, способствует милитаризации сознания молодежи.

Опасность такого формата патриотического воспитания молодежи связана с тем, что не формируется такое важное для долговременной и устойчивой социальной консолидации регионального социума качество как гражданственность. Включенность ценности гражданственности в восприятие патриотизма – основа формирования гражданского патриотизма, направленного на деятельностное восприятие патриотизма в виде ответственной деятельности на благо общества. Военно-патриотическое движение, способствующее героизации патриотизма, оторванного от реалий повседневной жизни российского общества с ее проблемами, не способствует формированию конструктивного патриотизма, в основе которого – критическое осмысление сложившейся реальности и стремление ее изменить к лучшему.

В качестве позитивного момента стоит отметить, что потенциал патриотизма на уровне формальных региональных управленческих практик используется в качестве ресурса консолидации регионального социума, регуляции межэтнических отношений. Так, в Республике Адыгея принята Государственная программа "Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание", рассчитанная до 2020 года *(О государственной программе Республики Адыгея "Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание")* с целью решения проблем ксенофобии, межэтнической напряженности и межконфессиональной нетерпимости. Но тревогу вызывает то, что даже на неформальном уровне, как отмечают исследователи, неформальные патриотические практики выстраиваются в русле формальных, т.е. этатистских, а этатистский (державный) патриотизм на Юге России таит в себе риски национализма, поскольку само региональное пространство этой части страны является весьма благодатной почвой для проявления и распространения этнонационализма, этнофобии и этноэкстремизма *(Волков, 2018).* Более того, само восприятие патриотизма в России содержит в себе нотки национализма, так как пятая часть населения страны убеждена, что патриот – это тот, кто считает свою страну лучше других *(Левада-центр, 2013).*

Формальность неформальных патриотических практик на Юге России выражается в том, что последние, изначально оформленные как неформальные, зачастую становятся формальными, вписываясь в общий этатистский и державный дискурс. В качестве примера можно привести патриотические практики, связанные с прошлым, ВОВ. Это различные поисковые отряды, военно-патриотические акции, проводимые по инициативе самих жителей регионов Юга страны, которые становятся основой патриотических практик в ущерб повседневным практикам, ориентированным на решение реальных проблем, связанных с дефицитом доверия и социальной справедливости, нарушением гражданских прав, разгулом коррупции, незащищенностью детей и молодежи, женщин и стариков. Эти проблемы не включены в пространство патриотических практик и не являются, собственно, объектом патриотической деятельности, потому что патриотизму в России не хватает гражданственности *(Верещагина, 2018).*

Не выступая против исторически сложившегося в России военно-патриотического патриотизма, ориентированного на воспроизводство исторической памяти и, в частности, памяти о ВОВ, мы считаем, что необходимо, отказавшись от ценности и значимости только одного (державного) типа патриотизма с его консолидационным потенциалом, развить и потенциал другого – гражданского. Гражданский патриотизм вполне может сочетаться с патриотическими практиками воспроизводства героической исторической памяти как важными для социокультурного воспроизводства общества, поддержания единства народов страны, но для решения повседневных проблем, связанных с современной реальностью, необходим именно граждан-

ский патриотизм, основанный на гражданских практиках с совершенно иной парадигмой патриотизма – не этатистской, а гражданской.

Резюме

Рассмотрев в контексте тесной взаимосвязи и взаимообусловленности три группы факторов социальной консолидации (социокультурные, социально-экономические и социально-политические), мы можем сделать вывод, что факторами, препятствующими консолидации регионального пространства на Юге России, являются прежде всего следующие:

– Этнический и конфессиональный факторы, включенные в группу социокультурных и детерминирующих векторов развития и влияния на социальную консолидацию социально-экономических и социально-политических факторов. Религиозный фактор, проявляющий себя в следующем: религия снова вернулась в публичное пространство, определяя формы и динамику социальных отношений и процессов на Юге России, зачастую в деструктивном виде (рост религиозного экстремизма, особенно в регионах, традиционно исповедующих ислам). Наиболее опасное проявление этой деструктивности – вовлечение молодежи в деструктивные исламистские структуры и движения, основанные на идеологии исламского радикализма. Более того, религиозность в исламских регионах зачастую выступает в образе регионального патриотизма, который в таком, религиозном, виде предстает фактором консолидации отдельных регионов такого макрорегиона, как Юг России (Северный Кавказ, в частности), но фактором деконсолидации – во всем пространстве Юга России. Данная ситуация характерна и для регионов, где доминантной религией является православное христианство (Ростовская область, в Краснодарский край, Ставрополье и др.). Здесь также православное христианство становится идеологическим ресурсом формирования духовно-нормативного пространства региона и патриотического сознания молодежи. Таким образом, религиозный фактор имеет амбивалентный вектор влияния: на локальном уровне он консолидирует население регионов, а на глобальном (макрорегиональном) предстает фактором деконсолидации.

С религиозным фактором самым непосредственным образом связан другой фактор – этнический. Его деструктивное влияние на консолидационные процессы в южнороссийском регионе связано с ростом этнического самосознания и повышением роли этнического фактора в жизни общества, что выразилось в высокой динамике процессов этнократии и этнонационализма. Особенно ярко эти процессы проявляются в полиэтничных республиках, где этот фактор полиэтничности активно используется общественно-политическими силами в собственных интересах (яркий пример тому – Республика Дагестан).

– Фактор доверия, а если точнее, – фактор кризиса доверия, имеющий всероссийский характер со спецификой своего проявления на Юге России, также связан с этноконфессиональными особенностями данного макрорегиона. Речь о том, что здесь значимую роль в формировании пространства доверия как пространства консолидации региональных локальных сообществ играет опять религия, окрашивающая социальные практики в религиозную тональность. Соответственно в регионах с высоким уровнем религиозности уровень доверия тоже выше. В целом же, если говорить об институциональном доверии на Юге России, то самым высоким кредитом доверия наделяется Президент страны, а также силовые структуры (армия). Вместе с тем рейтинги доверия Президенту страны постепенно снижаются на Юге России как следствие ухудшения материального положения. Кризис доверия фиксируется на всех уровнях социальной организации южнороссийского региона, и такая ситуация негативно сказывается на политической, духовной, экономической и других видах консолидации регионального социума и регионального пространства Юга России.

– Фактор социально-экономического неблагополучия, связанный с низким социально-экономическим уровнем развития России и экономическим неравенством регионов, позволяет констатировать следующее: социально-экономическое неблагополучие в России имеет совершенно отчетливое региональное измерение и является значимым фактором противодействия консолидации регионального пространства Юга страны. Сюда также можно отнести ситуацию с высоким уровнем коррупции в стране и южнороссийском регионе в том числе, что обостряет восприятие реальности в регионе как социально несправедливой и безнадежной с точки зрения борьбы с избыточным неравенством и бесправием населения.

– Фактор неразвитости гражданского общества, проявляющийся в нарушении прав человека в регионах проживания, низкой гражданской активности и ответственности населения.

– Фактор несформированности южнороссийской макроидентичности (южане) ввиду доминирования этнической и региональной идентичностей как базовых в идентификационных стратегиях жителей Юга России актуализирует проблему поиска надэтнических, наднациональных оснований идентификации населения Юга России, поскольку социальная консолидация вне единой идентификационной траектории, ведущей к формированию общероссийской идентичности, невозможна. На Юге России идентификационные процессы в значительной степени детерминируются особенностями традиционных культур, что определяет дифференцированный в этнокультурном и конфессиональном плане характер данного региона и сложность формирования региональной идентичности в границах данного макрорегиона. В ее основе на уровне сосуществования должны находиться такие региональные компоненты, как гражданский и этнокультурный. Это необходимо с целью предотвращения локальных межэтнических конфликтов и формирования социетальной целостности Юга России. Препятствием для реализации этого проекта послужило разделение Юга России как формирующегося макрорегиона на два округа – ЮФО и СКФО, что затормозило стратегию его развития в траектории интеграции и формирования южнороссийской идентичности, а также решения остро стоящих перед регионом социальных проблем. Таким образом, возможность интеграции поликультурного пространства южнороссийского региона на основе собственных ресурсов и естественным путем была упущена.

– Фактор несогласованности политики федерального центра и регионов, в условиях несформированности региональной (южнороссийской) идентичности препятствующий эффективному консолидационному процессу на Юге России, который, будучи практически полностью зависимым от политики федеральных властных органов в русле российской традиции патернализма, не позволяет структурам регионального пространства Юга России выработать собственное пространство смыслов и идей консолидации.

– Фактор патриотизма, выступающий фактором консолидации регионального сообщества и пространства Юга России в формате этатистского (державного) дискурса патриотизма, в российских реалиях трансформирующийся в инструмент манипуляции массовым сознанием и решения заданных курсом правящей элиты проблем, не затрагивающих проблем повседневной социальной реальности и не способствующих формированию гражданской идентичности. Более того, реализуемая стратегия патриотического воспитания на Юге России в рамках региональных программ в границах базовой всероссийской программы патриотического воспитания, основывающейся на этатистской традиции, этике служения и готовности встать на защиту Отечества в случае исходящей угрозы от внешних врагов, способствует формированию негативной идентичности. Этатистский (державный) патриотизм на Юге России

таит в себе риски национализма, поскольку само региональное пространство этой части страны – весьма благодатная почва для проявления и распространения этнонационализма, этнофобии и этноэкстремизма. Необходимо, отказавшись от ценности и значимости одного (державного) типа патриотизма с его консолидационным потенциалом, развивать потенциал и другого – гражданского, важного для решения повседневных проблем, связанных с современной реальностью, тем более, что развитие такого патриотизма предполагает наличие высокого уровня социальной субъектности и гражданской активности. Однако в России и в ее южной части доминируют этатистские и патерналистские установки, а основным актором социальных изменений в глазах регионального сообщества признается государство.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Узунов Владимир Владимирович
Доктор политических наук, директор Крымского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук,
г. Симферополь, Россия,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Vladimir Vladimirovich Uzunov
Doctor of Political Sciences, Director of Crimean branch of the Federal Research Sociological Center, Russian Academy of Sciences,
Simferopol, Russia,
e-mail: vladimir.uzunov@mail.ru

Литература

1. *Авксентьев В.А, Гриценко Г.Д.* Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92-99.

2. *Агеева Е.А.* Политические аспекты консолидации современного российского общества (На примере полиэтнического региона): Дисс. ... канд. полит. наук. Москва, 2004. 175 с.

3. *Бадмаев В.Н.* Пограничность социокультурного пространства Юга России // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2010. №2. С. 82-85.

4. *Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Дьяченко А.Н.* Этноконфессиональная идентичность населения юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов // Гуманитарий Юга России. 2018. № 6. С. 57-65.

5. *Верещагина А.В.* Почему патриотизму на Юге России не хватает гражданственности (по результатам социологического исследования)? // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10. № 5-2. С. 54-64.

6. Двадцать пять лет новой России: Ростовская область : Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 174 с.

7. *Денисова Г.С, Клименко Л.В.* Южно-Российская идентичность: упущенная возможность интеграции мультикультурного региона // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2011. № 6. С. 29-33.

8. *Захарова О.В.* Стратегии репрезентации категории «консолидация» в конъюнктивном дискурсе российского президента (2000-2015) // Вестник Института социологии. 2016. № 17. С. 29-45.

9. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков, Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. 304 с.

10. *Клименко Л.В.* Структура идентичности населения в контексте формирования социетальной целостности Юга России // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2013. №6 (32). С. 55-65.

11. *Корепанов Г.С.* Региональная идентичность в дискурсе социологии регионального развития // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2009. № 4. С. 56-65.

12. *Круглова А.Ю.* Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия. Автореферат дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2019. 40 с.

13. *Маркин В. В.* Региональное развитие Юга России: проблемы многомерной идентификации и моделирования // Гуманитарий Юга России. 2015. № 4. С. 123-133.

14. *Мукомель В.И., Рыжова С.Е.* Доверие и недоверия в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 37-46.

15. Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России: коллективная монография / Ю.Г. Волков, Лубский А.В., [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков. – Ростов н/Д: Фонд науки и образования, 2018. 412 с.

16. Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены. Информационно-аналитический доклад. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. 55 с.

17. *Рыжова С.В.* Религиозность и вопросы межэтнических отношений в России // Власть. 2018. № 9. С. 80-84.

18. *Силантьева М.В.* Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества // Точки. PUNCTA. 2011. №1-2(10). С. 27-30.

19. *Текушев И., Шевченко К.* Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Прага, 2017. С. 11–12.

20. *Узунов В. В.* Социальная консолидация и инновационное развитие регионального пространства Юга России: методологическая схема исследования // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 3. С. 216-230.

21. Граждане хотят объединяться ради общей идеи, но пока друг другу не доверяют // Газета "Коммерсантъ" № 25 от 12.02.2019, стр. 3. Режим доступа: https://www.kommersant.ru/doc/3881470.

22. Институциональное доверие. Режим доступа: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/

23. Кабардино-Балкария в зеркале общественного мнения 2017. Режим доступа: http://caucasustimes.com/ru/kabardino-balkarija-v-zerkale-obshhestvennogo-mnenija-2017/

24. Межличностное доверие. Режим доступа: https://fom.ru/TSennosti/14215

25. Мчедлова М.М. Социальная консолидация российского общества: роль религиозного фактора. Режим доступа: http://www.oboznik.ru/?p=46119

26. О государственной программе Республики Адыгея "Укрепление межнациональных отношений и патриотическое воспитание" на 2014 - 2020 годы (с изменениями на 29 декабря 2017 года). Режим доступа: http://docs.cntd.ru/document/460218073

27. Опрос на Северном Кавказе 2017: коррупция и ухудшение экономического положения подрывают авторитет власти в регионе. Режим доступа: http://caucasustimes.com/ru/opros-na-severnom-kavkaze-2017-korrupcija-i-uhudshenie-jekonomicheskogo-polozhenija-podryvaet-avtoritet-vlasti-v-regione/

28. Патриотизм в представлениях россиян. «Левада-центр». Режим доступа: http://www.levada.ru/19-11-2013/patriotizm-v-predstavleniyakh-rossiyan

29. Россияне назвали главных врагов страны. Режим доступа: https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/

30. Сериков АВ., Скуднова И.Б. Специфика формирования региональной идентичности молодежи Юга России. Режим доступа: http://naukarus.com/spetsifika-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-molodezhi-yuga-rossii

31. Список военно-патриотических клубов. Режим доступа: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs

32. Форменный пацан. Режим доступа: https://rg.ru/2016/04/06/v-rossii-poiavitsia-novoe-molodezhnoe-voenno-patrioticheskoe-dvizhenie.html

33. Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Утверждена постановлением Правительства от 30 декабря 2015 года № 1493. Режим доступа: http://government.ru/programs/664/events/

References

1. Ageeva E.A. (2004). Political aspects of the consolidation of modern Russian society (On the example of a multi-ethnic region): Dissertation .... Candidate of Political Sciences. Moscow, 175 p.

2. Avksentiev V.A., Gritsenko G.D. (2016). Ethnopolitical situation in the North Caucasus: an expert assessment // Sociological Studies. No. 1. P. 92-99.

3. Badmaev V. N. (2010). Boundedness of socio-cultural space of Southern Russia // Vestnik of Maykop State Technological University. No. 2. P. 82-85.

4. Bedrik A.V., Bineeva N.K., Diachenko A.N. (2018). Ethno-religious identity of the population of southern Russia: dichotomy of national and religious components // Humanitarian of southern Russia. No. 6. P. 57-65.

5. Denisova G.S., Klimenko L.V. (2011). South Russian identity: a missed opportunity to integrate a multicultural region // Izvestiya vuzov. North-Caucasus Region. Series: Social Sciences. No. 6.P. 29-33.

6. Institutional practices in interethnic and interreligious interaction in the South of Russia: interdisciplinary analysis and assessment of the potential use in strengthening all-Russian identity: monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky [etc.]; ed. by Yu.G. Volkov, Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education, 2018. 304 p.

7. Klimenko L.V. (2013). Structure of identity of the population in the context of formation of societal integrity of the South of Russia // Contours of global transformations: politics, economy, law. No. 6 (32). P. 55-65.

8. Korepanov G.S. (2009). Regional identity in the discourse of sociology of regional development. Series: Sociology. No. 4. P. 56-65.

9. Kruglova A.Yu.(2019). Destructive Islamist and Turkic-Islamist network structures in the South of Russia: formation, interaction, activities and methods of counteraction. Author's abstract of the dissertation ... Candidate of Social Sciences. Rostov-on-Don, 40 p.

10. Markin V. V. (2015) Regional development of the South of Russia: problems of multidimensional identification and modeling // Humanitarian of the South of Russia. No. 4. P. 123-133.

11. Mukomel V.I., Ryzhova S.E. (2017). Trust and distrust in interethnic relations // Sociological Studies. No.1.P. 37-46.

12. Ryzhova S.V. (2018). Religiosity and issues of interethnic relations in Russia // Vlast. No. 9. P. 80-84.

13. Silantieva M.V. (2011). Religion as a factor of social consolidation of contemporary Russian society // Points. PUNCTA. No. 1-2(10). P. 27-30.

14. Tekushev I., Shevchenko K. (2017). Islam in the North Caucasus: History and Modernity. Prague, P. 11-12.

15. Uzunov V. V. (2019). Social consolidation and innovative development of the regional space of the South of Russia: methodological research scheme // Humanitarian of the South of Russia. Vol. 8. No. 3. P. 216-230.

16. Vereshchagina A.V. (2018). Why does patriotism in the South of Russia lack citizenship (based on the results of sociological research)? // Historical and Socio-Educational Thought. Vol. 10. No. 5-2. P. 54-64.

17. Zakharova O.V. (2016). Strategies of representation of the category "consolidation" in the conjunctive discourse of the Russian president (2000-2015) // Bulletin of the Institute of Sociology. No. 17. P. 29-45.

18. Citizens want to unite for a common idea, but do not trust each other yet // Kommersant newspaper № 25 from 12.02.2019, p. 3. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3881470.

19. Interpersonal trust. Available at: https://fom.ru/TSennosti/14215

20. Institutional trust. Available at: https://www.levada.ru/2017/10/12/institutsionalnoe-doverie-3/print/

21. Kabardino-Balkaria in the mirror of public opinion 2017. Available at: http://caucasustimes.com/ru/kabardino-balkarija-v-zerkale-obshhestvennogo-mnenija-2017/

22. List of military-patriotic clubs. Available at: http://pravoslavnyi.ru/new_site/patriotic-military-clubs.

23. Mchedlova M.M. Social consolidation of Russian society: the role of the religious factor. Available at: http://www.oboznik.ru/?p=46119

24. On the state program of the Republic of Adygea "Strengthening interethnic relations and patriotic upbringing" for 2014 - 2020 (as amended on December 29, 2017). Available at: http://docs.cntd.ru/document/460218073

25. Poll in the North Caucasus 2017: corruption and worsening economic situation undermine the authority of the authorities in the region. Available at: http://caucasustimes.com/ru/opros-na-severnom-kavkaze-2017-korrupcija-i-uhudshenie-jekonomicheskogo-polozhenija-podryvaet-avtoritet-vlasti-v-regione/

26. Patriotism in the perceptions of Russians. "Levada Center. Available at: http://www.levada.ru/19-11-2013/patriotizm-v-predstavleniyakh-rossiyan

27. Patriotism, Citizenship and Solidarity in Regional Communities in the South of Russia: collective monograph / Yu.G. Volkov, Lubsky A.V., [et al]; ed. by Yu.G. Volkov. Rostov n/D: Foundation for Science and Education, 2018. 412 p.

28. Russian society after the presidential elections - 2018: a request for change. Information and analytical report. MOSCOW: FNISZ RAS, 2018. 55 p.

29. Russians named the main enemies of the country. Available at: https://www.levada.ru/2018/01/10/rossiyane-nazvali-glavnyh-vragov-strany/

30. Serikov AV, Skudnova I.B. (2013). Specifics of the formation of the regional identity of the youth of Southern Russia. Available at: http://naukarus.com/spetsifika-formirovaniya-regionalnoy-identichnosti-molodezhi-yuga-rossii

31. Twenty-five years of the new Russia: Rostov Oblast: Monograph / Ed. by Yu.G. Volkov. Rostov-on-Don : Foundation for Science and Education, 2018. 174 p.

32. Forman. Available at: https://rg.ru/2016/04/06/v-rossii-poiavitsia-novoe-molodezhnoe-voenno-patrioticheskoe-dvizhenie.html

33. State program "Patriotic upbringing of citizens of the Russian Federation for 2016-2020". Approved by Government Decree No. 1493 of December 30, 2015. Available at: http://government.ru/programs/664/events/

Поступила в редакцию ***20 июля 2021 г.***

УДК 316.4.066
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.6

Протестные движения молодежи (на материалах протестов 1968 г. в ФРГ)

Ю.В. Уханова,
Н.Г. Захаров
Вологодский научный центр РАН,
г. Вологда, Россия

Аннотация. В статье исследуются протестные движения молодежи, происходящие в конце 1960-х гг. (1968 г.) в Федеративной Республике Германия. На основе разнообразных исторических источников выявлено, что протестного движения с достижением поставленных целей в этот период не состоялось. Ресурсная база социального движения была слабой, ввиду отсутствия мощного финансового спонсирования; неформальные лидеры социального движения не могли объединиться из-за постоянных разногласий между собой. Особое влияние на протестные движения исследуемого периода оказали идеологи Франкфуртской школы. Обосновано, что молодёжные протестные движения являются несовершенной формой борьбы за гражданские и политические права.

Ключевые слова: молодежь; протестные движения; идеологи протестов; Социалистический союз немецких студентов; Франкфуртская школа.

Для цитирования: Уханова Ю.В., Захаров Н.Г. Протестные движения молодежи (на материалах протестов 1968 г. в ФРГ) // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 70 – 77.

Youth protest movements (a case study of the 1968 protests in the FRG)

YuliaV. Ukhanova,
Nikita G. Zakharov
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences
Vologda, Russia

Abstract. The authors explore the youth protest movements in the late 1960s (1968) in the Federal Republic of Germany. Based on various historical sources the authors reveal that the protest movement in full form haven't occurred in that period. The resource base of the social movement was weak, due to the lack of powerful financial sponsorship; the informal leaders of the movement could not come together due to constant disagreements among them. The ideologues of the Frankfurt School had particular bearing on the protest movements that period. The authors substantiate that the youth protest movements can be seen as a rather imperfect form of struggle for civil and political rights.

Key words: youth; protest movements; ideologues of protests; Socialist German Student Union; Frankfurt School.

For citation: Ukhanova U.V., Zakharov N.G. Youth protest movements (a case study of the 1968 protests in the FRG***)*** // Caucasian Science Bridge. 2021 Vol. 4 № 2. P. 70 – 77.

Введение

В современном российском обществе молодежь – это та социальная группа, которая настроена на позитивную деятельность, гораздо свободнее, чем старшее поколение, в своих устремлениях, лучше сориентирована в современном коммуникационном пространстве, готова к освоению нового как часть мирового сообщества *(Горшков, Шереги, 2020).* Для молодежи как особой социально-возрастной группы[1] характерны, с одной стороны, готовность к отстаиванию своих прав, инновационность, предприимчивость; с другой – недостаток жизненного опыта. При этом самореализация молодых людей, осмысление молодежью своей идентичности может выражаться через многообразие молодежных движений, в том числе протестного ха-

[1] Согласно ФЗ от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ "О молодежной политике в Российской Федерации" под молодежью понимается социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно // Российская газета. 11 января 2021 г.

рактера *(Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России, 2018)*.

Ю.А. Акунина при изучении молодежных движений современной России выявляет, что к основным причинам возникновения молодежных движений протестной направленности относятся: протест и вызов обществу; отсутствие взаимопонимания с родными, конфликт поколений; стремление выделиться и нежелание быть похожими на всех; намерение утвердиться в группе сверстников; приобщение к мировой молодежной культуре *(Акунина, 2011).*

Исследователи отмечают, что самоидентификация и самореализация молодого поколения посредством участия в протестном движении – одна из наиболее заметных тенденций во многих странах. По замечанию М.А. Новикова, начиная с 1950-х гг. в мировом сообществе не прекращаются молодежные выступления различной направленности, при этом зачастую, являясь первыми этапами гражданского неповиновения, подростковые мятежи трансформируются в массовые революционные волнения, охватывая самые разные социальные слои населения *(Новиков, 2012).*

Таким образом, актуальность темы исследования характеризуется тем, что молодежь в современную эпоху является активной общественно-политической силой, что обуславливает научный интерес обращения к историческому опыту. Цель работы состоит в рассмотрении особенностей протестных движений среди молодёжи в 60-е гг. XX века (1968 г.) в Федеративной Республике Германия.

Протесты молодежи в научном дискурсе

Проблематика настоящего исследования получила известное освещение в научной литературе. История и структура организации ССНС (Социалистический союз немецких студентов) подробно изложена в статье «ССНС и внепарламентская оппозиция в ФРГ» Е.А. Казаковым – выпускником Бременского университета. Автор описывает становление организации с конца 40-х годов XX века вплоть до её роспуска в 1970 году, уделяя пристальное внимание её роли в социальных протестах 1968 года *(Казаков, 2008).* В другом исследовании – «Преодолевая своё прошлое: критика западно-немецкого протестного движения 1968 года в публицистике его ветеранов» Е.А. Казаков анализирует взгляды участников событий 1968 года в Германии, некогда разделявших политическую повестку новых левых, но впоследствии вставших на либеральные и консервативные позиции. Статья представляет интерес с точки зрения анализа последствий протестов не только для объективной социальной и политической обстановки, но и анализа субъективного восприятия протестов их же участниками *(Казаков, 2012).*

Научный подход отечественного социолога и политолога Б.Ю. Кагарлицкого, изложенный в работе «Марксизм: не рекомендовано для обучения», интересен тем, что представляет собой взгляд левого диссидента времён СССР 70-х годов на события, происходившие со студентами, которые также подверглись гонениям за свои политические взгляды. По мнению исследователя, в отечественной социологии тематика протестных движений среди молодежи 1968 года не получила должного внимания *(Кагарлицкий, 2006).*

Для теоретического обоснования социального протеста представляют интерес исследования О.Н. Яницкого. В монографии «Социальные движения: теория, практика, перспектива» содержатся актуальные подходы к теоретическим и практическим вопросам социальных движений *(Яницкий, 2012)*, которые позволяют по-новому взглянуть, в том числе на протестное движение 1968 года. Авторы статьи опираются в своем исследовании на категориальный аппарат, сформулированный О.Н. Яницким в работе «Элементы теории социальных движений» *(Яницкий, 2011).* Структура соци-

альных возможностей, фрейм, социальная база и другие понятия отображают суть рассматриваемых в настоящем исследовании аспектов.

В теоретическом понимании протестных движений среди молодежи особое значение представляет концепция биосоциологии, характеризующая возможные трансформации общества через накопление критической массы биологических и интеллектуальных, а также социокультурных изменений молодежи. Обозначенная концепция подробно изложена В.А. Луковым в работе «Биосоциология молодёжи: теоретико-методологические обоснования», в которой автор, обращаясь к биосоциологии как междисциплинарной области научного знания, насыщает общий взгляд на социологические процессы, затрагивающие молодёжь как социальную группу, способствующую изменениям в общественной жизни *(Луков, 2013).*

Информационная база исследования

Основными источниками работы являются следующие материалы. Во-первых, это хроника 1968 года «История студенческих протестов в Европе. 1968 г.». Материал для хроники подготовлен доктором филологических наук Е.Н. Пенской и содержит в себе перечисление конкретных событий с их точной датировкой *(История студенческих протестов, 2008).* Во-вторых, в качестве источника выступает речь современника и одного из главных идеологов протестов 1968 года – Герберта Маркузе «К ситуации Новых Левых». В ходе своего выступления он открещивается от своей роли вдохновителя и идейного лидера выступлений, описывает дезорганизованные протесты как вынужденную меру, чтобы предотвратить появление новой авторитарной фигуры *(Marcuse, 1968).* В-третьих, исследование опирается на такой источник, как «Концепция городской герильи». Это программа Фракции Красной Армии (RAF) – сторонников насильственной борьбы с властью – в которой критикуются действия студентов вовремя и после событий 1968. Помимо осуждения действий ССНС и прочих новых левых в программе отмечаются и положительные, с точки зрения авторов, стороны студенческого протеста *(Rote Armee Fraktion, 1971).* На наш взгляд, позиция представителей RAF вызывает интерес также тем, что они продолжали активно проводить насильственные политические акции и в последующий период – в 70-е гг. XX века.

Результаты исследования

Конец 1960-х годов XX века – яркая иллюстрация «конфликта поколений», которая проявилась в виде движения хиппи в США, которая дала о себе знать в мае 1968 в Париже, и которая стала одним из спусковых крючков для «Пражской весны». Данная тенденция не прошла и мимо изучаемого нами вопроса. Формирование среднего класса в Германии, прошедшее не без помощи «экономического чуда», предоставило молодёжи, не знавшей разрух войны и голода, твёрдую почву под ногами. Это было время, когда новое поколение пресытилось конформизмом и ощутило свою политическую пассивность.

Центром объединения молодых людей с леворадикальными взглядами стал Социалистический немецкий союз студентов (СНСС), в 1961 году отмежевавшийся от Социал-демократической партии Германии. Внутрипартийная политика больших фракций была довольно жёсткой, и лидеры социал-демократов отлучали от организации тех, кто давал свою трактовку социалистической теории. Именно такой организацией и стала СНСС *(Казаков, 2008).*

Помимо СНСС студенты объединялись и выходили на акции протеста под эгидой других организаций. Среди них были более умеренные молодёжные ячейки Свободной Демократической и Социал-Демократической партий, члены которых обеспечивали постоянную явку на мирные шествия. Более радикальные объединения – «Коммуна I» и «Коммуна II» – участвовали в столкновениях с полицией, актах ванда-

лизма и порчи имущества влиятельных магнатов и политиков. Такое объединение, как Фракция Красной армии (RAF) была террористической организацией, осуществляющей с 1968 года насильственные акции протеста параллельно с более умеренными студенческими.

Участники леворадикальных объединений даже в быту соответствовали их названиям, зачастую живя в одном помещении и обобществляя собственность. Большинство студентов были не готовы к таким радикальным шагам к преобразованию общества, начиная с себя. Так, например, сам Руди Дучке отказался присоединиться к «Коммуне I» когда узнал, что в ней практикуются полиаморные отношения *(Казаков, 2012. С. 8).*

Теоретической базой молодежного движения были политические трактаты представителей Франкфуртской школы. Её становление и отдельные биографические сюжеты неомарксистов хорошо описаны в работе журналиста Стюарта Джеффриса «Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы». Автор работы является обозревателем и колумнистом британской леволиберальной газеты «Guardian». В книге осуществляется попытка составления групповой биографии ключевых интеллектуалов-марксистов Франкфуртской школы, начиная с их детства вплоть до описания нового поколения «франкфуртцев», перенявших традицию своих предшественников и в то же время подвергнувших своих учителей критике.

Как правило, студенты собирались и в демократичном порядке дискутировали с позиций анархизма, коммунизма, социализма и романтического утопизма. Кумирами студентов стали самые популярные на тот момент представители Франкфуртской школы – Теодор Адорно и Герберт Маркузе.

Ключевой фигурой в СНСС стал студент Руди Дучке, который обрёл популярность благодаря своим ораторским навыкам и эффективной организационной деятельности. Акции, организованные такими лидерами студенческого движения, были направлены против архаичных структур в образовании. Позже лозунги против профессуры конкретных университетов переросли в протест против традиционных авторитетов, родителей, войны, авторитарных государств и патриархата.

Один из представителей «нового поколения» Франкфуртской школы, Юрген Хабермас, включился в инициированный СНСС процесс по демократизации образовательной сферы. В 1967 году в Ганновере он вместе с лидерами студенческого союза Руди Дучке и Хансом-Юргеном Кралем принял участие в дискуссии на тему «Университет и демократия: условия и организация сопротивления». Ю. Хабермас поддержал студенческую программу, однако, как и Т. Адорно, не решился выделить средства для достижения поставленных целей. Главный обвинительный пассаж в сторону Р. Дучке состоял в том, что он стремится осуществить революцию любыми необходимыми средствами: «По моему мнению, он представил волюнтаристскую идеологию, которую назвали утопическим социализмом ещё в 1848 году, но которая в контексте сегодняшнего дня должна быть названа левым фашизмом» (Джеффирс, 2018).

Если обобщать позицию Ю. Хабермаса по вопросам протестов, то он считал, что стоит их просто переждать и не подставляться самим. Для него задача интеллектуалов отнюдь не состояла в том, чтобы выступать на баррикадах. Г. Маркузе, напротив, считал, что суть критической теории совпадает с целями студенческого протеста, однако сам он находился в США и не мог или не хотел присоединиться к немецким студентам. Т. Адорно же смотрел на эту ситуацию и вовсе как на спровоцированную нынешней властью, а, значит, развивающуюся в её интересах. «Баррикады – это игра, в которую господа разрешают пока играть» *(Адорно, 2000).*

В контексте студенческих волнений в Европе в 1968 году Теодор Адорно, Юрген Хабермас и писатель Гюнтер Грасс встретились с одним из лидеров СНСС – Хан-

сом-Юргеном Кралем в рамках открытой дискуссии на тему «Революция и авторитет». Краль был одним из любимых учеников Адорно, что не помешало студенту обратиться к своему преподавателю с претензией. Она заключалась в том, что Адорно был единственным профессором Франкфуртского университета, вышедшим на диалог с протестующими, но тут же вернувшимся к своей работе, закрывшись у себя в кабинете *(Джеффирс, 2018).*

В.А. Луков, характеризуя позицию Адорно, отметил, что, по мнению социолога, общество переходит от классового к массовому, в котором, несмотря на действующий экономически обусловленный классовый принцип, социально-классовая группировка изменилась: класс буржуазии поделился на собственников крупных корпораций и средний класс – «массовое общество» *(Луков, 2013).*

Ряд участников студенческого протеста того времени вспоминают этот опыт как продолжение деструктивной тенденции радикализации общественных настроений. К примеру, Гётц Али – бывший участник маоистской организации «Партийная инициатива» – считает, что студенты под антифашистскими лозунгами являлись проводниками той части немецкой традиции, которая была направлена на угнетение меньшинства. Если мы рассматриваем студенческий протест, то этим меньшинством были преподаватели, часть из которых в своё время были жертвами нацистского режима *(Казаков, 2013, С. 103).*

Обратную претензию высказывают более радикальные левые, в частности члены Фракции Красной армии. Так, один из лидеров RAF – Ульрика Майнхоф – критикует 11 студентов, забросавших пуддингом приехавшего с визитом вице-президента США Хуберта Хамфри. Майнхоф одобряет саму акцию по привлечению внимания к действиям США во Вьетнаме, но отсутствие разъяснительных выступлений перед общественностью, по мнению журналистки, нивелирует достижения подобных акций. Более того, Майнхоф отмечает, что весь спектр внимания студенты сводят к «себе любимым», таким образом довольствуясь средством достижения цели, при этом, не достигая самой цели *(Майнхоф, 2014).*

Тем не менее, несмотря на то, что участники протестного выступления были не членами СНСС, а «Коммуны I», их акция была частью общей социальной базы массового молодежного движения 1968 года. Во-первых, они относятся к студенчеству, следовательно, потенциальными лицами для рекрутинга (согласно терминологии О.Н. Яницкого *(Яницкий, 2012))* в другие молодёжные организации, во-вторых, они в той или иной степени разделяли ценности и убеждения, объединявшие их с СНСС.

Причинами активного вовлечения молодёжи в протестную деятельность изучаемого периода являются демографические изменения, обеспечившие общий рост количества студентов, недовольство отсутствием демократизации образовательного процесса, нравственный конфликт поколений. Именно перенос активной деятельности СНСС на улицы позволяет считать объединение молодежи – социальным движением – формой гражданской самоорганизации, которая преследует политические цели *(Яницкий, 2012).*

Основные требования студентов заключались в проведении реформ университетов, которые, как правило, касались студенческого самоуправления. Кроме того, студентов волновали проблемы, не касающиеся вопросов образования, против которых они так же протестовали: гонка вооружений, война во Вьетнаме и культура потребления *(История студенческих протестов, 2008).*

На самих демонстрациях были слышны требования о сломе существующих порядков, предполагающих разделение на «верхи» и «низы». Агрессия протестующих была направлена в основном на полицию, пресекающую действия демонстрантов. В восприятии студентов органы правопорядка олицетворяли собой репрессивную го-

сударственную машину. Когда во время выступлений 1967 года в Берлине студент Бенно Онезорг погиб от рук полицейского, протест вступил в насильственную фазу с обеих сторон.

В рамках насильственных акций студентами поджигалась собственность власть имущих. Одним из крупнейших актов вандализма стал поджог здания издательства Акселя Шпрингера. Журналист ассоциировался в народе со сложившейся экономической системой. 21 февраля проходила демонстрация против СНСС, организованная правительством, профсоюзами и группой профессоров. Данную акцию Шпрингер спонсировал лично. В ней участвовало 60 000 человек, и раздавались призывы о высылке Дучке в ГДР, запрете СНСС. Демонстрантами были избиты прохожие, напоминающие им внешне Руди Дучке *(Казаков, 2012. С. 9).*

Образовательный процесс был так же дестабилизирован захватами студентами аудиторий и вузов в целом. В рамках подобных акций сформировались «критические университеты», целью которых была замена буржуазного образования на проведение заседаний по общественно-политическим вопросам.

Одним из пострадавших преподавателей стал Теодор Адорно, который, как было отмечено выше, поначалу выражал сочувствие протестующим. В их требованиях к демократизации образовательного процесса он был солидарен со студенчеством. Однако методы, предполагающие захват учебных заведений и принуждение преподавателей к самокритике, у Т. Адорно не только не вызывали сочувствия, но и воспринимались им как ухудшение и без того слабо функционирующей демократии. В результате Т. Адорно поплатился за свою позицию. Несмотря на то, что он также встречался со студентами и обсуждал с ними проблемы образования, философ стал объектом травли со стороны протестующих. Его лекции стали срывать, призывать прямо на них к поддержке заключённых в тюрьмах протестующих.

На пике своей популярности СНСС чуть менее трех тысяч членов. Под влиянием ССНС во внепарламентскую оппозицию были втянуты и другие студенческие и молодежные структуры. К леворадикальным идеям склонялись молодежные организации СвДП и СДПГ, значительная часть школьного и студенческого самоуправления.

После того, как студенческий протест окончательно пойдёт на спад, насильственные акции Фракции Красной Армии войдут в свою активную фазу, дав старт «свинцовым семидесятым». Одними из единственных методов борьбы, в которых члены RAF солидаризовались со студентами, были «уличные бои, поджоги, использование ответного насилия». В остальном, студенческий бунт воспринимался боевым леворадикальным крылом как наивная и самонадеянная попытка заявить о себе *(Rote Armee Fraktion, 1971).*

Следует подчеркнуть, что результат протеста во многом зависит от установки, которая закладывается в массовое сознание лидерами самого протеста. Данный процесс можно описать термином «фрейма» – интерпретативной схемы, которая упрощает образ социальной действительности. С его помощью лидерами расставляются акценты, на которых обществу следует сконцентрироваться, придавая особую значимость тем или иным проблемам *(Яницкий, 2013. С. 59).* При наличии относительно организованных сообществ как СНСС, социальное движение 1968 года носило во многом спонтанный характер. Подобная ситуация и привела к тому, что неформальными лидерами стали теоретики неомарксизма, не дающие конкретных руководств к действиям и оставляющих за своими словами огромное поле для интерпретаций. Более того, самый почитаемый и популярный среди студентов Герберт Маркузе сам придерживался той точки зрения, что у социалистического протеста не должно быть лидера. Философ, несмотря на почти безоговорочную поддержку СНСС, активно выступает за то, чтобы социалисты были разрознены: «Хотелось бы еще кое-что доба-

вить, что звучит чуть ли не как ересь: никакого поспешного объединения левых! Левые расколоты! Левые всегда были расколоты! Сплочены только правые, неспособные бороться за какие-либо идеи!» *(Marcuse, 1968. P. 15).*

Заключение

Резюмируя анализ причин провала студенческого протеста 1968 года, следует констатировать тот факт, что протестного движения в полном виде в этот период не состоялось. Ресурсная база социального движения была слабой, ввиду отсутствия мощного финансового спонсирования, неформальные лидеры социального движения не могли объединиться из-за постоянных разногласий между собой, а сама социальная база протеста была во многом ограничена молодёжью, изредка в демонстрации вовлекались рабочие.

Таким образом, можно сделать вывод, что молодёжные протестные движения, имеющие сравнительно небольшой исторический опыт, являются достаточно несовершенной формой борьбы за гражданские и политические права. Отсутствие политической программы, разрозненность мотивов участников и незнание того, что делать с репутационным успехом протестных акций показывает незрелость подобных политических инициатив. Перспективы подобных социальных практик могут как усугубить кризис в обществе, так и поспособствовать общественной консолидации при условии вовлечения в протест других социальных групп. Изучение опыта протестных движений молодежи показывает, что наделение определённой возрастной группы населения революционной ролью создаёт определённый разрыв, мешающий достичь консенсуса между поколениями.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Уханова Юлия Викторовна
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник,
Вологодский научный центр Российской академии наук,
e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru

Yulia Viktorovna Ukhanova
Candidate of Historical Sciences,
Senior Research Associate,
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
e-mail: yuliya.uhanova@bk.ru

Захаров Никита Геннадьевич
Магистрант, инженер-исследователь, Вологодский научный центр Российской академии наук,
E-mail: zaharoff.nikita@yandex.ru

Nikita Gennadievich Zakharov
Master's Degree Student, Research Engineer,
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
E-mail: zaharoff.nikita@yandex.ru

Литература

1. *Адорно Т.* Проблемы философии морали. М.: Республика, 2000. 191 с.
2. *Акунина Ю.А.* Молодежные движения современной России: протест и созидание. Вестник МГУКИ. 2011. № 3. С. 123–127.
3. *Горшков М.К., Шереги Ф.Э.* Молодёжь России в зеркале социологии. К итогам многолетних исследований. М.: ФНИСЦ РАН, 2020. 688 с.

4. *Джеффрис С.* Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 448 с.

5. История студенческих протестов. 1968 г. В Европе. Хроника событий. М: Вопросы образования, 2008. С. 256-280.

6. *Кагарлицкий Б.Ю.* Марксизм: не рекомендовано для обучения. М.: Алгоритм, 2006. 1622 с.

7. *Казаков Е.А.* Преодолевая своё прошлое: критика западно-немецкого протестного движения 1968 года в публицистике его ветеранов // Вестник Пермского университета. 2019. С. 97-106.

8. *Казаков Е.А.* ССНС и внепарламентская оппозиция в ФРГ. М: Неприкосновенный запас, 2008. С. 23-35.

9. *Луков В.А.* Биосоциология молодёжи: теоретико-методологические обоснования. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2013. 430 с.

10. *Майнхоф У.М.* Напалм и пуддинг. URL: http://saint-juste.narod.ru/napalm.htm

11. *Новиков М.А.* Молодежные бунты 60-х гг. XX в. и становление государственной молодежной политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. Выпуск № 32. С. 1–13.

12. *Патриотизм, гражданственность и солидарность в региональных сообществах на Юге России* / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский, Н. К. Бинеева [и др.]. Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2018. 412 с.

13. *Яницкий О.Н.* Социальные движения: теория, практика, перспектива. М.: Новый хронограф, 2013. 360 с.

14. *Яницкий О.Н.* Элементы теории социальных движений. Режим доступа: http://www.isras.ru/publ.html?id=2429

15. *Marcuse H.* Zur Situation der Neuen Linken. La Banda Vaga Texte, 1968. 15 p.

16. *Rote Armee Fraktion: Das Konzept Stadtguerilla*. Amsterdam: Niemec Verlag, 1971. 13 p.

References

1. Adorno T. (2000). Problems of moral philosophy. Moscow: Respublika. 191 p.

2. Akunina Yu.A. (2011). Youth movements of modern Russia: the protest and the creation. Vestnik MGUKI, No. 3, P. 123-127.

3. Gorshkov M.K., Sheregy F.E. (2020). Youth of Russia in the mirror of sociology. To the results of many years of research. Moscow: FNISC RAN. 668 p.

4. Jeffries S. (2018). Grand Hotel Abyss: The Lives of the Frankfurt School. Moscow: Ad Marginem Press. 448 p.

5. History of the 1968 student protests in Europe. Chronicle of events. (2008). Voprosi obrazovania, P. 256-280.

6. Kagarlitsky B.Y. (2006). Marxism: not recommended for teaching. Moscow: Algoritm. 1622 p.

7. Kazakov E.A. (2019). Overcoming one's own past: a critique of the west german protest movement of 1968 in the journalism of its veterans. Vestnik Permskogo universiteta, P. 97-106.

8. Kazakov E.A. (2008). SDS and extra-parliamentary opposition in FRG. Neprikosnovenny zapas, P. 23-35.

9. Lukov V.A. (2013). Biosociology youth: theoretical and methodological foundations. Moscow: Izdatelstvo Moscovskogo gumanitarnogo universiteta. 430 p.

10. Marcuse H. (1968). To the situation of the new left. La Banda Vaga Texte, 1968. 15 p.

11. Meinhof U. (1967). Napalm and pudding. Available at: http://saint-juste.narod.ru/napalm.htm.

12. Novikov M.A. (2012) Youth riots of the 60s. XX century and the formation of state youth policy. State governance. Electronniy vestnik, No.32. P. 1-13.

13. Protest potential. (2021). VCIOM Novosti. Available at: https://wciom.ru/ratings/protestnyi-potencial.

14. Red Army Faction. (1971). The Urban Guerilla Concept. Amsterdam: Niemec Verlag. 13 p.

15. Yanitsky O.N. (2013). Social movements: theory, practice, perspective. Moscow: Noviy hronograf. 360 p.

16. Yanitsky O.N. (2012). Elements of the theory of social movements. Available at: http://www.isras.ru/publ.html?id=2429.

Поступила в редакцию ***18 июня 2021 г.***

УДК 316.356.2(470.67)+2(470.67)
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.7

Сожительство в оценках дагестанского населения

Э.М. Загирова
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр
г. Махачкала, Россия

Аннотация. Семейная проблематика, важность семейных ценностей и традиций остро обозначились на фоне роста феминистского движения, разрушения устоев традиционной семьи, происходящих внутри нее сложных и противоречивых процессов, деструктивных тенденций, которые способствуют кризису института семьи. В Дагестане в постсоветский период появился институт многоженства, который, вопреки встречающемуся среди фамилистов мнению, в истории дагестанских народов не имел широкого распространения. В этой связи актуально изучение полигамии, установление степени ее распространенности, отражение на семейном климате, во взаимоотношениях супругов. Поэтому важным является выявление мнения жителей республики и их оценка шариатского брака, ибо мужчины, имеющие «вторую жену», не могут официально оформить свои отношения. В статье рассматривается отношение дагестанских народов к гражданскому браку, который чаще именуется сожительством, что вполне объективно, потому что только зарегистрированные в органах ЗАГСа отношения могут называться брачным союзом. Авторская гипотеза базируется на доминанте шариатского брака, союза, заключенного по исламским канонам, над официально зарегистрированными отношениями между мужчиной и женщиной. Эмпирический материал показывает превалирование в массовом сознании опрошенного населения приоритетности шариатского брака, более того, недопустимости его отождествления с сожительством. Вместе с тем, в позициях респондентов прослеживается непоследовательность, с одной стороны, апеллирование к исламским постулатам в семейно-брачной сфере (наша религия позволяет заключить брак по исламским предписаниям, а это важнее регистрации брака в ЗАГСе), с другой, допустимость отождествления шариатского брака и сожительства (гражданский брак).

Ключевые слова: семья; сожительство; гражданский брак; институт семьи; кризис семьи; семейные ценности; семейные отношения.

Для цитирования: Загирова Э.М. Сожительство в оценках дагестанского населения// Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 78 – 87.

Concubinage in the perception of the Dagestan residents

Elvira M. Zagirova
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center,
Makhachkala, Russia

Abstract. Family problems, the importance of family values and traditions have become sharply defined against the background of the growth of the feminist movement, the destruction of the foundations of the traditional family, complex and contradictory processes taking place within it, destructive trends that contribute to the crisis of the family institution. The institution of polygamy appeared in Dagestan in the post-Soviet period, which was not widely spread in the history of the Dagestan residents. In this regard, it is important to study polygamy, to determine the degree of its prevalence, its reflection on the family climate, on the relationship between spouses. Moreover, within its framework, it is important to identify the attitudes of the republic inhabitants to this issue and their assessment of Sharia marriage, because men who have a "second wife" cannot formalize their relations. The author examines the attitude of the Dagestan residents to concubinage, more often called cohabitation (because only relations registered in the registry office can be called a family union). The author's hypothesis is initially based on the dominance of Sharia marriage, concluded according to Islamic canons, over an officially registered relationship. The empirical material shows the prevalence of the priority of Sharia marriage in the mass consciousness of the respondents. Moreover, the respondents see that it is unacceptable to identify it with concubinage. At the same time, there is an inconsistency in the answers of the respondents: on the one hand, they appeal to Islamic postulates in the family and marriage sphere (our religion allows us to marry according to Islamic prescriptions, and this is more im-

portant than registering a marriage in the registry office): on the other hand, they consider possible to identify Sharia marriage and cohabitation (concubinage).

Keywords: family; concubinage; civil marriage; family institution; family crisis; family values; family relations.

For citation: Zagirova E.M. Concubinage in the perception of the Dagestan residents // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 78 – 87.

Введение

Преобразования постсоветского периода в различных сферах закономерно отразились и на институте семьи, которые в настоящее время проявляются в виде деструктивного сценария его (семьи – авт.) развития, а конкретно, иные установки и модели демографического поведения, нежелание иметь детей, провозглашение и следование принципу «жить для себя», предпочтительность гражданского брака, внебрачная рождаемость, ранее материнство и т.д. Иными словами, «брачные отношения в России сегодня уже совсем не те, как в традиционных обществах, в первую очередь в мусульманских странах (высокий уровень брачности и низкий уровень разводов), и ещё не такие, как в западных постиндустриальных государствах распространённость сожительств, высокие показатели внебрачной рождаемости, невысокий уровень брачности» (*Демография, 2015*).

Какие ценности значимы в семейно-брачной сфере? По мнению автора, таковыми могут быть ценности родительства, ценности детей (наличие детей), семейные ценности (материальные и духовные, среди последних традиции и обычаи присущие как национальному образованию, так и конкретно взятой семье). О.Н. Безрукова рассматривает «ценности родительства… как одна из групп семейных ценностей, комплекс эмоционально и культурно обусловленных, устойчивых убеждений о предпочтительных моделях репродуктивного, экзистенциального, социализационного поведения родителей с целью рождения и воспитания детей. Ценности родительства включают убеждения о ценности детей и отношении к ним; мотивации деторождения, планирования и организации рождения детей; их количестве; качестве заботы и воспитания; о том, как должны строиться взаимоотношения между родителями и детьми; какие качества необходимо воспитывать в детях» *(Безрукова, 2017).*

А что такое семейные ценности? Д.А. Завгородный под семейными ценностями понимает ценности, констатирующие «представления о желаемом типе семьи и семейных отношений, регулирующих поведение индивидов в сфере семейных отношений, детерминирующих принятие решений семейного характера и обеспечивающих сохранение и воспроизводство в обществе семейных образцов, моделей, норм» *(Завгородный, 2014)*.

В современном институте семьи наблюдаются деструктивные явления, среди которых могут быть вполне обоснованно обозначены кризис самой семьи, рост количества разводов, неблагополучных семей, матерей одиночек, ранее материнство, отсутствие полового воспитания, девиантное поведение подростков, домашнее насилие, жертвами которого становятся как жены, малолетние дети, так и пожилые члены семьи (родители). Наряду с вышеперечисленными негативными явлениями в семейной сфере можно назвать еще и появление полигамии в регионах распространения ислама. В постсоветский период в Дагестане появился институт многоженства, который не был распространен в дореволюционный период вопреки расхожему мнению, что полигамия является исключительно явлением присущим восточным народам, а также последователям ислама. И немаловажную роль в данном процессе сыграло исламское возрождение, появление возможности для широкого приобщения населения к вероучению: исламские учебные заведения разного уровня (примечетская школа, медресе, исламские высшие учебные заведения), издание большими ти-

ражами исламской литературы, пятничные проповеди исламских духовных лиц, которые внедряли в массовое сознание необходимость придерживаться мусульманских правил и постулатов в своем поведении. Большое внимание исламские служители уделяли семейно-брачной сфере, потому что в традиционной дагестанской семье происходили процессы, которые можно было обозначить как кризис, так и эволюцию, в зависимости от призмы их рассмотрения и характеристики.

Отечественные фамилисты по-разному рассматривают брачный союз: ключевым является наличие или отсутствие его регистрации, иными словами, имеет место сожительство, которое называют гражданским браком. С изменение экономической и духовной основы российского общества, когда на смену существовавшей ценностной и идеологической системе пришли иные парадигмы, закономерно произошли трансформации практически во всех социальных сферах, в каких-то они отчетливо себя проявили, полностью разрушив прежние устои, а в каких-то протекали бесконфликтно. И такие изменения затронули и семейно-брачную сферу, что выражается в появлении такой модели взаимоотношений между мужчиной и женщиной как сожительство, которые в научной литературе, впрочем, и самими акторами, обозначается как гражданский брак. Если в научном плане строго следовать использованию терминологического аппарата, то «гражданский брак» есть союз зарегистрированный в органах ЗАГСа, а «истоки ошибочного употребления термина "гражданский брак" в наше время следует искать во времени регулирования брака церковными нормами, "гражданский брак" является синоним незаконного» *(Краснова, 2008)*.

В отечественной фамилистике последнего времени большое внимание уделяется изучению именно незарегистрированных семейных союзов, соответственно, предпринимаются, причем очень успешные попытки в исследовании таких явлений, как сожительство и гражданский брак. Так, сожительство рассматривают как «консенсуальный союз» *(Нечаева, 2007)*, иными словами, «в России исследователи называют сожительства (cohabitations) и консенсуальными союзами, и фактическими браками, и незарегистрированными союзами, и неформальными, и незарегистрированными браками (Росстат), и гражданскими браками (СМИ), хотя в России юридические браки являются гражданскими, светскими. Однако следует учесть, что брак является юридическим институтом. Если речь идет о других странах, фактический брак (common law marriage) подразумевает отношения, имеющие некоторые юридические последствия» *(Гурко, 2017)*. Обращает на себя внимание специфика, вернее, причины предпочтительности сожительства: «матери "одиночки" проживают с отцами своих детей. Но они не регистрируют не только брак, но и отцовство. Молодые вполне рационально рассчитывают, что можно получить от государства с таким статусом (льготы при приеме в детские дошкольные учреждения, более высокое пособие на ребенка, льготная постановка на жилищный учет). А юридическое закрепление чувств их интересует в последнюю очередь» *(Гурко, 2017).* В настоящее время гражданские браки уже перестали быть в российском обществе диковинкой и постепенно становятся нормой. И, несмотря на то, что ученым не удается провести точный подсчет, заметно, что их число увеличивается.

В связи с вышесказанным, в авторском исследовании внимание было уделено институту «гражданский брак», потому что важным является исследование корреляции между традиционным и инновационными компонентами, а также их выраженности в области семейных отношений дагестанского общества. А это можно осуществить через выявление существующего в общественном сознании населения к гражданскому браку или точнее, сожительству, если отношения между мужчиной и женщиной официально не зарегистрированы.

Прежде чем перейти к анализу эмпирического материала, следует изложить существующее в научном сообществе понимание сожительства и подходов его изучения. Так, в современной социологии семьи сожительство рассматривается в русле двух традиций: сущность первого направления заключается в изучении сожительства в рамках институционального кризиса традиционного брака, базирующегося на «идее П.А. Сорокина о "падении семейных устоев": кризисное состояние вызывает ослабление брачных связей, которые поддерживались религиозными нормами и экономической несамостоятельностью женщин» *(Лактюхина, Антонов, 2015)*.

Проблема кризиса семьи рассматривается в работах А. Карлсона, по мнению которого, «первые годы XXI в. свидетельствуют о беспрецедентном глобальном кризисе семьи. В большинстве развитых стран рождаемость упала значительно ниже уровня простого воспроизводства населения. Депопуляция стала новой реальностью мира. Массовое уклонение от брака столь же очевидно: брак или замещается сожительством, или отвергается вообще разнообразием форм домохозяйства» *(Карлсон, 2003)*. Поэтому реакцией на разрушение полной семьи является простое сожительство без заключения брака, хотя оно не смогло выступить в полной мере «в качестве альтернативы семьи. Вместо того чтобы содействовать сплоченности взаимоотношений, совместно проживающие пары характеризуются чрезвычайно высокой степенью разобщенности. Вместо того чтобы стать проверкой, обеспечивающей последующее счастье, сожительство ассоциируется с низким уровнем стабильности и высоким уровнем разногласий» *(Карлсон, 2003)*.

Рассматривая сожительство как выражение разрушительного процесса в пространстве брачного поведения, ученые, придерживающиеся теории кризиса при характеристике современного состояния семьи, сконцентрированы на поиске механизма изживания возникшей ситуации: «выход из которой усматривается в реставрации основных институтов и восстановлении утраченных ими функций» *(Лактюхина, Антонов, 2015)*. Кроме того, в рамках модернистского направления сожительство является выражением «"современного" брачного поведения, следствие модернизации семейного института, в ходе которой неизбежно появление новых форм брака и изменение его функций» *(Лактюхина, Антонов, 2015)*. Модернистский подход получил свою разработку и развитие в исследованиях С.И. Голод, А.Г. Вишневского, С.В. Захарова, А.Р. Михеевой *(Вишневский*, 2006; *Голод,* 2010; *Захаров,* 2007; *Михеева*, 2012*)*.

По мнению С.В. Захарова, в современном российском обществе официальный брачный союз утрачивает свою притягательность по причине существования ориентаций на вариативную форму брака – гражданский брак, несмотря на то, что «из исторического опыта России известно, что прочность союзов, основанных на добровольном согласии, при прочих равных условиях ниже, чем официальных браков… Именно поэтому из профессионального стана демографов, социологов и политиков часто следует посыл уничижительно-дискриминационного свойства по отношению к незарегистрированным союзам. Призывы к "укреплению и возрождению семейных ценностей" сегодня в России все более трансформируются в призыв не допустить дальнейшего распространения "незаконных сожительств"» *(Захаров, 2007)*. Интересна позиция С.В. Захарова при анализе роли сожительства в демографических процессах: «опыт ряда развитых стран свидетельствует, что переход к многообразию типов супружеских отношений, когда привычный брак соседствует с консенсуальным союзом, соответствует росту рождаемости. Сегодня в Европе более высокая общая рождаемость наблюдается в тех странах, где высока и доля "внебрачных" рождений» *(Захаров, 2007).*

Таким образом, проведенный анализ показывает, что сожительство или гражданский брак имеет распространение в современном обществе, причем не только в российском, но и в западном. Его появление можно интерпретировать с разных позиций – как желание совместно проживающих людей «проверить свои отношения» до официальной их регистрации, снижением веса и ценности семьи как таковой, приоритетностью в установках мужчины и женщины эмоционального восприятия (чувство любви) в противовес узаконивания своих отношений, так и экономическим мотивом (иметь материальные льготы и иные преференции от государства).

Эмпирическая часть исследования

Эмпирическую базу исследования составляет социологическое исследование, проведённое в 2021 гг. в рамках изучения отношения дагестанских мужчин и женщин к институту многоженству. Основной метод исследования – стандартизированный массовый опрос. В 2021 г. было опрошено 507 чел., из них по городам – Дербент (N = 57), Махачкала (N = 280); по районам республики – Ботлихский район (N = 26), Дербентский район (N = 48), Казбековский район (N = 21), Кизлярский район (N = 28), Кизилюртовский район (N = 27), Левашинский район (N = 34), Хасавюртовский район (N = 59), По полу 243 мужчин и 264 женщин; по образованию 243 чел. со средним, 136 чел. со средним специальным и 137 чел. высшим образованием; по возрасту: «0 – 19 лет» (N = 176 чел.), «20 – 35 лет» (N = 136), «36 – 50 лет» (N = 103), старше 50 лет (N = 104); по отношению к религии – верующие (N = 319), неверующие (N = 62), колеблющийся (N = 107).

Результаты исследования

Согласно исламским традициям, брак, заключенный по шариатским законам, не только приравнивается к официальному, но и имеет приоритетное значение для мусульманских народов, то есть его (шариатский брак – авт.) вес больше, и он главнее. Более того, даже в советский период при господствовавшей атеистической идеологии, до регистрации в органах ЗАГСа, последователи ислама раньше заключали брак по мусульманским канонам, и только потом его регистрировали. Можно утверждать, что традиционное и инновационное перемешалось в массовом восприятии дагестанских народов, потому явно выраженных отрицательных оценок этому виду семьи мы не получили, а с учетом имевшейся всегда доминанты шариатских браков в Дагестане по ряду вопросов были получены удивительные, с точки зрения строгих нравов дагестанского общества, результаты. Так, данные на вопрос **«Как относитесь Вы к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям?»** показывают, что 28,6 % опрошенного населения республики положительно относятся к гражданским (не зарегистрированным, сожительствующим) семьям с аргументом, что исламская вера позволяет заключить брак по мусульманским предписаниям, а это, по их мнению, важнее регистрации брака в ЗАГСе. По гендерной принадлежности данная позиция ближе 31,2 % мужчин и чуть меньшей части опрошенных женщин (26,7 %). На второй позиции располагается суждение «отрицательно, если отношения не будут оформлены по одному из возможных вариантов (или по религиозным предписаниям, или по закону», которое отмечено 25,0 % женщин, группой состоящих в браке (26,3 %), неверующими (31,6 %), поколениями в возрасте 35 – 50 лет (28,3 %) и старше 50 лет (24,7 %). Положительное отношение к сожительству с аргументацией, что «печать в паспорте не имеет значения, если супруги любят друг друга и им хорошо вместе)» разделяют 16,8 % опрошенных по всему массиву и их больше в группе мужчин (26,0 %), по сравнению с женщинами (9,9 %), молодого поколения 0 – 20 лет (23,4 %), которое не имеет опыта семейной жизни, вернее не понимает, что семейная жизнь строится не только на одном чувстве любви, категории холостых (22,4 %) и колеблющихся (34,6

%). Положительная оценка сожительства характерна 15,8 % респондентов по всему массиву: по их мнению, можно заключить шариатский брак и людей в таком браке не будут называть сожителями. Здесь необходимо пояснить, что для мусульман приоритетным является брак, заключенный по канонам ислама, и отсутствие официальной его регистрации никак не влияет на его законность с точки зрения религии (ислама). На возможность заключения шариатского брака, что важнее официально зарегистрированных брачных отношений, указывают верующие (16,9 %) против небольшого числа неверующих (5,3 %) и колеблющихся (7,7 %), мужчины (18,6 %) против женщин (13,7 %), возрастная категория 20 – 35 лет (21,2 %), состоящие в браке (17,6 %) и разведенные (16,1 %). Вместе с тем, 14,8 % опрошенных негативно относятся к сожительству, ибо, по их мнению, гражданский брак способствует утрате важности семьи, семейных ценностей и формирует безнравственность в поведении молодого поколения. То есть респонденты отрицательную оценку гражданского брака объясняют тем, что незарегистрированные брачные отношения, во-первых, порождают безнравственность, во-вторых, нарушают традиционные устои дагестанского общества, в-третьих, разрушает традиционные семейные отношения и ценности – 10,1 %, 10,7 % и 10,2 %, соответственно. Чуть меньшая часть опрошенных настроена положительно и считает, что люди должны проверить свои отношения, прежде чем заключить официальный брак (8,3 %) и если какие-то причины не позволяют людям официально оформить свои отношения, то они могут находиться в гражданском браке (9,7 %). По обоим положениям отметивших больше среди мужчин – 13,5 % и 13,0 %, по сравнению с женщинами – 4,5 % и 7,2 %, соответственно. Еще раз необходимо напомнить, что в обществе широкое распространение имеет понимание гражданского брака как формы семьи и брачного союза, который, официально не зарегистрирован. Более того, люди по каким-то причинам (чтобы не создавать проблемы с разводом, разделом имущества, кто-то боится, что если заключать официально брак, то их отношения могут разрушиться). Гражданские браки распространены среди молодого поколения, которое еще не готово к рождению детей и хотят «проверить свои отношения» и не стремятся официально зарегистрировать свои отношения, но в отношении народов, исповедующих ислам, имеет место своя специфика: мужчина и женщина могут официально не регистрировать свои отношения, но они могут заключить шариатский брак, чтобы не жить в «грехе». Иными словами, в понимании сожительства и гражданского брака существует тонкость: в строгом понимании отсутствие зарегистрированного брака в органах ЗАГСа, независимо от религиозной принадлежности, можно назвать сожительством или гражданским браком, но приоритетность для представителей ислама брака заключенного по нормам ислама (никах) не позволяет считать его сожительством.

С целью уточнения существующего в общественном сознании дагестанского населения понимания мусульманского брака – можно ли его рассматривать как сожительство – был задан «контрольный вопрос»: **«Как Вы думаете, можно ли считать шариатский брак сожительством между мужчиной и женщиной?»**. По всему массиву 44,8 % опрошенных придерживаются точки зрения, что шариатский брак нельзя считать сожительством между мужчиной и женщиной, потому что для мусульманина, независимо от отношения к религии (верующий – неверующий), важнее брак, заключенный по канонам ислама. Если посмотреть данные опроса по гендерной принадлежности, данной точки зрения придерживается почти одинаковая часть опрошенных мужчин и женщин – 44,7 % и 44,9 %, соответственно. Но можно видеть, что доля таковых больше в возрастной группе 20 – 35 лет (50,8 %), хотя и в разрезах старше 36 лет и выше этой точки зрения придерживается каждый второй респондент. При этом разделяющих данное положение заметно меньше в возрастной подгруппе 0 – 20 лет (34,0 %). По семейному положению 48,3 % опрошенных как состоящих, так и не связанных

брачными узами (41,1 %) отмечают важность брака заключенного по исламским правилам над официальным брачным союзом. Такая же картина характерна и по уровню образования, хотя, на первый взгляд, можно было предположить, что среди опрошенных с высоким образовательным статусом процентный показатель будет ниже, что не подтверждается результатами опроса – 48,0 % со средним, 37,5 % средним специальным и 45,1 % высшим образованием. Но при этом указывающих на доминанту шариатского брака, по сравнению с зарегистрированным в ЗАГСе, как и ожидалось, больше среди верующих (48,1 %) против 11,5 % колеблющихся и неверующих (10,5 %). На втором месте находится противоположный первому суждению вариант ответа, который рассматривает шариатский брак как сожительство, потому что он официально не регистрируется (18,1 %). Больше всего разделяющих этот вариант ответа среди мужчин (24,2 %), по сравнению с женщинами (13,7 %), в возрасте 0 – 20 лет (25,0 %), состоящих в браке (18,5 %), имеющих высшее образование (21,1 %), неверующих (36,8 %) и колеблющихся (34,6 %). При этом 12,8 % не рассматривают шариатский брак как сожительство, потому что мечеть выдает свидетельство о заключении брака, которое имеет такое же значение и вес, как и свидетельство, выданное в ЗАГСе. Это положение ближе 16,1 % опрошенных женщин (мужчин заметно меньше – 8,4 %), 12,8 % - в возрасте 0 – 20 лет, 14,5 % 36 – 50 лет, 14,4 % - старше 50 лет, состоящим в браке (13,8 %) и разведенным (12,9 %). По отношению к религии таковых меньше в группе верующих, по сравнению с колеблющимися, хотя, должно было быть наоборот, – 12,8 % и 15,4 %, соответственно. Затруднились охарактеризовать шариатский брак 14,8 % опрошенного населения, видимо, происходящие в семейно-брачной сфере изменения еще не в полном мере осознаются и представляют сложность при выработке отношения и оценки в общественном сознании респондентов. Для определенной части опрошенных гражданский брак отождествляется с шариатским, поэтому в общественном сознании отсутствует его отрицательная оценка и отношение, более того, представления о семье у дагестанских народов в значительной степени детерминированы религиозными установками, что и показывают результаты опроса.

Исследователи констатируют, что отказ от заключения официально зарегистрированного брачного союза обусловлено несколькими причинами, среди которых, наряду с сожительством, имеет место и существование добрачных сексуальных отношений. При, так называемом, «гражданском браке», особенно при отсутствии детей, мужчина не ориентирован на регистрацию отношений с женщиной, с которой он проживает, потому что в такой модели семьи есть возможность без материальных и психоэмоциональных потерь прекратить отношения. Как известно, ранее больше распространение имели эндогамные браки в силу объективных факторов: «Чем выше степень групповой солидарности, тем сильнее чувство неприятия брака с людьми за пределами группы. Причем неважно, какая причина заставляет желать групповой солидарности. "Внешний брак" означает или потерю члена своей группы в пользу другой, или включение в свою собственную группу таких людей, которые недостаточно подготовлены к восприятию ее ценностей, мнений и обычаев» (*Гурко, Мамиконян, 2018*).

По мнению автора, одним из негативных последствий сожительства или гражданского брака является изменение демографического поведения населения, потому что как мужчина, так и женщина (больше женщина, по сравнению с мужчиной), не уверены в своем партнере: как он себя поведет если появится ребенок, готовность мужчины брать на себя ответственность за семью, его материальное благополучие и т.д. Кроме того, наряду с трансформацией демографического поведения и сопровождающихся его тенденций, на институт семьи и происходящие внутри нее процессы заметное влияние оказывает и религиозный фактор, в данном контексте исламский.

Мы не будем останавливаться на этом вопросе, потому что данный аспект выходит за рамки обозначенной проблематики, но следует отметить, что роль и значение религиозного компонента, конфессиональной принадлежности брачного партнера и ряд других вопросов рассмотрен А.В. Верещагиной *(Верещагина, Шахбанова, 2016; Верещагина, Шахбанова, Шихалиева, 2014)*, Р.О. Рамазановым *(Рамазанов, 2019)*, М.М. Шахбановой *(Шахбанова, 2009)*.

Одним из признаков изменения демографического поведения является брачное поведение, вернее, наблюдающаяся переориентация, особенно молодого поколения на карьеру, приоритет материального благополучия, стремление обеспечить финансовую «подушку безопасности». Если важным является эмоциональное состояние и чувства (любовь), то параллельно наблюдается демонстрация равнодушия к материнству. Вместе с тем, наблюдается внебрачная рождаемость, ранее материнство и ряд иных негативных тенденций, к числу которых вполне объективно может быть отнесено и повышение возраста вступления в брак. Данный вопрос был затронут в авторском исследовании. Из всего массива опрошенных наиболее подходящим для создания семьи опрошенные считают возрастной интервал 25 лет. При этом по возрасту респондентов выделяется подгруппа 0 – 20 лет (больше половины опрошенных). Далее, 26,6 % опрошенных таковым считают возраст «24 года» и здесь также выделяется подмассив 0 – 20 лет (одна вторая часть респондентов). Вслед за этим 24,6 % участников опроса выделили возрастной интервал «26 лет», далее каждый пятый опрошенный респондент подходящим считает возраст «23 года», на разрез «27 лет» указали 21,1 % опрошенных. Участники опроса полагают, что благоприятным возрастом для вступления в брак является «0 – 20 лет» и, по мнению автора, такая позиция обусловлена существованием в общественном сознании мужской части населения позиции о «легкости адаптации молодой девушки» к семейной жизни, потому что в таком юном возрасте, само собой разумеется, что девушка не имеет образования, жизненного опыта, поэтому легче сформировать именно ту модель семьи, которая будет комфортной для супруга.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что массовому сознанию опрошенного дагестанского населения характерно четкое разграничение сожительства и шариатского брака. Если сожительство есть совместное проживание мужчины и женщины, которые по разным объективным и субъективным причинам не захотели официально их зарегистрировать, то шариатский брак является приоритетным для последователей исламского вероучения: мусульмане, в первую очередь, заключают брачный союз по исламским правилам, впоследствии могут его зарегистрировать в ЗАГСе, и то не всегда, потому что для них важнее осознание своего статуса в рамках собственного вероисповедания (в данном контексте перед Аллахом).

Конкретизация вопроса показывает доминирование в массовом сознании опрошенных позиции, не допускающей отождествления шариатского брака с гражданским браком с аргументацией важности для мусульманина, причем независимо отношения к религии, брачного союза заключенного по исламским канонам. Вместе с тем, одна шестая часть опрошенного населения рассматривает шариатский брак как сожительство, ибо его официально не регистрируют. Обращает на себя внимание характерность данной позиции для всех подгрупп, независимо от отношения к религии (верующий/неверующий), но, по сравнению с подгруппой верующих, в подмассиве неверующих и колеблющихся доля таковых существенно больше (одна треть);

Опрошенное дагестанское население наиболее предпочтительным возрастным интервалом для вступления в брак обозначает разрез 23 – 27 лет. Однако следует отметить, что если для мужчин возрастной интервал не имеет особого значе-

ния, то для девушки замужество в более позднем возрасте является нежелательным, ибо в массовом сознании существуют консервативные установки в отношении брака девушки: карьера и карьерная семья должны быть приоритетными для мужчины, а женщина должна быть «хранительницей домашнего очага», вести домашнее хозяйство, заниматься воспитанием детей и др. Впрочем, можно заметить, что и сами женщины, при материальном достатке и благополучии семьи, сами не стремятся трудоустроиться, а предпочитают быть в статусе «домохозяйки».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Загирова Эльвира Махачевна
Кандидат социологических наук, научный сотрудник,
Институт истории, археологии и этнографии,
Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН,
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Elvira Makhachevna Zagirova
Candidate of Sociological Sciences, Junior Researcher,
Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Литература

1. *Безрукова* О.Н. Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 1. С. 88 – 110.
2. *Верещагина А.В., Шахбанова М.М.* Межэтнические отношения в оценке дагестанских народов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19. № 4. С. 159 – 177.
3. *Верещагина А.В., Шахбанова М.М., Шихалиева Д.С.* Демографическое поведение и формирование новых семейных ценностей в установках студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 10-1. С. 59 – 62.
4. *Вишневский А.Г.* Демографическая модернизация России: 1900–2000. М.: Новое издательство, 2006. – 608 с.
5. *Голод С.И.* Трансформация эротико-эмоциональных отношений молодежи на протяжении XX столетия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. № 2. С. 52 – 71.
6. *Гурко Т.А.* Новые семейные формы: тенденции распространения и понятия // Социологические исследования. 2017. № 11. С. 99 – 110.
7. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. М.: Институт социологии РАН, 2008. – 325 с.
8. *Гурко Т.А., Мамиконян* М.С. Установки студентов в брачно-семейной сфере и отношениях между полами // Вестник Института социологии. 2018. № 4. Т. 9. С. 192 – 226.
9. *Завгородный Д.А.* Семейные ценности и ориентации молодежи как индикатор демографического будущего России: методологические аспекты исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 6/1. С. 81 – 85.
10. *Захаров С.В.* Новейшие тенденции формирования семьи в России // Мир России. 2007. № 4. С. 73 – 112.
11. *Карлсон А*. Общество – семья – личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход / Пер. с англ. под науч. ред. А.И. Антонова. М.: Грааль, 2003. – 284 с.
12. *Лактюхина Е.Г., Антонов Г.В.* «Мы просто живем вместе»: сожительство в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Том XVIII. № 4 (81). С. 82 – 95.
13. *Михеева А.Р.* Человек в сфере частной жизни: векторы трансформации семейных отношений. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2012. – 156 с.
14. *Нечаева А.М.* Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М. Издательство Юрайт, 2007. 280 с.
15. *Рамазанов Р.О.* Вопросы толерантности и религиозная идентичность дагестанских народов // Позитивный потенциал ислама как фактор этносоциальной консолидации России. Материалы международной научно-практической конференции. Майкоп: Адыгейский государственный университет. 2019. С. 188 – 192.

16. *Шахбанова М.М., Шахбанов А.М.* Основные направления политики государства в урегулировании межэтнических и межнациональных конфликтов // Современное состояние и пути развития Юга России. Материалы региональной научной конференции / Гл. ред. Г.Г. Матишов. Азов, 2007. С. 265 – 267.

17. *Шахбанова М.М.* Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения // Актуальные проблемы гуманитарных наук - 2009. Сборник научных трудов / Сост. М.М. Шахбанова. Махачкала, 2009. С. 15 – 24.

18. *Шахбанова М.М.* Этническая идентичность малочисленных дагестанских народов (на примере андо-цезской группы). Махачкала: АЛЕФ, 2012. 200 с.

19. Демография // Росстат. Федеральная служба государственной статистики. Режим доступа:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

References

1. Bezrukova O.N. (2017).Values of children and parenthood: intergenerational dynamics // Sociological Journal. Vol. 23. No. 1. P. 88 – 110.

2. Carlson A. (2003). Society-family-Personality: the social crisis of America. Alternative sociological approach / Trans. from English. under the scientific editorship of A.I. Antonov. M.: Grail, 284 p.

3. Golod S. I. (2010). Transformation of erotic-emotional relations of youth during the XX century // Journal of Sociology and Social Anthropology. No. 2. P. 52 – 71.

4. Gurko T.A. (2017). New family forms: trends of distribution and concepts. Sociological research. No. 11. P. 99 – 110.

5. Gurko T.A. (2008). Marriage and parenthood in Russia. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 325 p.

6. Gurko T.A., Mamikonyan M.S. (2018). Students ' attitudes in the marriage and family sphere and relations between the sexes // Bulletin of the Institute of Sociology. No. 4. Vol. 9. P. 192-226.

7. Laktyukhina E.G., Antonov G.V. (2015). "We just live together": Cohabitation in modern Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. XVIII. No. 4 (81). P. 82 – 95.

8. Mikheeva A.R. (2012). A person in the sphere of private life: vectors of transformation of family relations. Novosibirsk: IEOPP SB RAS, 156 p.

9. Nechaeva A.M. (2007). Family law: actual problems of theory and practice. M. Yurayt Publishing House, 280 p.

10. Ramazanov R.O. (2019). Questions of tolerance and religious identity of the Dagestani peoples // The positive potential of Islam as a factor of ethnosocial consolidation of Russia. Materials of the international scientific and practical conference. Maykop: Adyghe State University, P. 188 – 192.

11. Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M. (2016). Interethnic relations in the assessment of Dagestani peoples // Journal of Sociology and Social Anthropology. Vol. 19. No. 4. P. 159 – 177.

12. Vereshchagina A.V., Shakhbanova M.M., Shikhalieva D.S. (2014). Demographic behavior and the formation of new family values in the attitudes of student youth // Humanities, socio-economic and social sciences. No. 10-1. P. 59 – 62.

13. Vishnevsky A.G. (2006). Demographic modernization of Russia: 1900 – 2000. M.: New publishing house, 608 p.

14. Shakhbanova M. M., Shakhbanov A.M. (2007). The main directions of state policy in the settlement of interethnic and interethnic conflicts // Modern state and ways of development of the South of Russia. Materials of the regional scientific conference / Chief editor G. G. Matishov. Azov, P. 265 – 267.

15. Shakhbanova M.M. (2009). The place of religion in the process of forming the culture of interethnic communication // Actual problems of the humanities-2009. Collection of scientific works / Comp. M.M. Shakhbanova. Makhachkala, P. 15 – 24.

16. Shakhbanova M.M. (2012). Ethnic identity of small-numbered Dagestan peoples (on the example of the Ando-Tsez group). Makhachkala: ALEF, 200 p.

17. Zavgorodny D.A. (2014). Family values and youth orientations as an indicator of the demographic future of Russia: methodological aspects of research // Humanities, socio-economic and social sciences. No. 6/1. P. 81 – 85.

18. Zakharov S.V. (2007). The latest trends in family formation in Russia // The world of Russia. No. 4. P. 73 – 112.

19. Demography // Rosstat. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/

Поступила в редакцию ***3 августа 2021 г.***

УДК 316.35
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.8

Самосохранительное поведение молодежи в фокусе социологической рефлексии

М.Н. Химич
Ростовский государственный университет путей сообщения
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье анализируются сложившиеся подходы к социологическому изучению самосохранительного поведения сквозь призму условий современной эпохи, в которой важную роль в жизненной самореализации молодого человека играет субъектность. Делается вывод, что свобода выбора, определяющая особенности формирования ценностей и поведенческих установок в области здоровья, закономерно требует от молодежи быть демиургом собственной модели здоровья и его сохранения. При этом значимость фактора внешней среды как объективно заданной также влияет на формирование самосохранительного поведения молодежи, но при приоритетных позициях самооценки здоровья и отношения к нему как ценности.

Ключевые слова*:* здоровье; самосохранительное поведение; молодежь; отношение к здоровью; модель самосохранительного поведения; культура здоровья.

Для цитирования*:* Химич М.Н. Самосохранительное поведение молодежи в фокусе социологической рефлексии // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 88 – 94.

Self-preservation behavior of youth in the focus of sociological reflection

Marina N. Khimich
Rostov State University of Railway Transport
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The paper analyzes the established approaches to the sociological study of self-preservative behavior through the prism of modern era conditions, in which subjectivity plays an important role in the life self-realization of young people. The conclusion is made that freedom of choice, determining the peculiarities of formation of values and behavioral attitudes in the field of health, naturally requires young people to be a demiurge of their own model of health and its preservation. At the same time, the importance of the external environment factor as objectively set also affects the formation of self-preservation behavior of young people, but with the priority positions of health self-assessment and attitude to it as a value.

Key words: health; self-preserving behavior; young people; attitude to health; self-preserving behavior model; health culture.

For citation: Khimich M.N. Self-preservation behavior of young people in the focus of sociological reflection // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 88 – 94.

Введение

Современный мир изменился до неузнаваемости под влиянием глобальной информатизации и цифровизации, но самое глобальное изменение современной эпохи – это сам человек и его система ценностей. Многое переосмыслено, многое обесценено. На передний план вышли иные ценности с доминантой ценности информации как атрибута информационного общества, но, какие бы времена ни настали, на какой бы скорости ни развивалось человечество, одна ценность всегда будет занимать приоритетные позиции – ценность здоровья. Здоровье отвечает за способность человека максимально эффективно удовлетворять систему важнейших потребностей – от витальных до духовных, социальных *(Шклярук, 2018)*. Со здоровьем на уровне социума связана сама идея существования человечества и его воспроизводства.

Вместе с тем, несмотря на незыблемость этой ценности, меняется отношение к здоровью, к его сохранению со стороны индивида, социальных групп, общества. Если мы обратимся к данным социологических опросов, то обнаружим, что ценность здоровья всегда присутствует в числе самых важных ценностей российского общества и

молодого поколения в том числе, несмотря на тенденции ее инструментализации в современную эпоху потребления *(Коваленко, 2017).* В высшей степени актуализировался вопрос об отношении к здоровью и его значимости для общества в ситуации пандемии коронавируса. Согласно данным ВЦИОМ, ценность здоровья возглавила рейтинг ценностей российского общества, опередив семейные ценности и ценность общения с коллегами, друзьями *(Здоровье, безопасность, семья… 2020).*

В ситуации пандемии ученые всего мира актуализировали вопрос о здоровье молодежи, поскольку вирус COVID-19 и его социальные последствия наиболее критичны в отношении именно этой социально-демографической группы, еще только становящейся как самостоятельный субъект социально-экономических, профессионально-трудовых и иных социальных отношений. В этой связи молодежь, потерявшая возможность реализации своих жизненных целей и планов в 2020 году (и, надо заметить, ситуация пандемии еще не закончилась), имеет высокие шансы попасть в наиболее уязвимую социально-экономическую группу. Так полагают специалисты, призывающие самым серьезным образом поддержать молодежь в сложившейся пандемической ситуации н уровне государственной антикризисной политики в отношении молодежи *(Новые формы развития…)*, а мы к этому хотим добавить, что последствия пандемии, связанные с разрушением планов и жизненных проектов молодежи, самым негативным образом могут сказаться на ее социальном и физическом самочувствии.

С учетом того, что оценки состояния здоровья молодежи в России и так не внушают оптимизма, и социологи самым жестким образом поднимают вопрос о культуре нездоровья молодежи *(Дробижева, 2004)*, о причинах негативной динамики, характеризующей социальное и духовное здоровье российской молодежи в информационную эпоху *(Верещагина, 2021)*, излишне доказывать актуальность вопроса о сохранении здоровья в молодежной среде на современном этапе. И главный вопрос, который стоит перед социологами, занимающимися проблемами молодежи и ее здоровья, это вопрос о том, как сохранить здоровье молодежи в условиях современности? Какие ценностные установки и модели поведения следует рассматривать как ориентированные на сохранение здоровья? Что необходимо делать на уровне социализации молодых поколений, чтобы сформировать в молодежной среде поведенческие модели, ориентированные на здоровый образ жизни, на сохранение здоровья как важнейшей ценности жизни?

Многие ученые различных дисциплинарных направлений задаются сегодня этими вопросами, зачастую употребляя разные термины и понятия, соотносимые с категорией самосохранительного поведения. Рассмотрим социологический пласт исследований, в которых отражается история становления данного направления именно в социологической науке, а также обозначаются ведущие тренды в современных разработках с учетом специфики новой цифровой реальности. В ней социализируется молодежь. В ней формируются ее установки на здоровье и поведенческие практики в отношении его сохранения или разрушения.

Социологический подход к изучению самосохранительного поведения

Прежде, чем перейти к изучению самосохранительного поведения с точки зрения сложившегося социологического дискурса, следует сказать о том, что зачастую ученые используют понятия, близкие этому, рассматривая их, как синонимичные. Так, А.В. Короленко приводит целый перечень видов поведения, связанных с сохранением здоровья и являющихся идентичными понятию «самосохранительное поведение»: сдоровьесберегающее, здравоохранительное, витальное поведение, а также поведение, связанное со здоровьем *(Короленко, 2018)*. При всей важности поня-

тийного оформления того или иного явления, прежде всего важна его интерпретация, а также история появления.

Впервые данное понятие было употреблено и сформулировано специалистом в области социологии семьи А.И. Антоновым в рамках разработки методологических основ изучения микросоциологии семьи *(Антонов, 1998)*, и эта поведенческая традиция в исследовании сохранения здоровья была продолжена другими российскими учеными, среди которых следует выделить таких, как Журавлева И.В. и Лакомова Н.В. *(Журавлева, 2016, 2000)*, Полторак М.Н. *(Полторак, 2010)*, Шклярук В.Я. *(Шклярук, 2008)*, Миронова Ю.Г. *(Миронова, 2016),* Назарьева С.Е., Долгаева Е.И. *(Назарьева, 2011)* и др. Интерпретируя подход А.И. Антонова к пониманию самосохранительного поведения, можно выделить в нем ключевой мотив, связанный с формированием установки на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла, что закладывает и характерную систему действий и отношений индивида, социальной группы. Такой, по сути социолого-демографический подход, рассматривающий самосохранительное поведение «как систему действий и отношений личности, направленных на сохранение здоровья в течение всего жизненного цикла и продление сроков жизни» *(Короленко, 2018)*, получил свое дальнейшее развитие в научных трудах, обогативших не только данную теорию, но и социологию здоровья в целом.

Глубокий анализ истории социологического становления понятия самосохранительного поведения проведен С.А. Вангородской, которая, обобщив имеющиеся интерпретации и подходы к данному понятию, предложила свою дефиницию самосохранительного поведения как «сознательной деятельности индивида, направленной на поддержание оптимальных параметров биологического, психологического и социального здоровья и минимизацию субъективно осознаваемых рисков» *(Вангородская, 2017)*. Такой подход позволил ей акцентировать внимание в понимании данного понятия на сознательных действиях индивида в области сохранения здоровья с учетом субъективного восприятия уровня своего здоровья и рисков, угрожающих ему.

Надо сказать, что именно такой подход в современных условиях получает наибольшее распространение, и не только в изучении здоровья. Так, социологи, обратившиеся к изучению категории счастья, обращаются к понятию субъективного благополучия, к субъективному восприятию своей жизненной ситуации, говоря о способности индивида самому конструировать социальное пространство как позитивное, выступая в роли агента позитивных социальных изменений в зависимости от собственного свободного выбора и индивидуальной оценки уровня удовлетворенности жизнью *(Настина, 2021)*. И в отношении здоровья эти установки также весьма значимы.

Известный специалист в области самосохранительного поведения, В.Я. Шклярук, совершенно справедливо указывает на тот факт, что в современном мире человек является регулятором своего здоровья, и эти требования предъявляет к человеку сама социальная реальность, в которой сам индивид определяет индикаторы своего самочувствия и характер действий, направленных на его изменение *(Шклярук, 2018)*. Иными словами, в оценке здоровья именно субъективная составляющая выходит на передний план, а не медицинские осмотры и заключения врачей, при том, что медицинские оценки тоже важны, но не они конструируют самосохранительное поведение, в котором «система взглядов, отношений и последующих действий, нацеленных на сохранение, укрепление здоровья, увеличение продолжительности жизни и творческой профессиональной деятельности» *(Шклярук, 2018)* как составляющих данное поведение детерминируются личностным восприятием себя как здорового человека, включенного в систему социальных связей и отношений.

В этой связи нельзя не остановиться еще на одном важном аспекте социологического изучения самосохранительного поведения, которое связано с выделением моделей этого поведения.

Работ в этом направлении сложилось не так много, но они имеются. В них исследователи предлагают собственное видение того, что следует понимать под моделью самосохранительного поведения, какие факторы влияют на нее, что следует делать, чтобы сформировать такую модель в молодежной среде. Так, А.В. Короленко предлагает понимать под моделью самосохранительного поведения совокупность потребностей, установок, мотивов и вытекающих из них конкретных действий индивида в части сохранения и укрепления собственного здоровья» *(Шклярук, 2018)*.

Другие авторы, давая обобщенное название практикам в сфере сохранения здоровья (здоровьеориентированные практики) в виде модели здоровья, предлагают рассматривать ее как совокупность социальных практик индивида, реализуемых в конкретных условиях жизнедеятельности и направленных на достижение телесного, душевного и социального благополучия. При этом причину снижения здоровья российского населения данные исследователи не связывают с исключительно экономическими, экологическими или медицинскими, акцентируя внимание на факторах социокультурного характера, отражающих ценностные ориентации, установки и модели поведения, особенности традиций, сложившихся в отношении восприятия мужского и женского здоровья *(Каменева, 2017)*.

Результаты социологических исследований, посвященных изучению факторов формирования моделей самосохранительного поведения регионального социума в современной России, помимо влияния социально-политических, социально-экономических, социально-психологических и инфраструктурных факторов, выделяют фактор субъективного восприятия своего здоровья и отношения к нему, что определяет в качестве важного направления работы с молодежью в области формирования модели самосохранительного поведения трансляцию в молодежную среду таких установок в отношении своего здоровья, которые позволяли бы интерпретировать его не как данность, а как личностный капитал, который можно накапливать и грамотно расходовать *(Вангородская, 2018)*. В такой логике самосохранительное поведение выступает символом капитала здоровья, который формируется в результате оценки и самооценки здоровья в русле сложившихся ценностных установок, закладывающих определенные поведенческие установки.

Такая модель самосохранительного поведения, основанная на собственном отношении к нему как капиталу, на рациональной оценке состояния здоровья и угроз ему с соответствующей системой действий для поддержания здоровья будет вызывать доверие у самого индивида, поскольку личностно окрашена, индивидуально осознана. Где-то эти идеи пересекаются с предложенной западными социологами в середине XX столетия моделью самосохранительного (здоровьезберегательного) поведения под названием «доверие здоровью» (health belief model), хотя в ее основе значимое место отводилось медицинскому аспекту, связанному с использованием медицинских услуг, эффективностью различных практик сохранения здоровья, предотвращения и лечения болезней *(Glanz, 2008)*.

Тем не менее, можно использовать этот концепт доверия применительно к самосохранительному поведению в немедицинском ключе, подразумевая необходимость формирования такой поведенческой модели в области сохранения здоровья, которая, будучи осознанной сквозь призму определенных ценностей и знаний, поведенческих установок, а также субъективной оценки своего здоровья, будет вызывать доверие у самого индивида, а, следовательно, и готовности к самореализации в формате здорового стиля и образа жизни. Именно этот мотив был заложен в концепции

самосохранительного поведения А.И. Антонова, и именно этой готовности так не хватает современной российской молодежи, демонстрирующей инфантильное отношение к собственному здоровью, что выражается в динамике другого вида поведения – саморазрушительного. Его источник – культура нездоровья, имеющая более четкие очертания в современном российском обществе, нежели культура здоровья *(Мавропуло, 2017)*.

Выводы

В заключении следует подчеркнуть, что современная эпоха формирует пространство свободы выбора и ценностных ориентаций, и при всей очевидной значимости внешней среды как объективно заданной по отношению к индивиду, к молодежи в целом, на передний план формирования поведения, ориентированного на сохранение здоровья, выступают факторы субъективного характера. Происходит это как раз по причине расширения пространства ценностного и поведенческого выбора, который, в свою очередь, определяет значимость оценки и самооценки здоровья в координатах той или иной мировоззренческой модели, индивидуальной картины здоровья. Формирование последней, безусловно, детерминировано непосредственной средой обитания молодежи, условиями жизни (экономическими, политическими, экологическими, семейными, социокультурными и т.д.), в которой разворачиваются индивидуальные и групповые практики и действия в формате того ли иного стиля самосохранительного поведения. В этой связи социологическая диагностика самосохранительного поведения молодежи должна содержать в своем инструментарии индикаторы, отражающие влияние объективных и субъективных (внешних/средовых и внутренний/субъективных) факторов. Динамика их соотношения и доминирования с учетом конкретного социального контекста, региона исследования позволит не только диагностировать отношение к здоровью молодежи, характер ее действий практик, связанных со здоровьем, но и прогнозировать характер общественного развития и уровень его безопасности.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Химич Марина Николаевна
Старший преподаватель,
Ростовский государственный университет путей сообщения,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: marina_chimich@mail.com

Marina Nikolaevna Khimich
Senior lecturer,
Rostov State University of Railway Transport,
Rostov-on-Don,
E-mail: marina_chimich@mail.com

Литература

1. *Антонов А.И.* Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов). М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998. 360 с.

2. *Вангородская С.А.* Самосохранительное поведение: проблема содержания понятия в отечественной социологии // Среднерусский вестник общественных наук. 2017. № 4. С. 20-29.

3. *Вангородская С.А.* Факторы самосохранительного поведения населения региона (по результатам эмпирических исследований) // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т.4, № 2. С. 13-26.

4. *Верещагина А.В., Лукьяшко А.Г.* Здоровье и отношение к нему российской молодежи в цифровую эпоху // ПОИСК. Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2021. Вып. № 3 (86). С. 67-78.

5. *Дробижева Л.М.* Ценность здоровья и культура нездоровья в России // Безопасность Евразии. 2004. № 1. С. 33-43.

6. *Журавлева И.В., Лакомова Н.В.* Семья как субъект формирования самосохранительного поведения // Вестник Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы. 2016. №1. С. 60-61

7. *Журавлева И.В.* Самосохранительное поведение подростков и заболевания, передающиеся половым путем // Социологические исследования. 2000. № 5. С. 66-74.

8. *Каменева Т.Н., Зотов В.В.* Разработка проактивной фамилистической модели здоровья населения как условие реализации государственной семейной политики // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Том 6. № 6А. С. 173-179.

9. *Коваленко А. М.* Ценность жизни в молодежной среде российского общества // Гуманитарий Юга России. 2017. Том. 6. № 6. С. 232-241.

10. *Короленко А.В.* Модели самосохранительного поведения населения: подходы к изучению и опыт построения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 3. С. 248–263.

11. *Мавропуло О.С.* Факторы кризиса культуры здоровья в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 131–137.

12. *Миронова Ю.Г.* Особенности самосохранительного поведения современной студенческой молодежи // Теория и практика общественного развития. 2016. № 6. С. 48-51.

13. *Назарьева С.Е., Долгаева Е.И.* Самосохранительное поведение молодежи // Инженерные технологии и системы. 2011. № 3. С. 229-232.

14. *Настина Е.А.* Ресурс влияния на ситуацию в обществе как фактор счастья // Социодиггер. 2021. Апрель. ТОМ 2. Выпуск 4(9): Счастье vs благополучие. С. 21-26.

15. *Полторак М.Н.* Самосохранительное поведение учащейся молодежи в условиях аксиологической динамики российского общества. Автореферат дис. …канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2010. 28 с.

16. *Шклярук В.Я.* Здоровье личности в условиях современных социально-экономических трансформаций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Том. 10. № 1. С.179-185.

17. *Шклярук В.Я.* Самосохранительное поведение в молодежной среде // Социологические исследования. 2008. № 10. С. 139-142.

18. *Glanz K., Rimer B.K., Viswanath K.* Health behavior and health education: theory, research, and practice. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2008. P. 45-51.

19. Здоровье, безопасность, семья и работа. ВЦИОМ. 14 октября 2020 г. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota

20. Новые формы развития и поддержки молодежи в период пандемии, вызванной COVID-19. Режим доступа: https://roscongress.org/upload/medialibrary/8b9/ASI-VSHE-Novaya-molodezhnaya-povestka.pdf

References

1. Antonov A.I. (1998). Microsociology of the Family (Methodology of Research on Structures and Processes). M.: «Nota Bene», 360 p.

2. Drobizheva L.M. (2004). The value of health and the culture of unhealthiness in Russia // Safety of Eurasia. No. 1. P 33-43.

3. Glanz K., Rimer B.K., Viswanath K. (2008). Health behavior and health education: theory, research, and practice. San Francisco, CA: Jossey-Bass, P. 45-51.

4. Kameneva T.N., Zotov V.V. (2017). Development of a proactive familistic model of population health as a condition for the implementation of state family policy // Theories and Problems of Political Research. Vol. 6. No. 6A. P. 173-179.

5. Korolenko A.V. (2018). Models of self-preservation behavior of the population: approaches to the study and construction experience // Economic and Social Changes: facts, trends, forecast. Vol. 11. No. 3. P. 248-263.

6. Kovalenko A. M. (2017). The value of life in the youth of Russian society // Humanitarian of the South of Russia. Vol. 6. No. 6. P. 232-241.

7. Mironova Y.G. (2016). Features of self-preservation behavior of modern student youth // Theory and practice of social development. No. 6. P. 48-51.

8. Mavropulo O.S. (2017). Factors of health culture crisis in modern Russia // Socio-Humanitarian Knowledge. No. 7. P. 131-137.

9. Nastina E.A. (2021). Resource of influence on the situation in the society as a factor of happiness // Sotsiodigger. April. Vol. 2. No. 4(9): Happiness vs prosperity. P. 21-26.

10. Nazarieva S.E., Dolgaeva E.I. (2011). Self-Preservation Behavior of Youth // Engineering Technologies and Systems. No. 3. P. 229-232.

11. Poltorak M.N. (2010). Self-preservation behavior of students in the conditions of axiological dynamics of the Russian society. Author's abstract of the dissertation. Candidate of Social Sciences. Rostov-on-Don, 28 p.

12. Shklyaruk V.Ya. Health of the individual in the conditions of modern socio-economic transformations // Historical and Socio-Educational Thought. 2018. Vol. 10. No. 1. P. 179-185.

13. Shklyaruk V.Ya. Self-preservation behavior in the youth environment // Sociological Studies. 2008. No. 10. P. 139-142.

14. Vangorodskaya S.A. (2017). Self-preserving behavior: the problem of the content of the concept in domestic sociology // Srednerussky vestnik of social sciences. No. 4. P. 20-29.

15. Vangorodskaya S.A. (2018). Factors of self-preservation behavior of the population of the region (according to the results of empirical research) // Scientific result. Sociology and management. Vol. 4, No. 2. P. 13-26.

16. Vereshchagina A.V., Luk'yashko A.G. (2021). Health and attitude to it of the Russian youth in the digital era // POISK. Politics. Social Science. Art. Sociology. Culture. No. 3 (86). P 67-78.

17. Zhuravleva I.V., Lakomova N.V. (2016). Family as a subject of formation of self-preserving behavior // Bulletin of St. Andrew Foundation and the Center for National Glory. No. 1. P 60-61.

18. Zhuravleva I.V. Self-preservation behavior of adolescents and sexually transmitted diseases // Sociological Studies. 2000. No. 5. P. 66-74.

19. Health, Safety, Family and Work. VCIOM. October 14, 2020. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorove-bezopasnost-semya-i-rabota

20. New forms of youth development and support during the pandemic caused by COVID-19. Available at: https://roscongress.org/upload/medialibrary/8b9/ASI-VSHE-Novaya-molodezhnaya-povestka.pdf

Поступила в редакцию ***22 сентября 2021 г.***

УДК 316.72
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.9

Проблемы и перспективы количественного и качественного эмпирического исследования российской предпринимательской культуры

О.П. Шевченко
Кубанский государственный аграрный университет
Г. Краснодар, Россия

Аннотация. В статье отмечается, что эмпирическое исследование российской предпринимательской культуры сопряжено с рядом существенных проблем, связанных, прежде всего, с теми или иными эвристическими барьерами как количественной, так и качественной методологии. Именно поэтому для практикующего социолога весьма важно обладать достоверным знанием о возможностях и ограничениях количественной и качественной методологии применительно к анализу предпринимательской культуры. Процедура эмпирического исследования осложняется и специфическим характером предпринимательской культуры как объекта междисциплинарного анализа. В этих условиях интегративный подход обладает очевидными сильными сторонами и весьма перспективен с учетом характера решаемых исследовательских задач.

Ключевые слова: общество; система культуры; предпринимательская культура; эмпирический анализ; количественные методы; качественные методы; интегративный подход.

Для цитирования: Шевченко О.П. Проблемы и перспективы количественного и качественного эмпирического исследования российской предпринимательской культуры // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 95 – 100.

Problems and prospects of quantitative and qualitative empirical research of the Russian entrepreneurial culture

Olga P. Shevchenko
Kuban State Agrarian University
Krasnodar, Russia

Abstract. The article notes that the empirical study of the Russian entrepreneurial culture is associated with a number of significant problems, primarily related to certain heuristic barriers of both quantitative and qualitative methodology. That is why it is very important for a practicing sociologist to have a reliable knowledge of the possibilities and limitations of quantitative and qualitative methodology in relation to the analysis of entrepreneurial culture. The procedure of empirical research is also complicated by the specific nature of entrepreneurial culture as an object of interdisciplinary analysis. Under these conditions, the integrative approach has obvious strengths and is very promising, taking into account the nature of the research tasks being solved.

Keywords: society; cultural system; entrepreneurial culture; empirical analysis; quantitative methods; qualitative methods; integrative approach.

For citation: Shevchenko O.P. Problems and prospects of quantitative and qualitative empirical research of the Russian entrepreneurial culture // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 95 – 100.

Предпринимательская культура – перспективный, но, одновременно, сложный и противоречивый объект научного социологического анализа. На теоретическом уровне познания социологи, как правило, сталкиваются с довольно существенным конфликтом методологий и, как следствие, запутанностью терминологического аппарата. Так, наряду с понятием «предпринимательская культура» активно используются сходные, но не тождественные по смыслу категории «культура предпринимательства», «предпринимательская этика» и т.п. В этой связи вполне закономерно, что ситуация на эмпирическом уровне анализа оказывается едва ли не более сложной, запутанной, противоречивой, чем на фундаментальном или теоретико-прикладном.

Кроме того, существование предпринимательской культуры связано с рядом парадоксов, также оказывающих значительное влияние на объективное положение данного вида культуры и инструменты его эмпирического социологического позна-

ния. Как известно, для эмпирика, в отличие от теоретика, важное значение приобретает непротиворечивая картина мира (или, по крайней мере, локализованная в границах познаваемого явления), что позволяет выйти на систему объективно фиксируемых индикаторов, подлежащих верификации. Такая научная традиция сложилась со времен появления социологии в XIX в. и в целом, сохраняет свои контуры в нынешнее время. Однако касательно предпринимательской культуры следует отметить наличие ряда существенных парадоксов, выступающих, с одной стороны, «драйверами» познавательной активности ученых (острые гносеологические и предметные проблемы), с другой стороны, лишающие эмпирический уровень социологического познания «комфортной» стабильности и непротиворечивости картины мира.

В частности, одним из парадоксов применительно к предпринимательской культуре выступает тот факт, что она «существует в обществах любого типа, адаптируясь и приспосабливаясь к условиям собственного существования» Во многих случаях это определяется формой государства, а именно – установившимся политическим режимом. Как правило, при диктаторских режимах данная культура принимает имплицитные, формы. Вместе с тем, дискуссионным остается вопрос о том, какие функции способна выполнять предпринимательская культура, существуя в таких условиях. Например, исследователи полагают, что она может способствовать скрытому накоплению предпринимательского потенциала социума *(Кравцова, 1999)*. Таким образом, в отличие от других культурных форм, предпринимательская культура (во всяком случае, в концепциях ряда исследователей) обладает способностью продуцировать ценности, нормы, морально-нравственные принципы, идеалы, мировоззренческие конструкты, пребывая в имплицитном состоянии – некоем «культурном анабиозе». Однако для социолога-эмпирика существенное значение имеет выделение и последующий замер индикаторов, которые позволили бы обнаружить следы такого имплицитного состояния предпринимательской культуры. На эмпирическом уровне познания подобные познавательные задачи сложны для исполнения, а большинство методов сбора первичной социологической информации оказываются неработоспособными (с ограничениями это – экспертный опрос, анализ документов и некоторые другие).

Также во многих научных работах декларируется тесная взаимосвязь предпринимательской культуры и системы культуры в целом (или доминирующей, репрезентативной, нормативной – в разных терминологических вариациях). Как отмечает А.А. Попов, «любое общество следует понимать как некое культурное целое, и в его рамках мы можем рассматривать культуру отдельных социальных общностей и групп, которая предполагает определенный набор ценностей, норм, образцов поведения, специфику деятельности и пр.» *(Попов, 2013).* Вместе с тем, в культурном поле не существует автономных локальных культур, так как имеет место межкультурная коммуникация. Соответственно, любые субкультуры, контркультуры или иные сегменты общей культуры, в том числе и предпринимательская культура, характеризуются устойчивой взаимосвязью с более широким культурным образованием. В социокультурном поле сосуществуют, взаимно влияют друг на друга различные ценности, нормы, мировоззренческие и идеологические установки, относящиеся и не относящиеся, в данном случае, к предпринимательской культуре. В таком случае перед эмпирической социологией стоит весьма сложная задача поиска и вычленения социокультурного содержания предпринимательской культуры в комплексе индикаторов, и что еще более серьезно – глубокий анализ сознания и поведения конкретных носителей предпринимательской культуры с целью дифференциации общих и специфических социокультурных пластов.

При этом исследователи справедливо обращают внимание на специфику предпринимательской деятельности в социуме. Так, по мнению Т.В. Беляевой и К.А. Богатыревой, «предпринимательская деятельность «встроена» в контекст – в определенной степени она зарождается и развивается под влиянием условий внешней среды. Одним из факторов внешней среды индивида, способным оказать воздействие на траекторию предпринимательского процесса, является национальная культура» *(Беляева, 2018).* Именно поэтому определения предпринимательской культуры (во многом влияющие на разработку операциональных признаков понятий и, в последующем, выдвижение индикаторов эмпирического поиска) учитывают особенности ее носителей – предпринимателей.

О.Ю. Ожерельева убеждена, что «предпринимательская культура – это часть совершенно конкретной культуры с ее специфическим языком и стилем мышления». *(Ожерельева, 2012).* В таком случае предпринимательская культура обладает рядом инструментов, механизмов, различных атрибутивных характеристик, связанных с ценностным миром, мировоззрением, идеями и идеологиями и, безусловно, собственной соционормативной системой. Действие этих механизмов и инструментов позволяет предпринимательской культуре, формировать особый собственный духовный мир, и, что вполне естественно, эффективно воздействовать на сознание и поведение, как предпринимателей, так и их окружения, всех тех, кто вовлечен в контекст предпринимательской деятельности.

Данное определение, с одной стороны, открывает широкий горизонт научного поиска для социологов-эмпириков (особенно такие непростые варианты, как анализ мышления и неформальная нормативная регуляция), с другой стороны – не очерчивает в необходимой для эмпирического анализа степени предпринимательскую культуру и систему культуры общества. Как следствие сложившейся на теоретическом уровне познания неопределенной категориальной ситуации (кроме того, это и затруднения со структурой, содержательными элементами, системой взаимосвязей элементов и т.п.), эмпирический анализ априори оказывается в непростом положении. При этом ценность эмпирического познания предпринимательской культуры состоит во многом именно в выработке практических рекомендаций системе управления, что еще более осложняет получение конечного результата.

Еще одной существенной познавательной проблемой для эмпирической социологии в аспекте анализа предпринимательской культуры выступает, с одной стороны, широта научных представлений о данном явлении, с другой, напротив, в ряде случаев значительная редукция предпринимательской культуры до корпоративной. Проблема кроется в существовании различных форм ведения предпринимательской деятельности – от самозанятых и индивидуальных предпринимателей до крупных корпораций, публичных акционерных обществ, государственных монополий. В этом случае одни категории, связанные с предпринимательской культурой, закономерно оказываются слишком узкими, другие – весьма широкими. Данное гносеологическое противоречие, не устраненное на фундаментальном уровне социологического анализа, закономерно переходит и на эмпирический, затрудняя работу над программой и инструментарием.

В качестве примера, характеризующего рассмотренную проблему, можно привести результаты эмпирического анализа корпоративной культуры, проведенного отечественными исследователями. Так, изучение «корпоративной культуры осуществлялось для оценки управленческой идеологии организации и социально-экономической системы, действующей в компании, для анализа воздействие корпоративной культуры на командный дух, совместные ценности и цели» *(Культура организации…)* В данном случае перед нами весьма интересный опыт эмпирического анализа, однако, субъектами корпоративной культуры, в отличие от предпринима-

тельской, выступают наемные работники, а не только бизнесмены. В результате речь идет об особой социокультурной среде, к тому же существенно дифференцированной вследствие несовпадения потребностей, целей и средств реализации сотрудников компании, ее владельцев, а также высшего уровня менеджмента.

Двумя основными исследовательскими методологиями на эмпирическом уровне, как известно, выступают количественная и качественная, которые активно используются и для сбора первичной социологической информации о российской предпринимательской культуре, ее носителях и т.д.

По мнению В.С. Кишинской, «качественные методы направлены на изучение и аккумуляцию мнений респондентов, а количественные – на изучение индивида как части общества. Согласно первому подходу – количественному, индивид как носитель информации о некотором социальном феномене является прежде всего частью некоторой общности. Сторонники второго подхода считают, что такие методы не срабатывают в том случае, если социолог хочет проникнуть в суть социального явления, которым сам по себе является каждый индивид в отдельности» *(Кишинская, 2011).* Качественная социология особенно сильна тогда, когда требуется проникнуть вглубь исследуемого явления, найти определенные причинно-следственные связи, определить мотивацию действий акторов (например, скрытую).

По наблюдениям С.А. Белановского, «в течение длительного времени в западной социальной науке почти безраздельно господствовала позитивистская методология с ее ориентацией на естественнонаучные исследовательские схемы, критерии и стандарты. Параллельно осуществлялась ставка на так называемые свободные, неструктурированные, интерпретативные, качественные методы сбора данных» *(Белановский, 1996).* Появление качественной социологии как раз и способствовало установлению баланса между статистическими, вероятностными и социально-психологическими методами и методиками.

Количественные методы на протяжении достаточно длительного времени используются для изучения тех или иных исследовательских проблем и поэтому вполне закономерно собрали «историю различных претензий»; безусловно, сказывается и некоторая усталость социологов от количественной позитивистской методологии. Как отмечает А.С. Готлиб, обращая внимание на недостатки количественной методологии, отмечает: «социология изучает «вербальное поведение», а не реальное. Предметом социологического исследования выступают не собственно поведение, а социально-психологические установки изучаемой социальной группы на поведение в ситуации того или иного выбора» *(Готлиб, 2017).* Одним из наиболее серьезных ограничений при проведении массовых опросов, в том числе и для изучения предпринимательской культуры, выступает намеренная неискренность респондентов, которая детерминируется несколькими факторами. Как указывают исследователи, «значительное число респондентов при общении с интервьюером говорят заведомую неправду, становятся неискренними по тем или иным соображениям» *(Семенова, 2019).* Данный существенный недостаток важно принимать во внимание при планировании всей процедуры эмпирического исследования предпринимательской культуры, как и нерепрезентативность и отсутствие статистической значимости качественного анализа. Отсюда напрашивается вполне закономерный вывод о необходимости реализации интегративного подхода при изучении российской предпринимательской культуры. Об этом свидетельствует и опыт применения эмпирических исследований при изучении предпринимательской культуры в России.

Так, количественное исследование предпринимательской культуры достаточно эффективно при анализе, например, жизнеощущения как элемента системы социокультурных координат. В частности, в работе Ю.А. Семеновой были представлены результаты эмпирического исследования, где женщин-предпринимателей спросили об удовлетворенности жизнью. Были получены данные о том, что «около 80% опрошенных

женщин-предпринимателей отмечают высокий уровень удовлетворенности жизнью, в целом: 45,3% – скорее удовлетворены, 32,7% – полностью удовлетворены. 14,3% – средний: удовлетворены настолько, насколько и не удовлетворены и 6,3% – низкий: скорее не удовлетворены или совершенно не удовлетворены» *(Семенова, 2019).* Вместе с тем подобные показатели представляют собой лишь отдельный поверхностный срез предпринимательской культуры, содержание которой намного шире. Более того, показатели удовлетворенности предпринимателей жизнью – часть мироощущения, жизнеощущения, которые по своему содержанию как показатели более широки и объемны.

В научной литературе практически не представлены серьезные результаты качественного эмпирического анализа предпринимательской культуры. Отрывочные данные, опубликованные в научной литературе, вошедшие в состав диссертаций, не дают полного спектра представлений о возможностях и ограничениях качественного анализа этой проблемной области. Отдельные качественные исследования ценностей, морально-нравственных принципов и т.п., проведенные по различным программам и с использованием разных инструментариев, оставляют достаточно противоречивое и разрозненное впечатление и, безусловно, нуждаются в методологическом и методическом усилении.

В качестве некоторых итогов можно отметить, что эмпирический анализ российской предпринимательской культуры представляет собой достаточно серьезную в методологическом, методическом и процедурном аспектах задачу. С эмпирическим исследованием предпринимательской культуры сопряжен ряд гносеологических и предметных проблем, локальное решение которых в рамках отдельного исследовательского проекта может быть поставлено под серьезное сомнение. Негативное влияние на эмпирические исследовательские проекты предпринимательской культуры оказывают эвристические затруднения, возникающие на фундаментальном уровне социологического познания. В сложившихся условиях ни количественные, ни качественные методы эмпирического исследования не могут рассматриваться в качестве самодостаточных применительно к проблематике исследования. Именно поэтому решением проблемы может стать интегративный подход, сочетающий потенциал количественных и качественных методов исследования. Это позволит преодолеть ограничения количественных и качественных исследований применительно к предпринимательской культуре, осуществить сравнительный анализ данных, тем самым, выполнив необходимые верификационные процедуры.

Относительно перспектив количественных и качественных методов анализа российской предпринимательской культуры следует обратить внимание на ряд факторов, оказывающих на них непосредственное влияние. Во-первых, недостаточно высокая роль предпринимательской культуры в институциональной регуляции российского общества, следствием чего выступает закономерный невысокий интерес к ней. В экономике государства в настоящее время значительную роль крупные корпорации и монополии; во-вторых, имеет место недооценка системой управления, прежде всего, государственного, важности и утилитарности подобного направления научных изысканий; в-третьих, сама эмпирическая социология слабо использует свой методологический арсенал, прежде всего, в аспекте применения социально-инженерных разработок. В этих условиях использование грамотного интегративного качественно-количественного подхода к анализу предпринимательской культуры может принести весьма интересные результаты, прежде всего, для практики государственного управления, СМИ, а также предпринимательского сообщества. Наиболее опасной для социологии выглядит противостояние количественной и качественной стратегий в исследовании предпринимательской культуры, акцент на их слабых местах, что ухудшает имидж эмпирической социологии, прежде всего, в представлениях заказчиков исследований, в том числе, чиновников социального управления, а также самих предпринимателей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Шевченко Ольга Павловна
Кандидат экономических наук, доцент,
Кубанский государственный аграрный университет,
г. Краснодар,
E-mail: penz23123@gmail.com

Olga Pavlovna Shevchenko
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Kuban State Agrarian University
Krasnodar,
E-mail: penz23123@gmail.com

Литература

1. *Белановский С.А.* Метод фокус-групп. М.: Издательство Магистр, 1996. 272 с.
2. *Беляева Т.В., Богатырева К.А*. Национальная культура и предпринимательство: обзор литературы и направления будущих исследований // Российский журнал менеджмента. 2018. №2. С. 273-294.
3. *Готлиб А.С.* Качественное социологическое исследование и прогнозирование: «и невозможное возможно»? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. №3. С. 12-20.
4. *Кишинская В.С.* Качественные данные и методы социологического исследования // Петербургская социология сегодня. 2011. №1. С. 366-372.
5. *Кравцова А.П.* Предпринимательская культура в современном российском обществе: Социологические аспекты: дис. … канд. соц. наук. Саратов, 1999. 136 с.
6. *Ожерельева О.Ю.* Предпринимательская культура в условиях социокультурной трансформации российского общества: специфика становления и тенденции развития: автореф. дис. … канд. филос. наук. Ростов н/Д., 2012. 38 с.
7. *Попов А.А.* Социологический анализ условий формирования и развития культуры российских предпринимателей: дис. … канд. соц. наук. Екатеринбург, 2013. 160 с.
8. *Семенова Ю.А.* Социологические исследования показателей состояния женского предпринимательства в регионе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №9. С. 83-95.

References

1. Belanovsky S.A. Focus Group Method. M., 1996. 272 p.
2. Belyaeva T.V., Bogatyreva K.A. National culture and entrepreneurship: a review of literature and directions of future research / / Russian Journal of Management. 2018. No. 2. P. 273-294.
3. Gottlieb A.S. Qualitative sociological research and forecasting: "and the impossible is possible"? // Monitoring of public opinion: economic and social changes. 2017. No. 3. P. 12-20.
4. Kishinskaya V.S. Qualitative data and methods of sociological research // St. Petersburg Sociology today. 2011. No. 1. P. 366-372.
5. Kravtsova A.P. Entrepreneurial culture in modern Russian society: Sociological aspects: dis. ... candidate of Social Sciences. Saratov, 1999. 136 p.
6. Ozherelyeva O.Yu. Entrepreneurial culture in the conditions of socio-cultural transformation of Russian society: the specifics of formation and development trends: avtoref. dis. ... candidate of Philos. Sciences. Rostov-on-Don, 2012. 38 p.
7. Popov A. A. Sociological analysis of the conditions for the formation and development of the culture of Russian entrepreneurs: dis. ... candidate of Social Sciences. Yekaterinburg, 2013. 160 p.
8. Semenova Yu.A. Sociological studies of indicators of the state of women's entrepreneurship in the region / / Humanities, socio-economic and social sciences.2019. No. 9. P. 83-95.

Поступила в редакцию ***9 сентября 2021 г.***

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

УДК 327
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.10

Актуальные проблемы социологического измерения уровня толерантности образовательных мигрантов к русской культуре

С.В. Гузенина
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальных задач и проблем эмпирического социологического измерения уровня толерантности образовательных мигрантов к русской культуре на примере студентов-иностранцев Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина. При этом под толерантностью автором понимается добровольное признание принципов терпения, смирения, терпимости в различных культурных и социальных коммуникациях, зачастую несопоставимых, отличных друг от друга. Такая задача становится актуальной в контексте необходимости повышенного внимания к вопросам толерантности иностранных граждан к культуре России, принимающего общества в отношении иностранных граждан, а также проблеме научного изучения данного аспекта миграции. По результатам проведенных исследований экспериментально установлено, что уровень толерантности студентов-иностранцев к русской культуре может быть оценен как «средний», и для этого существует ряд объективных причин, среди которых наличие устойчивых стереотипов о России на фоне русофобии, нежелание взять на себя ответственность за плохое знание русского языка и особенностей культурно-духовной жизни страны проживания, обиды на россиян, конфликты на почве унижения достоинства, что свидетельствует, в свою очередь, о низком уровне толерантности принимающего сообщества.

Ключевые слова: толерантность; иностранцы; образовательные мигранты; культура.
Для цитирования: Гузенина С.В. Актуальные проблемы социологического измерения уровня толерантности образовательных мигрантов к русской культуре // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 102 – 118.

Actual problems of sociological measurement of the level of tolerance of educational migrants to Russian culture

Svetlana V. Guzenina
Derzhavin Tambov State University
Tambov, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of actual tasks and problems of empirical sociological measurement of the level of tolerance of educational migrants to Russian culture on the example of foreign students of Derzhavin Tambov State University. We understood tolerance as a voluntary recognition of the principles of patience, humility in various cultural and social communications, often incomparable, different from each other. This task is relevant in terms of the necessity of increasing the attention to such issues as tolerance to Russian culture among foreign citizens; the attitude of the host society to foreign citizens; the scientific research of migration processes the experimental research found out that the level of tolerance of foreign students to Russian culture can be assessed as "average". There are some objective reasons determining such state: the stable stereotypes about Russia in the framework of Russophobia; unwillingness to take the responsibility for poor knowledge of the Russian language, the peculiarities of cultural and spiritual life of the country of residence; resentment against Russians; conflicts based on the humiliation of dignity.

Keywords: tolerance; foreigners; educational migrants; culture.
For citation: Guzenina S.V. Actual problems of sociological measurement of the level of tolerance of educational migrants to Russian culture // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. P. 102 – 118.

На заседании Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 года, где был заслушан доклад «Об образовании как инструменте гармонизации межнациональный отношений, в том числе в части социальной адаптации детей мигрантов», Президент России В.В. Путин подчеркнул, что «для огромной многонациональной России принципиальное, решающее, можно сказать, значение имеют солидарность людей, чувство сопричастности к судьбе Отечества, ответственности за его настоящее и за будущее – то, что принято называть общероссийской идентичностью,

гражданским самосознанием», по этой причине следует уделять пристальное внимание проблеме культурной адаптации мигрантов, поскольку современная ситуация требует реальных действий, позволяющих их «фактически глубоко адаптировать к российской языковой среде. Но не только к языковой – к культурной вообще, чтобы они могли погружаться в систему наших российских ценностей. И для них это будет на пользу, и, соответственно, не будет задевать наши семьи, не будет создавать проблем для образовательных учреждений, а проблем там возникает целый большой набор» *(Стенограмма выступления Путина…).*

В этом смысле становится актуальной и задача повышенного внимания к вопросам толерантности иностранных граждан по отношению к культуре России, принимающего общества в отношении иностранных граждан, а также проблеме научного изучения данного аспекта миграции. Под толерантностью при этом автором понимается добровольное признание принципов терпения, смирения, терпимости в различных культурных и социальных коммуникациях, при этом зачастую несопоставимых, отличных друг от друга *(Гузенина, 2019).*

Кроме того, расширение процессов глобализации, стирания реальных границ, появление открытой возможности межкультурного, межнационального/ межэтнического общения, благодаря сети Интернет, ставят перед российским сообществом вопрос о позитивном имидже России на международной арене.

Средства массовой информации занимают особое место в формировании общественного мнения, в укоренении в сознании людей, прежде всего молодого поколения. Анализ материалов СМИ, как российских, так и зарубежных, очевидно показывает тенденцию русофобских настроений иностранных государств и этнокультурных предрассудков по отношению к России. Феномен русофобии в качестве западного социального тренда представляет собой многовековую *(Майерберг, 1874), (Олеарий, 2003), (Савельев, 1850), (Герберштейн, 2008), (Скрижинской, 1971),* полностью сформированную, устойчивую идеологическую систему, которая в условиях глобализации современного мира оказывает непосредственное влияние на все сферы жизни общества. Она представляет собой форму ксенофобии, сеющую ненависть к одному из самых многочисленных народов планеты и стремящаяся уничтожить одну из крупнейших мировых цивилизаций. Понимание проблемы русофобии необходимо социологу в контексте измерения уровня толерантности к русской культуре у иностранцев, поскольку необходимостью иметь в виду социальный фон, который может оказывать непосредственное влияние на настроение образовательных мигрантов, приезжающих на учебу в Россию.

Силами исследовательской группы факультета истории, мировой политики и социологии ТГУ имени Г.Р. Державина (Балбеков П., Гузенина С.В., Егорова А., Немцева О.) было проведено два авторских опроса в попытках измерения уровня толерантности к русской культуре иностранных студентов, обучающихся в университете, при этом в качестве исходных мы принимали следующие методологические положения.

1. Уровень толерантности к русской культуре может быть определен совокупностью следующих факторов: *информированностью* о русской культуре; *включенностью* в культуру; *готовностью к ее осваиванию*; *ответственностью за межкультурные конфликты*.

2. Измерение уровня толерантности осуществлялось по троичной шкале «высокий» - «средний» - «низкий», исходя из среднего арифметического по разработанным нами индикаторам, при этом «*высокий*» уровень подразумевал большинство положительных мнений, суждений и оценок; «*средний*» - равное количество положительных и отрицательных мнений, суждений, оценок у исследуемой группы респондентов, наличие этностереотипов, отсутствие единого группового мнения, наличие

полярных (бинарных, амбивалентных) суждений; «*низкий*» уровень подразумевал явное большинство групповых отрицательных оценок, мнений, суждений, настроений.

1. *Онлайн-опрос «Студенты-иностранцы о русской культуре»* был проведен среди студентов Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина методом онлайн анкетирования, в период с 3 марта по 1 мая 2021 г. На весну 2021 года в ТГУ имени Г.Р. Державина обучалось 2759 студентов-иностранцев. Выборочная совокупность исследования составила 196 респондентов. В опросе приняли участие 80,1% мужчин и 19,9% женщин. 3,5% респондентов учатся на 2 и 6 курсе, 38,5% на 3 курсе обучения, 27,5% обучаются на 4 курсе и 17,5% на 5 курсе.

В соответствии с целями и задачами исследования осуществлена разработка системы социологических индикаторов для комплексной оценки уровня толерантности студентов иностранцев к русской культуре, такими индикаторами стали:

а. Индикаторы образов (страны и населения):

- первичные индикаторы («стереотипный, стартовый образ»);
- вторичные индикаторы («приобретенный со временем образ»);

б. Индикаторы «включенности в культурную жизнь» города Тамбова и России

в. Индикаторы намерений («готовность к взаимодействию», «готовность к интеграции в культуру», «цель и намерения пребывания в стране»)

г. Индикаторы конфликтогенности («индивидуальных оценок принимающего общества»): положительные оценки и отрицательные оценки.

Исходя из разработанных индикаторов, был проведен анализ данных, полученных в результате исследования.

а. Индикаторы образов (страны и населения):

В данном блоке были проанализированы ответы респондентов по соответствию данному индикатору. Полученные в результате обработки данных ответы показали, что 58% имели некоторые представление о России до приезда, и многие выбирали осознанно страну для обучения.

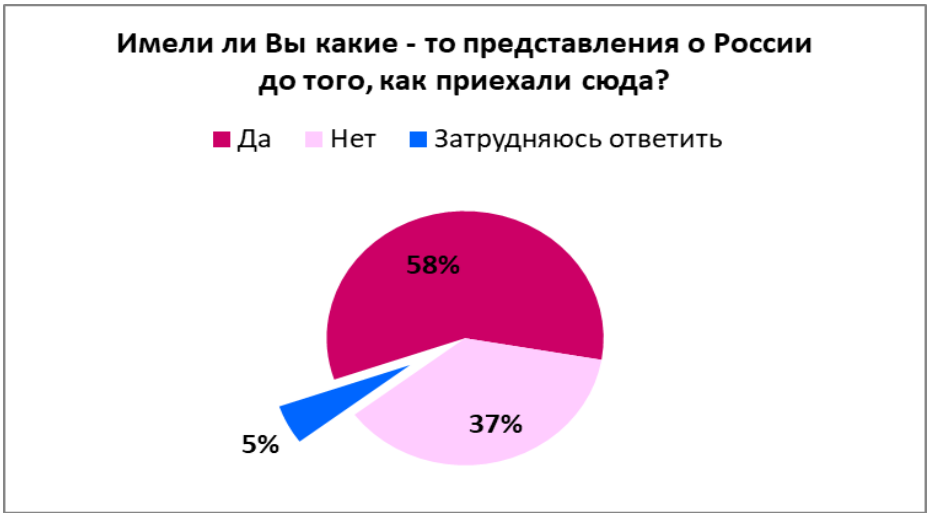


Рисунок 1. *Распределение ответов на вопрос «Имели ли Вы какие-то представления о России до того, как приехали сюда?» (в % от опрошенных)*

У ***44% опрошенных иностранцев образ России сформировался благодаря сети Интернет***, 17% полагались на рассказы людей, бывавших в России, 15 % - из теле и радиопрограмм.

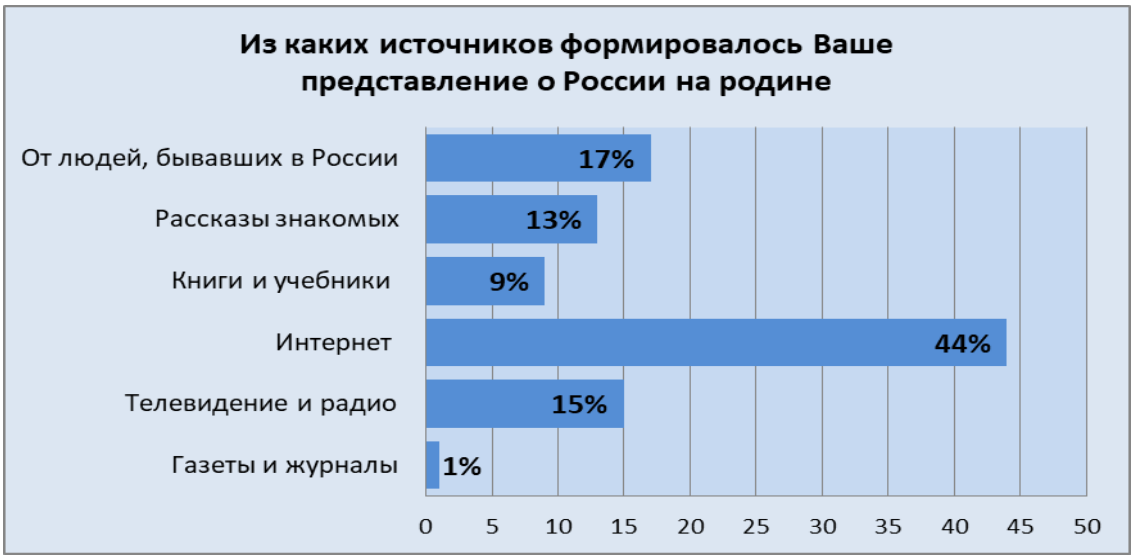


Рисунок 2. *Источники формирования представлений о России (в % от опрошенных)*

Респонденты транслируют, что в результате знакомства с информацией о России в сети, 28% поняли, что в России очень холодно, и 18% - что русские люди злоупотребляют спиртным, люди в России черствые и эмоционально холодные (16%). Таким образом, необходимо подчеркнуть, что негативные оценки стартового образа страны и населения России, во многом сформированные благодаря русофобским тенденциям и феномену информационной войны в сети Интернет, уже присутствуют в коллективном сознании мигрантов, приезжающих учиться в России.

Рисунок 3. *Отрицательные черты образа России, сложившегося у респондентов до приезда в страну (в % от опрошенных)*

Из положительных черт образа России, сформировавшегося на Родине, респонденты выделяли: территориальные размеры России (19%), доступное и дешевое образование (18%), добрых и дружелюбных людей (17%) и красивую природу (16%) (Рисунок 4).

Рисунок 4. *Положительные черты образа России, сложившегося у респондентов до приезда в страну (в % от опрошенных)*

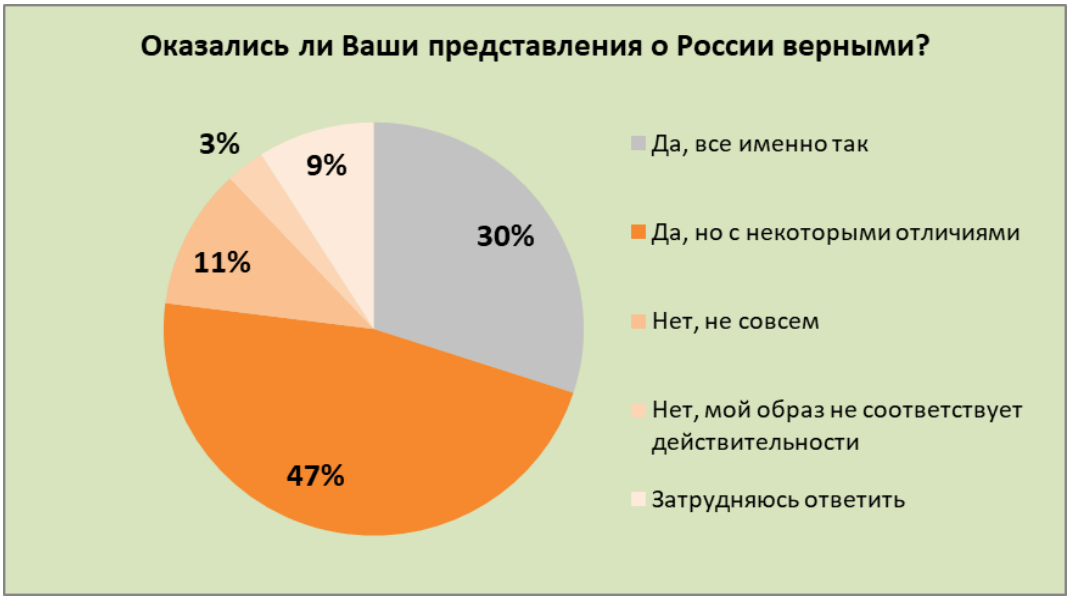


Рисунок 5. *Распределение ответов на вопрос «Оказались ли Ваши представления о России верными?» (в % ко всем ответившим)*

При анализе ответов на вопрос анкеты о соответствии стереотипного образа, полученного на родине, и реального образа России, следует: 14 % студентов-иностранцев признают, что их стартовый образ оказался неверным, а 47% указали, что хоть образ и совпал, но все же с некоторыми отличиями. 60% не согласились с утверждением «Если не употреблять алкоголь, то русских друзей у иностранцев не будет». Лишь 16% выразили свое согласие.

Представлялось важным выяснить какой же именно образ сформировался у респондента, имеющего опыт проживания в России. 55% образовательных мигрантов согласились с утверждением, что в России добрые и душевные люди, при этом 35% выразили своё несогласие (Рисунок 6), а 56% не согласны с утверждением, что в России низкий уровень жизни, хотя 29% выразили свое согласие (Рисунок 6, Таблица 1).

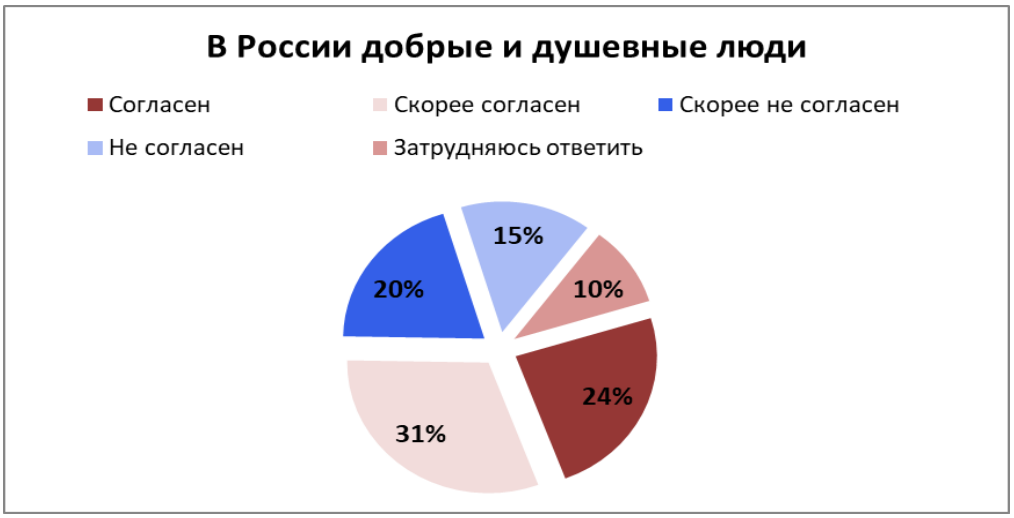


Рисунок 6. *Распределение мнений респондентов по утверждению «В России добрые и душевные люди» (в % ко всем ответившим)*

Таблица 1.

Распределение мнений респондентов относительно высказывания «В России низкий уровень жизни» (в % ко всем ответившим)

Ответ респондента	%
Согласен	8%
Скорее согласен	21%
Скорее не согласен	**36%**
Не согласен	**20%**
Затрудняюсь ответить	15%
Итого	100%

65% респондентов не согласны с тем, что в России статус женщины выше, чем статус мужчины (Таблица 2). Так же 41% респондентов выразили свое несогласие с тем, что Россия - отсталая патриархальная страна, 22% респондентов затруднились ответить на этот вопрос.

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос «Статус женщины в России выше, чем статус мужчины» (в % ко всем ответившим)

Ответ респондента	%
Согласен	22%
Скорее согласен	11%
Скорее не согласен	**34%**
Не согласен	**31%**
Затрудняюсь ответить	2%
Итого	100,0%

Самыми популярными ассоциациями с Россией у студентов-иностранцев ТГУ стали: зима, Пушкин, борщ, медведь, еда (кухня), водка. Отметим, что такие ***ассоциации мало чем отличаются от типичных ассоциаций иностранцев, приезжающих в страну в качестве туристов на один-два дня***. В целом при анализе ответов по данному блоку индикаторов отметим, что уровень толерантности к России и ее

жителям может быть оценен как «***средний***», учитывая наличие в коллективном сознании студентов стереотипных образов и полярных ответов.

б. Индикаторы «включенности в культурную жизнь» города Тамбова и России

В данном блоке нами проанализированы вопросы отношения студентов к российским культурным феноменам, менталитету россиян и духовной жизни, включенность в культурную жизнь города и страны.14% респондентов ответили, что в России им понравились дружелюбные люди, 13% отметили природу страны, 8% - еду и праздники. На открытый вопрос «Что именно в культуре России Вам показалось странным, неприятным, неприемлемы или просто вам не понравилось?» 63% респондентов ответили, что «ничего», 15% отметили, что в России дорого жить (дорогие магазины, жильё и т.д.), и ещё 12% не понравилось то, что в России мало кто владеет иностранными языками (Рисунок 7).

Рисунок 7. *Распределение ответов на вопрос «Что именно в культуре России Вам показалось странным, неприятным, неприемлемы или просто вам не понравилось?» (открытый вопрос, ответы сгруппированы) (в % ко всем ответившим)*

39% студентов-иностранцев оценили свое знание русского языка как «среднее» (на 3 балла из 5), 26% оценили свое знание языка на 4 из 5. Важно, что 25 % студентов оценили знание языка на «двойку» (!), что говорит о том, что *студенты осознают своё плохое знание русского языка*. Такие данные свидетельствуют либо о трудностях в изучении русского языка, с которыми сталкиваются иностранные граждане, включая и образовательных мигрантов, либо о нежелании учить язык вовремя, в период языковой подготовки (рис.8). Тем не менее, их интегрированность в российскую культуру представляется очевидной, поскольку иностранцы отметили, что знакомы с российской литературой (31%), музыкой (26%) и кинематографом (17%). 13% респондентов отмечают, что знакомы даже с российской оперой и балетом, что особенно важно, учитывая, что в Тамбове нет такого театра (Рисунок 9). Об этом свидетельствуют и ответы на вопрос «Посещали ли Вы в России театры и музеи?», 79% иностранцев ответили, что посещали театры и музеи в России (Рисунок 9). Разумеется, было интересно выяснить насколько студенты-иностранцы готовы к изучению религиозной и жизни России.

При ответе на вопрос «Посещали ли Вы православные храмы в России?» их ответы разделились пополам: 52% респондентов ответили положительно на данный вопрос, 48% отрицательно.

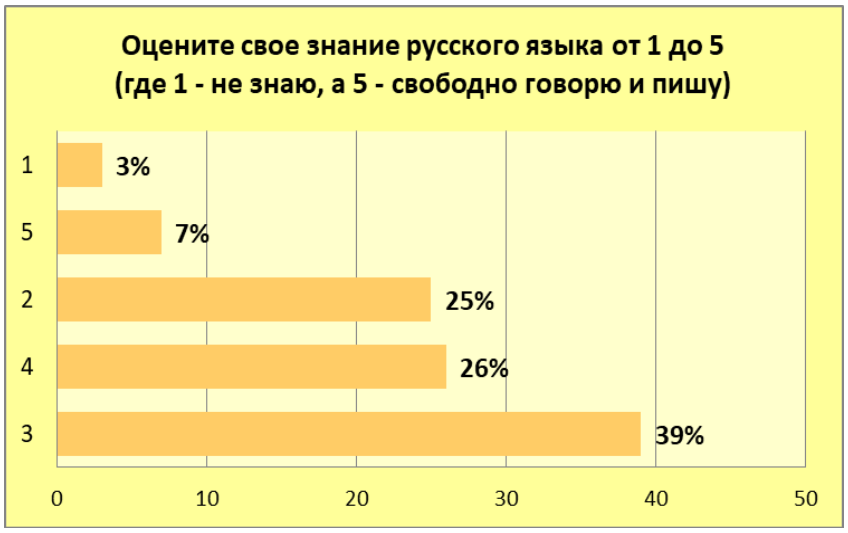


Рисунок 8. *Оценка своего знания русского языка респондентами по шкале от 1 до 5 (где 1 – не знаю, 5 – свободно говорю и пишу)*

Рисунок 9. *Распределение ответов респондентов на вопросы «Посещали ли Вы в России театры и музеи?» и «Посещали ли Вы в России театры и музеи?» (в % ко всем ответившим)*

Опрос показал, что подавляющее большинство (74%) иностранных студентов готовы продолжить изучение культуры России (Рисунок 10), а 64% респондентов празднуют российские праздники (из них 44% празднуют не все и 20% празднуют большинство праздников). Здесь же отметим вновь тревожный индекс: *25 % респондентов не понимают смысла российских праздников!* (Рисунок 11).

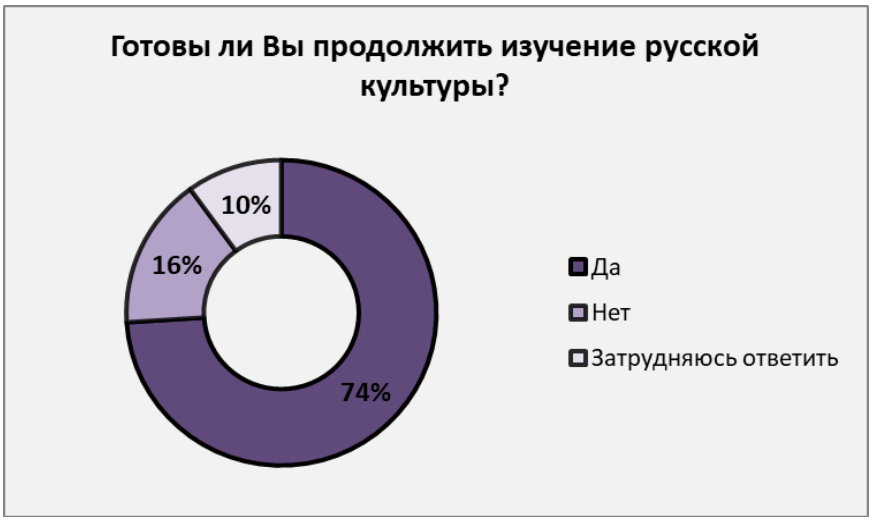


Рисунок 10. *Распределение ответов на вопрос «Готовы ли Вы продолжить изучение русской культуры?» (в % ко всем ответившим)*

Рисунок 11. *Распределение ответов на вопрос «Празднуете ли вы российские праздники?» (в % ко всем ответившим)*

В целом анализ ответов респондентов по данному индикатору показал «***высокий»*** уровень толерантности респондентов к русской культуре на основании их вовлеченности в неё, однако вскрыл и *очевидные проблемы адаптации иностранных граждан в России: недостаточное знание русского языка, недостаточное понимание ряда аспектов культурной жизни страны*.

в. Индикаторы намерений («цель и намерения пребывания в стране», «готовность к дальнейшему взаимодействию», «готовность к интеграции»)

В данном блоке анализировались ответы относительно намерений иностранцев остаться в России для дальнейшего обучения и проживания, готовности к освоению культуры принимающей стороны. 56% респондентов *не пожалели о выборе России* как страны для своего обучения, 30% выразили неудовлетворенность своим выбором (Рисунок 12).

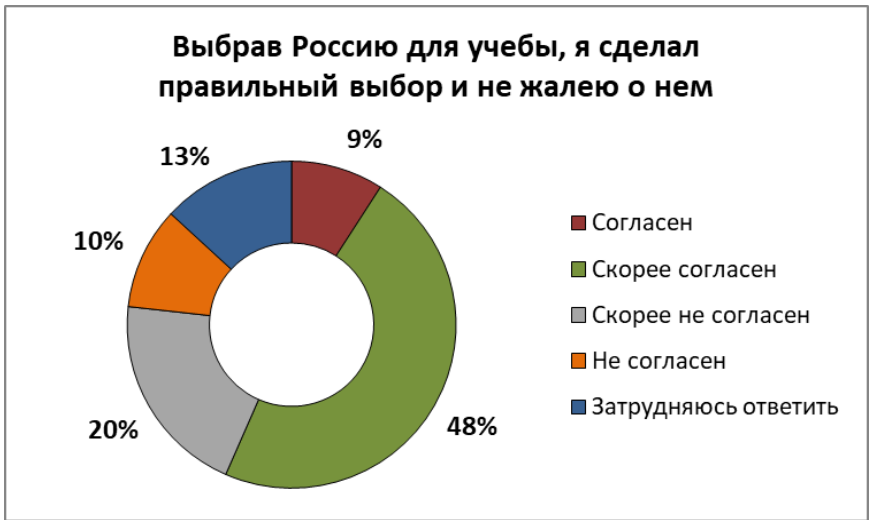


Рисунок 12. *Распределение ответов респондентов по утверждению «Выбрав Россию для учебы, я сделал правильный выбор и не жалею о нем» (в % ко всем ответившим)*

Большинство студентов-иностранцев (57%) выразили *желание остаться в России* после завершения обучения, 25% не хотели бы оставаться жить дальше в стране, 19% не определились. Из причин остаться в России лидируют: работа (36%) и продолжение учёбы (33%), таблица 3. Среди причин не оставаться с заметным отрывом на первом месте оказалась: любовь к своей Родине и желание приносить пользу ей (46%). 26% респондентов не имели намерений оставаться в другой стране после обучения, 16 % отметили свое нежелание остаться из-за низкого уровня жизни в стране (Таблица 3, Рисунок 13).

Таблица 3.

Причины остаться в России (в % ко всем ответившим)

Ответ респондента		%
Причины остаться	Работа	**36%**
	Продолжение учёбы	**33%**
	Нравится российская культура	7%
	Нравится природа и климат	1%
	Позитивные люди	10%
	Дешевая жизнь	1%
	Другое	2%
	З/о	10%
Всего		100%

Рисунок 13. *Причины не оставаться в России (в % ко всем опрошенным)*

72% студентов склонны полагать, что каждый человек живёт там, где ему проще приспособиться к культуре. По итогам полученных ответов можем оценить уровень толерантности к России и российской культуре по данному индикатору в целом как ***«высокий»***.

г. Индикаторы конфликтогенности
(«индивидуальных оценок принимающего общества»)

К оценке по четвертому индикатору были отнесены ответы респондентов на вопросы, касающиеся межкультурных и межэтнических конфликтов и их оценок уровня толерантности российского общества. Интересно, что 43% респондентов оценили уровень толерантности к приезжим в России на 4 балла по шкале от 1 до 5 (где 1 – низкий, а 5 – высокий), 23% как «средний» уровень (3 балла из 5), а 2% выразили свою оценку в виде 1 балла.

Рисунок 14. *Распределение ответов на вопрос «Как Вы оцениваете уровень толерантности к приезжим в России? Оцените его от 1 до 5 (где 1 – низкий, а 5 – высокий)?» (в % ко всем ответившим)*

Весьма важно, что *иностранцы сталкивались в России со случаями принижения или унижения прав, достоинства человека из-за его национальности или вероисповедания*, данные представлены в Таблице 4.

Таблица 4.

Сталкивались ли Вы в России со случаями принижения или унижения прав, достоинства человека из-за его национальности или вероисповедания?

Ответ респондента	%
Да, испытал на себе	27%
Да, наблюдал лично	11%
Да, рассказывали знакомые	33%
Да, читал об этом в газетах и интернете	10%
Да, видел по телевизору	9%
Нет, никогда не сталкивался	2%
Нет, никогда не обращал на это внимание	4%
З/о	6%
Итого	100%

Важно, что подавляющее большинство иностранных респондентов (79%) считает, что если проявлять уважение к русскому человеку, то и он будет уважать вас, что говорит нам о склонности иностранных студентов к проявлению уважения по отношению к россиянам (Рисунок 15). Однако и здесь нам встретилась высокая доля не согласных с данным утверждением (21% - твердое «нет», 9% - затруднились с ответом), что показывает для социолога наличие проблемного вопроса, конфликтной ситуации у респондентов в прошлом, которую они транслируют своими ответами, при этом половина (49%) иностранцев склонна перекладывать вину за эти конфликты на принимающую сторону (россиян). Распределение ответов представлено на Рисунке 16.

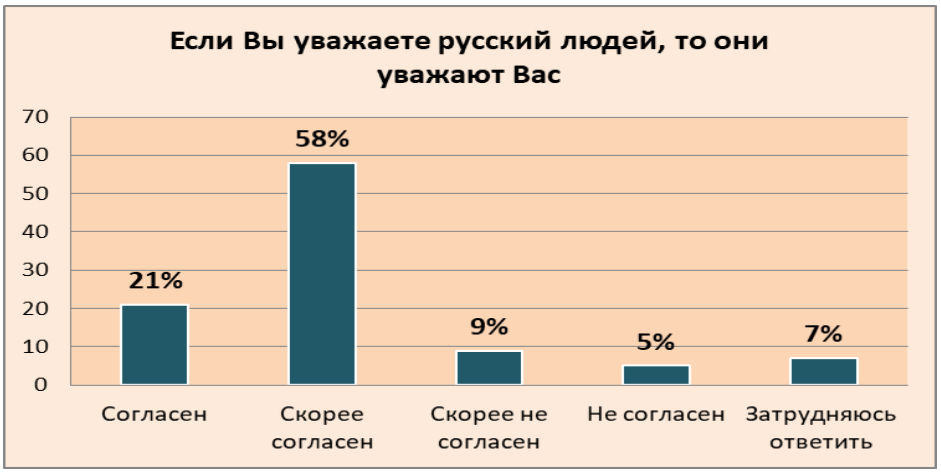


Рисунок 15. *Распределение ответов респондентов относительно утверждения «Если Вы уважаете русских людей, то они уважают Вас» (в % ко всем ответившим)*

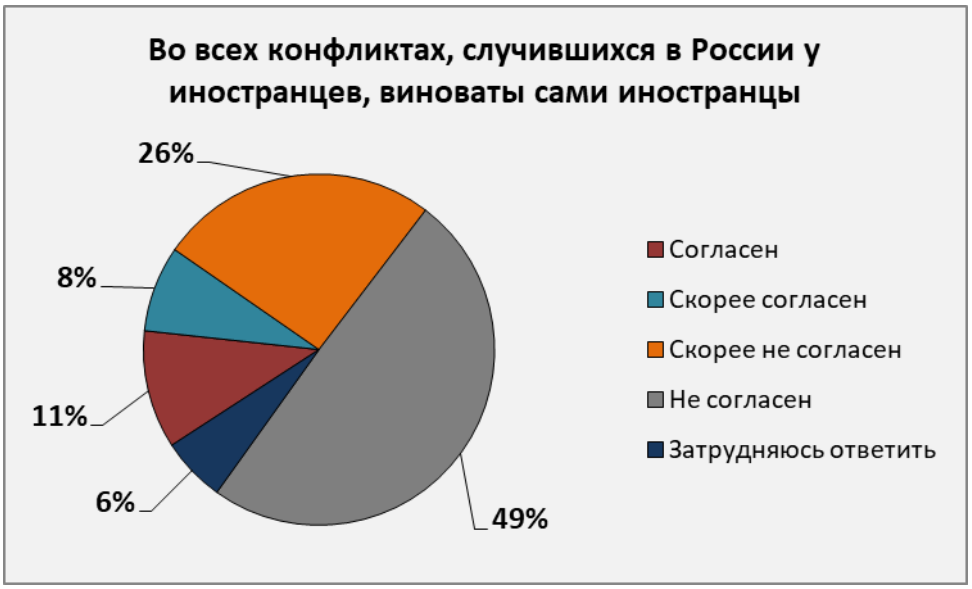


Рисунок 16. *Распределение ответов респондентов относительно утверждения «Во всех конфликтах, случающихся в России у иностранцев, виноваты сами иностранцы» (в % ко всем ответившим)*

В целом по критерию «конфликтогенность» уровень оценки толерантности к русской культуре нами оценивается как «***низкий***». Иностранцы транслируют обиды, несогласие с тем, что они являются причиной конфликтов, они испытывали на себе несправедливость, говорят о случаях принижения или унижения прав и достоинства

человека из-за его национальности или вероисповедания, с которыми они встретились в России.

В результате комплексной оценки полученных ответов можно сделать следующие обобщающие выводы:

– Первичный и вторичный образ России у большинства респондентов совпадает (30%), но с некоторыми отличиями (47%), при этом первичный образ сформирован положительный (основные отрицательные характеристики касались климата страны, 28%). Население России в глазах иностранцев, до переезда, выглядит немного "пугающим", при этом их мнение впоследствии меняется, и в дальнейшем многие (55%) соглашаются с утверждением, что в России живут добрые и душевные люди. Так же меняется мнение респондентов относительно уровня жизни в стране.

– Большинство респондентов (39%) оценили свой уровень владения русским языком как средний. Почти все иностранные студенты знакомы с каким-либо видом искусства России, посещали театры и музеи (79%).

– Также иностранным студентам не чужды русские праздники (64% празднуют). Всё это говорит нам о высоком уровне вовлеченности иностранцев в культуру России. Тем не менее, очевидны проблемы с их культурной адаптацией в Тамбове, поскольку четверть (25%) респондентов до сих пор почти не знает русского языка, а четверть (25%) не понимает смысла российских праздников. Кроме того, ассоциативные ряды о России остаются у иностранных студентов типичными для стереотипного восприятия России тех, кто живет за рубежом: медведь, зима и водка.

– Большинство иностранных студентов (58%) не сожалеют о том, что выбрали Россию как страну для обучения, и готовы к взаимодействию с культурой и населением. Однако большинство респондентов (45%) любят родную страну, хотят вернуться домой. Увеличить намерения и шансы иностранцев остаться в России могут две основные причины: работа и продолжение учебы.

– Иностранцы не перекладывают вину и ответственность за конфликты с населением России на себя. Удручающим является тот факт, что подавляющее большинство (84%) иностранцев сталкивались с притеснением их прав и свобод на почве национальности или вероисповедания.

В целом по четырем группам факторов ***уровень толерантности студентов-иностранцев ТГУ имени Г.Р. Державина к русской культуре может быть оценен как «средний»*** по троичной шкале «высокий» - «средний» - «низкий», исходя из среднего арифметического по 4 индикаторам, два из которых показали оценку «высокий уровень», один - «средний уровень», один – «низкий уровень».

2. Осенью 2020 года силами исследовательской группы (Балбеков П., Гузенина С.В., Егорова А., Немцева О.) факультета истории, мировой политики и социологии ТГУ имени Г.Р. Державина была проведена серия индивидуальных глубинных (нарративных) интервью среди студентов-иностранцев, обучающихся в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина на тему ***«Иностранцы Тамбова о России и русской культуре»***, интервью проводились либо на английском языке, либо на русском языке (по выбору респондента).

По результатам опроса обоснованными представляются следующие обобщающие выводы об их отношении к России:

1) респонденты *отмечают разницу в погодных условиях*; для большинства разница в климате оказалась слишком значимой и даже пугающей («Первая странная вещь – это погода. Когда я был в Алжире, я там видел максимум 5 градусов, а в России -3 9, это жутко. Я такого никогда в своей жизни не видел!» - С., муж., 23 года, Алжир), другие же напротив отметили иной климат, как один из основных плюсов пребывания в России («Погода. У нас жарко, здесь немножко можно охладиться.» - С., муж., 24

года, Узбекистан), («Мне нравится, что здесь я могу кататься на коньках.» - С., муж., 21 год, Египет);

2) иностранцев *удивил характер социальных связей*; они отмечают, что на родине люди более общительные и открытые, много улыбаются и часто ходят друг к другу в гости, а в России нет сердечности и эмоциональности в общении, люди более замкнутые и закрытые, реже встречалось полярное мнение; также отдельное внимание было уделено статусу женщин и стариков в России: по мнению иностранцев статус женщины выше статуса мужчины, что кажется удивительным носителям мусульманской религии («Странным показалось то, что в России статус женщины выше, чем статус мужчины» - С., муж., 20 лет, Габон); удивил факт межпоколенного взаимодействия: по мнению иностранцев, россияне могут допустить неуважительное обращение к старшим поколения на «ты», огорчил иностранцев и тот факт, что в России не принято улыбаться и здороваться с незнакомыми людьми, и иностранцы воспринимают данный факт, как знак ненависти и неуважения («Когда я приехал в Россию, например, вы, ребята не улыбаетесь много, верно? Когда ты увидишь себя, как вижу тебя я лично, это выглядит, будто ты ненавидишь меня, например. Я вижу людей, когда они смотрят на меня, они не улыбаются. Мне кажется, я не нравлюсь им» – С., муж., 23 года, Алжир);

3) респонденты *отмечают высокий уровень толерантности к иностранцам* («Удивительным показалось то, что здесь люди толерантны ко мне, несмотря на другой цвет кожи, они добры со мной» - О., муж., 23 года, Свазиленд), («Мне говорили, что, когда я приеду в Россию, встречу много проявлений расизма, но я не видела этого. Это полная ложь, что в России много расистов. Я никогда здесь не встречалась с расизмом и расовой ненавистью. Могу только сказать, что русские люди очень понимающие и толерантные. Не имеет значения, как сильно ты отличаешься от русского человека, он никогда не будет смотреть на тебя свысока, обзываться или насмехаться над тобой» - С., при этом можно встретить и проявления расизма со стороны отдельных граждан по отношению к мигрантам («Низкий статус иностранцев, я сам это прочувствовал. Для меня это странно, поскольку не во всех странах так» - С., муж., 20 лет, Габон);

4) образовательные мигранты из стран Средней Азии *отмечают близость культур и схожесть праздников и традиций* («Много общих праздников.» - С., муж., 20 лет, Таджикистан), («Очень близка. Это проявляется в некоторых праздниках, в общении, в гостеприимстве, в некоторых государственных сферах» - С., муж., 24 года, Узбекистан), тогда как студенты, прибывшие из стран Африки, указывают на противоположность культур («В России минималистический и патриотичный подход к жизни, все строится вокруг семьи. Семья говорит, что ты должен ходить в школу, взаимодействовать с другими людьми, чтобы быть хорошим русским человеком. Что касается меня, в моей стране три вида культуры, и человек должен адаптироваться и понимать эти культуры, и также учиться понимать другие культуры» - С., муж., 23 года, Южная Африка);

5) 16 из 20 респондентов отметили, что *они имеют хорошее знание русского языка*, в изучении языка им поспособствовали просмотр российских фильмов и сериалов, но некоторые столкнулись с трудностями при его изучении; отмечался и тот факт, что в России без знания русского языка очень тяжело, так как лишь малая часть населения владеет другими языками, и для многих этот факт показался удивительным в связи с тем, что в их стране население может знать от 2-3 до 11 языков («Также я заметила, что здесь говорят только на русском языке, и очень мало людей знают английский; в моей стране например 11 официальных языков. Здесь, если ты

не знаешь русский язык, ты не сможешь общаться с людьми» - С., жен., 21 год, Южная Африка);

6) большинство респондентов знают некоторых российских художников (отмечали знание художников, без конкретных указаний фамилий), писателей (Пушкин, Лермонтов, Толстой, Чехов, Ахматова, Державин), музыкантов (в основном современные исполнители российской эстрады и артистов в жанре реп); иностранцы активно посещают музеи, театры, что указывает на *высокий уровень их вовлеченности в культуру России*;

7) респонденты *отмечают красоту природы, обширность российских просторов и лесов;* город Тамбов характеризуют по-разному: с одной стороны как уютный, тихий городок, а, с другой, как бесперспективный город в плане трудоустройства с ограниченным количеством мест для досуга; успели посетить множество городов России, но чаще их впечатляет Москва и перспективы, которые она открывает для дальнейшей жизни и трудоустройства («Был в Москве, очень понравилось, красивый город, есть где погулять, на что посмотреть.» - С., муж., 20 лет, Узбекистан), ее масштабы и красота; выделяют Московский Кремль. В целом, была отмечена русская архитектура с акцентом на православные храмы, их величественность и красоту; большинство из опрошенных посещали в России храмы, несмотря на свою религиозную принадлежность, в ознакомительных целях («Мне нравится дизайн зданий здесь, дизайн церквей.» - С., жен., 27 лет, Танзания);

8) *русская кухня пришлась по вкусу большинству из опрошенных*, в частности отмечали горячие первые блюда («Здесь потрясающая еда. Потрясающее блюдо - шашлык, в частности куриный шашлык. Также мне нравится соленая рыба, которую ты покупаешь в магазине и ешь не вареной, а сырой. Также я люблю роллы и шаурму. Шаурма очень популярна в России, и это здорово. Я люблю русские салаты, они полезные. Также здесь продается потрясающий маринад для мяса.») – С., жен., 28 лет, Южная Африка), для остальных, чья культура далека от русской, многие блюда показались странными;

9) русские *праздники и традиции для многих показались схожими* с их родной культурой, и основными праздниками иностранные граждане выделяют: Новый год, День победы («В этот день вы празднуете победу против Германии. Мне нравится смотреть, как вы отмечаете этот день, я видел, как люди ходят с фотографиями дедушек, например, которые погибли на войне, в память о них, это очень круто.» - С., муж., 23 года, Алжир), Рождество, Масленицу, День России; несмотря на схожесть в культурах, есть и то, что остается не воспринятым для их обыденного понимания («Есть вещь, которую я не могу понять. Раз в год, зимой, вы купаетесь в холодной реке, это я нахожу странным.» - С., жен., 27 лет, Танзания), для большинства респондентов странными показались русские свадьбы с маленьким количеством гостей и необычными традициями;

10) все респонденты отметили, что *у них есть знакомые и друзья среди русских*, и чаще всего заводили знакомства в учебных заведениях;

11) 13 из 20 иностранцев при ответе на вопрос «Хотели бы Вы остаться жить в России навсегда?» сообщили, что *хотели бы остаться жить в России*, *если будет работа* («Хотел бы, только если у меня будет работа здесь» - А., мужчина, 20 лет, Узбекистан; «Мечтаю. Почти все мои земляки, которые учатся, говорят на английском, а я учу русский, потому что я хочу остаться в России и хочу стать врачом. В Тамбове я буду или в Москве, неважно» - Х., мужчина, 22 года, Ирак); остальные хотели бы вернуться к себе на родину из-за любви к своей стране и тесных родственных связей;

Исходя из результатов глубинных интервью, можно отметить *высокий* уровень толерантности, вовлеченности и интереса студентов-иностранцев Тамбовского го-

сударственного университета имени Г.Р. Державина к культуре России, при этом обоюдный (респонденты отметили достаточно высокий уровень толерантности российского общества по отношению к ним).

По результатам двух проведенных исследований можно сделать следующие выводы: ***уровень толерантности студентов-иностранцев к русской культуре может быть оценен как «средний»****; для этого существует ряд объективных и субъективных причин, среди которых: стереотипы о стране, нежелание взять на себя ответственность за плохое знание русского языка и особенностей культуры и духовной жизни страны проживания, обиды на россиян, конфликты на почве унижения достоинства, т.е. низкий уровень толерантности принимающего сообщества.*

В завершение отметим, что благодаря возможности социологического изучения уровня толерантности к русской культуре иностранцев, приезжающих в Россию с целью долгосрочного пребывания, становятся возможными для анализа следующие важнейшие международно-государственные позиции:

- восприятие России в глазах мирового сообщества;
- анализ схожести культур различных стран и национальностей;
- изучение уровня открытости культуры России для адаптации иностранных граждан;
- научное изучение привлекательности России для миграции.

Это ещё раз подчеркивает актуальность подобных исследований, так как создание положительного имиджа государства в целях привлечения мигрантов не только способствует укреплению международных связей страны, но и стимулирует развитие образования, культурный обмен с другими странами, что приносит государству и дополнительный доход. В современных реалиях учебную миграцию следует рассматривать как искусственное увеличение населения, и самое важное – как пополнение рынка труда высококвалифицированными специалистами, поскольку многие иностранные граждане впоследствии остаются в России. Перспективные молодые люди, будущие специалисты, способны строить долгосрочные планы по получению гражданства РФ. В этом смысле создание положительного образа России в глазах потенциальных мигрантов может способствовать увеличению миграционного потока, в том числе, и образовательного.

В завершение отметим, что XXI в. порождает трансляцию новых жизненных смыслов и ценностей. При этом институт образования способен сыграть особую роль, выступая отражением глубинных оснований духовно-нравственных ценностей современного социума, окружающей средой и культуротворческой сферой, которая обеспечивает подготовку будущих специалистов с высоким уровнем не только профессиональных, но и коммуникативных компетенций, создает необходимые условия для разностороннего, гармонического развития образованной личности. Автор солидарен с мыслью русско-американского социолога П. А. Сорокина о том, что толерантность как духовная ценность служит основой и фундаментом всякой культуры и полагает, что вектор толерантного гуманизма на основе этики полиценностной системы отношений должен стать приоритетным направлением государственной политики в системе образования и воспитания.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Гузенина Светлана Валерьевна
Доктор социологических наук, профессор,
Факультет истории, мировой политики и социологии,
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Svetlana Valerievna Guzenina
Guzenina Svetlana Valerievna
Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Faculty of History, World Politics and Sociology,
G.R. Derzhavin Tambov State University
E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Литература

1. Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям. Режим доступа: http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html
2. *Гузенина С.В., Сухомлинова М.В.* Толерантность в системе духовно-нравственных ценностей студенческой молодежи // Социально-экономические явления и процессы: Международный журнал. 2018. Т.13, №4. С. 36-48.
3. *Майерберг А.* Путешествие в Московию. Москва: Университетская Типография, 1874. 260 с.
4. *Олеарий А.* Описание путешествия Голштинского посольства в Московию и Персию. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 2003. 1174 с.
5. *Савельев П. С.* Очерк путешествия в прибалтийские страны, Великий Новгород и Псков, совершенного рыцарем Гильбертом де-Ланноа, в 1412–1414 годах // Географические известия. 1850. № 1. С. 17-35.
6. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Памятники исторической мысли, 2008. 776 с.
7. *Скржинской Е. Ч.* Барбаро и Контарини о России. К истории итало-российских связей в XV в. Л.: Наука, 1971. 274 с.

References

1. Transcript of Putin's speech at the meeting of the Council on Interethnic Relations. Available at: http://prezident. org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacnym-otnoshenijam-30-03-2021.html
2. Guzenina S.V., Sukhomlinova M.V. Tolerance in the system of spiritual and moral values of student youth // Socio-economic phenomena and processes: International Journal. 2018. Vol.13, No. 4. P. 36-48.
3. Mayerberg A. Journey to Moskovia. Moscow: University Typography, 1874. 260 p.
4. Olearius A. Description of the journey of the Holstein embassy to Muscovy and Persia. M.: Society of Russian History and Antiquities at Moscow University, 2003. 1174 p.
5. Saveliev P. S. Sketch of journey to Baltic countries, Veliky Novgorod and Pskov, made by the knight Gilbert de Lannoa, in 1412-1414 years // Geographical izvestiya. 1850. No. 1. P. 17-35.
6. Sigismund Herberstein. Notes about Moscovia. M.: Monuments of historical thought, 2008. 776 p.
7. Skrzhinskaya E. C. Barbaro and Contarini on Russia. To the History of Italian-Russian Relations in the Fifteenth Century. L.: Nauka, 1971. 274 p.

Поступила в редакцию ***25 сентября 2021 г.***

УДК 316.012
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.11

Логические особенности и конфликтогенный потенциал концепции толерантного общества

О. А. Казанцев
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются проблематичность, внутренняя противоречивость и потенциальные последствия из реализации данной идеологической конструкции на практике. В ходе работы акцент делается на рассмотрении концепта толерантности со стороны потенциальной конфликтогенности самого понятия общества всеобщей терпимости. И для этого в процессе исследования на основе аналитических работ других авторов выводится наиболее общее понятие толерантности, из которого логически происходят все остальные вариации толерантных сообществ. В завершении работы обнаруживается, что принцип толерантности, оторванный от всяких социальных и иных контекстов, который возводят в фундамент самого социального мира, становится фактором не уменьшающим конфликтогенность в обществе, а наоборот, повышающим ее.

Ключевые слова: толерантность; понятие толерантности; противоречивость толерантности; диалектический анализ; мысленный эксперимент; типология толерантности.

Для цитирования: Казанцев О.А. Логические особенности и конфликтогенный потенциал концепции толерантного общества // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 119 – 127.

Logical features and conflict potential of the tolerant society concept

Osip A. Kazantsev
Southern Federal University
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article considers the problematic, internal contradictory and potential consequences of the implementation of tolerance concept in practice. The author focuses on the tolerance concept in framework of the potential conflictogenity of the concept “society of universal tolerance”. The research, based on the analytical scientific works, deduces a general tolerance concept and variations of tolerant communities. In conclusion the author discovers that the tolerance principle out of all social and other contexts may not reduce conflictogenity in the society, but may increase it.

Keywords: tolerance; tolerance concept; inconsistency of tolerance; dialectical analysis; thought experiment; typology of tolerance.

For citation: Kazantsev O.A. Logical features and conflict potential of the tolerant society concept // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 119 – 127.

Введение

В современном мире, в котором активно происходят процессы глобализации в экономической, политической и культурной сферах, а повседневной повесткой становятся миграционные потоки из стран так называемого «третьего мира» в страны «мира первого», вопрос регулирования, нивелирования и снижения все нарастающей конфликтогенности обществ как никогда актуален *(Абрамова, 2019. С. 30)*. Одним из путей решения данной проблемы, выработанный авторами гуманитарных и социальных наук, признается распространение принципа толерантности или синонимичного ему мультикультурализма *(Цепкова, 2014. С. 35)* в образовательной, культурной и информационно-публичной сферах *(Исаева, 2011)*. Воспитание новых поколений в рамках толерантного отношения друг к другу и ко все более разнородным компонентам собственных обществ стали важной частью социальной политики многих развитых и развивающихся стран *(Бабич, 2009)*.

Тем не менее, наличие так называемого «правого поворота» *(Григорьев, 2017)* в политической ситуации западноевропейских стран и популярность там, а также в Соединенных Штатах правого популизма разного толка заставляют задуматься о су-

ществовании проблем во внедрении принципов толерантного общежития и взаимодействия. А присутствие помимо этих коллизий ситуаций «перегибов», активно распространяемых и обсуждаемых как раз лидерами и последователями движений правых популистов (и в принципе антитолерантного, реакционного дискурса) *(Григорьев, 2017)*, показывает оборотную сторону вводимых практик терпимости, например, в виде «новой этики» *(Магун, 2021; Скидельский, 2021)*. В связи с последним возникает более существенный вопрос: возможно, проблема не в непоследовательном внедрении толерантных принципов, а в самой их концептуальной сущности? Не содержит ли концепция толерантного общества внутренних противоречий и структурных лакун, которые впоследствии могут привести не к снижению, а, наоборот, к нарастанию конфликтности в общественном пространстве? Как представляется, именно такая постановка вопроса в теоретическом разрезе способна вывести проблему толерантности из идеологизированных обсуждений.

Социологическое моделирование и диалектика: методологические предпосылки для исследования принципа терпимости

Перед непосредственным анализом принципа терпимости как основы современных обществ необходимо ознакомиться с историей данной идеи и ее множественных вариаций среди авторов прошлого и настоящего, а также ввести одно методологическое допущение для дальнейшего исследования. В представленной работе исследовательскими методами станут мысленный эксперимент и диалектический анализ. Мысленный эксперимент, представленный в виде того, что следует характеризовать как «социологическое моделирование», развернется через абстрагирование выведенного ниже базового (первоначального) определения толерантности как ядра общественных отношений и последующего рассмотрения конструируемой модели общества. Диалектический анализ реализуется через обнаружение в описываемой модели толерантного общества противоречий и выявление той динамики, к которой это взаимодействие противоположностей приведет. Оба методологических допущений выступают необходимыми по двум причинам.

Первая состоит в том, что разнообразие эмпирического материала и многообразие практических проблем требует либо найти общую матрицу для рассмотрения всего полотна фактов, либо признать релятивистскую, относительную сущность принципа терпимости. Следовательно, из-за отрицания существования общего понятийно-логического идеала принципа толерантности и оставления лишь терминологического единства, исчезнет единство предмета исследования. Каждая конкретная идея толерантности и ее практическая реализация в той или иной стране или области общественной жизни станут отдельными, не связанными друг с другом предметами изучения. Именно в связи с этим представляется допустимым применить метод движения от абстрактного к конкретному (в нашем случае в виде мысленного эксперимента с диалектическим основанием), выработанный в свое время Гегелем и зафиксированный в работе «Кто мыслит абстрактно?» *(Гегель, 2006)*, в рамках социологического познания. Как представляется, в дальнейшем внедрение такого диалектического измерения в изучении социальной проблематики реализации концепции толерантности и не только позволит существенно расширить то, что американский социолог Чарльз Р. Миллс называл «социологическим воображением» *(Миллс, 2001. С. 13)*. Т. е. особыми методологическими основаниями социологии, позволяющими социальному исследователю различить совокупность субъективных мнений с прочими персональными случайными факторами от объективных процессов, образующих то общество, что налично представлено в данный исторический момент.

Вторая причина состоит в том, что известный философ, социолог и историк двадцатого столетия Карл Поппер отмечал в идеальной модели (чистой идее) толерантности как минимум одно противоречие: «неограниченная терпимость должна привести к исчезновению терпимости» *(Поппер, 1992. С. 328)* и «во имя терпимости следует провозгласить право не быть терпимыми к нетерпимым…» *(Поппер, 1992. С. 328-329)*. Таким образом, в истории философии и социальных наук как минимум один раз уже была отмечена противоречивая сущность толерантности как фундамента человеческого сообщества, что позволяет продолжить исследование в этом направлении.

Другой случай идентификации в толерантности противоречивого начала заметил представитель уже не формальной, а диалектической логики – философ и социолог, представитель Франкфуртской школы Герберт Маркузе в очерке «Репрессивная толерантность». В нем западный марксистский исследователь обосновывает положение, что принцип терпимости «является самоцелью», а «устранение насилия и уменьшение бремени подавления, дабы защитить человека и животных от жестокости и агрессии, — необходимые предпосылки создания гуманного общества» *(Маркузе, 2013)*. Но «такое общество пока не существует», а использование толерантности в современных Маркузе обществах характеризует как одну из форм тоталитарной идеологии. Ведь принцип терпимости в данном историческом периоде «усиливает тиранию большинства, против которой был направлен протест подлинных либералов… она превратилась в форму обязательного поведения по отношению к официальной политике… превратилась из активного состояния в пассивное…» *(Маркузе, 2013)*.

Из-за чего Герберт Маркузе предлагает «перевернуть» такую терпимость «в практику дискриминирующей толерантности как средство смещения равновесия между правыми и левыми — путём ограничения свободы правых и тем самым компенсации всепроникающего неравенства… и усиления угнетаемых в сравнении с угнетателями. Толерантность должна быть ограничена по отношению к движениям явно агрессивного или деструктивного характера» *(Маркузе, 2013)*. Таким образом, чтобы толерантность работала, стала из абстрактной идеи конкретной прогрессивной силой, Маркузе предлагает ее противоречивое применение – дискриминацию против регрессивных общественных элементов (опять же в понимании философа). То есть работающая толерантность по логической и практической необходимости должна быть противоречивой. В этом проходит согласие и Карла Поппера, и Герберта Маркузе.

Толерантность в свете истории: ретроспективный анализ становления принципа терпимости

Переходя к исторической части исследования об общественных практиках и теоретических интерпретациях принципа терпимости, а также становления толерантности как концепции, обратимся к статьям современных социальных исследователей С.Г. Ильинской, Е.В. Швачко и М.Б. Хомяков. Так, в статье последнего «Толерантность: парадоксальная ценность» доказывается, что в той или иной форме сообщества терпимости существовали всегда. Более того, толерантное отношение, как в эпоху крушения метанарративов и идеалов Просвещения, так и ранее, никогда не было чем-то универсально-формализованным и не может стать таковым: «понимание толерантности должно отказаться от поисков одной истинной во всех контекстах абстрактной модели... Плюрализм парадигм толерантности означает на деле множественность отношений, обозначаемых этим термином» *(Хомяков, 2003)*. Тем не менее, мы все равно пока останемся на позиции возможности нахождения некой идеальной «минимальной» модели принципа терпимости, который в той или иной форме часто реализовывался в разных человеческих сообществах.

В этом моменте присутствует схождение с Е.В. Швачко, которая в работе «Толерантность как психолого-социальный феномен» замечает: «для любого периода развития человеческих сообществ оказывается закономерным рассмотрение терпимости как одного из необходимых условий гармонизации социальных отношений» *(Швачко, 2001. С. 164)*. Но, что важно для нашего дальнейшего исследования, автор отмечает, например, что терпимость в христианском средневековом мире была не основным элементом общественного сознания и мировоззренческих идеалов, но дополнительным и исходящим из чего-то первостепенного – Бога, в данном случае *(Швачко, 2001. С. 159)*. Таким образом, толерантность не была в прошедшие века социальным фундаментом, «субстанцией общества» (как «причиной самой себя» по определению Спинозы), но всегда исходила из чего-то более основательного и необходимого. Даже после слома феодальных отношений и гегемонии западнохристианской церкви уже в период Просвещения толерантное отношение не стало фактически ядром здания общественных отношений. Оно все равно выводилось из более глубоких культурных, социальных, идеологических, экономических и политических условий. Например, принципы автономии личности, секуляризации, отголоски религиозных войн – все это стало «базисом» по отношению к толерантности как «надстройке».

В этом русле можно найти размышления С.Г. Ильинской в работе «Теория толерантности: проблема выбора методологии». В части, посвященной Канту и его категорическому императиву, российская исследовательница замечает, что выводимый им «трансцедентальный субъект Канта в действительности отвечал культурным установкам своего времени и принадлежал тому социальному кругу, в котором вращался сам философ» *(Ильинская, 2008)*. Т. е. индивид, способный соблюсти абстрактные логико-этические максимы, может существовать не в любом географическом и историческом моменте человечества, а сугубо в условиях европейского Просвещения. Тем не менее, мы не согласимся с автором, когда она разбирает полемику о терпимости, мультикультурализме и радикальном равенстве между современными гуманитарными исследователями (У. Кимлика, С. Бенхабиб, Ч. Тейлор). А именно, как будет показано далее, вывод исследовательницы о том, что принцип толерантности постепенно замещается мультикультурным радикальным равенством противоположных ценностей, идеалов и норм жизни, не до конца правомерен. Происходит не вытеснение толерантности, а ее логическая трансформация из одной формы в другую.

Отметив с помощью аналитических материалов выше необходимые штрихи для исторического обзора, остановимся на нем детальнее. Так или иначе, нормы и элементы терпимости присутствовали в структурах разных обществ. При этом они не были всеобщими, т. е. принцип толерантного отношения и принятия других, отличных от тебя, сам по себе был ограничен лишь некоторой группой, определенным количеством этих самых других и отличных. Например, античный греческий мир включал в себя как афинское общество с крайне дискриминационным отношением к женщине, так и спартанские общины, где дискриминация распространялась на другие общественные группы – илотов и детей с физиологическими дефектами. Вместе с тем, толерантность как в Греции, так и в Риме присутствовала в форме религиозной терпимости, т. к. многобожие в самой своей структуре, в отличие от монотеизма, имеет «пробелы» для включения новых божеств, а вслед за ними и верующих в этих богов людей *(Куприянова, 2010)*. Противоречивая природа толерантности проявлялась в нетерпимом отношении народных масс к тирании и олигархии, а также, порой, к аристократии как угрозам сложившегося сообщества *(Круглова, 2009. С. 135)*. Нетерпимое отношение складывалось к атеистически убежденным мыслителям, что до некоторой степени сохранилось и в средневековый период. Теоретические модели

обществ, разрабатываемые такими мыслителями, как Платон и Аристотель, не включали в себя чрезмерного расширения принципа толерантного отношения (хотя основатель Академии и вводил в «Государстве» гендерное равенство). Но некоторые софисты и скептические авторы говорили о терпимости как принятии законов и правил тех полисов и обществ, в которых человек находится *(Курбачева, 2017)*.

В период Средних веков терпимое отношение разных групп общества друг к другу регулировалось христианскими церковными институтами, если продолжать исторический анализ европейского мира. Толерантность исходила из принципов господствующей религии и идеи только ею правильно понимаемого Бога. Поэтому еретики и атеисты подвергались особо репрессивному остракизму. Ближе к периоду религиозных войн и сразу после них появилась целая плеяда мыслителей (Кузанский, Спиноза, Бейль, Локк), которые теоретизировали о прежде всего религиозной терпимости *(Куренной, 2009. С. 190)*. На границе Средневековья и Нового времени идея терпимости стала расширяться в силу секуляризации общества и формирования современных институтов государства *(Хабермас, 2011)*. Важной работой для данного периода стал труд «О свободе» Дж. Ст. Милля *(Куренной, 2009. С. 192)*.

Ближе к современности и в ходе дальнейшего формирования нынешних национальных государств и наций, а также после крупных военных конфликтов и начала интенсивного складывания мирового рынка, темы терпимости и толерантности поднимаются снова *(Круглова, 2011. С. 109)*. Критика и развитие идей терпимого отношения к различным другим происходят на фоне общественных движений по признанию прав женщин, национальных, религиозных и расовых меньшинств, социальных прав трудящихся и т. д. Важное воздействие на развитие теоретических дискуссий о толерантности сыграли движения ненасилия, например, толстовцев и М. Ганди *(Курбачева, 2017. С. 14)*. Такие социальные мыслители, как К. Ясперс, М. Бубер, Э. Левинас, Т. Адорно, М. Хоркхаймер, а также авторы, зачастую маркируемые как «постмодернисты» (М. Фуко, Ж.Ф. Лиотар и др.), сильно изменили представление о толерантности. Подвергнув сомнению и критике фундамент и универсализм Просвещения, данные социологи, историки и социальные мыслители создали теоретическое поле для внедрения терпимости уже ни как «надстроечного» момента (который сам основывается на чем-то более основательном), а как самого социального «базиса» *(Сыров, 2003. С. 52)*. Стирание старых культурных фундаментов, генезис более гибких и в некотором смысле «текучих идентичностей» вызывает новый тип толерантности, по Уолцеру, постмодернистский, где наличествует множественность переходящих друг в друга типов идентификаций *(Волкова, 2011. С. 256)*. Современная академическая и политическая полемика проходит между такими авторами, как У. Кимлика, С. Бенхабиб, Ч. Тейлора, Ю. Хабермаса, Ш. Муфф, где основными темами становятся вопросы реализации толерантного и мультикультурного общества, вопрос реакции на различные виды фундаментализма, уточнение определения терпимости в рамках выбираемой политической реализации (совещательная, консоциативная или антагонистическая демократия) и т. д.

Толерантность в свете логики: социологическое моделирование и выявление противоречий

Итак, зафиксировав исторический процесс развития идеи терпимого сообщества в европейской традиции и остановившись на важном моменте развенчания «мифа Просвещения» (и вообще «конца идеологий») после завершения Второй мировой войны, мы подчеркнули, что критика мыслителей того периода «высвободила» идею толерантности из культурно-исторического контекста и сделала ее абстрактным моментом. Притом политические движения тогда и сейчас ставят данную абстракцию в основание обществен-

ных отношений. Приняв это, попробуем найти примерное, изначальное и самое общее определение принципа толерантности, которое бы можно было выбрать для дальнейшего разворачивания нашего мысленного эксперимента или «социологического моделирования». Опираясь на приведенные выше аналитические статьи и словари, обозначим толерантность (а точнее лишь первую ее логическую форму) следующим образом. «Толерантность – это качество, характеризующее отношение к другому человеку как к равнодостойной личности и выражающееся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в другом иное…» *(Валитова, 2018)*. Или в более краткой формуле толерантность – это принятие Другого (Иного) с большей буквы, т. е. всех отличных от нас других и инаковых.

Данная первая форма толерантности предполагает (как и последующие), что все люди обладают теми или иными качествами (признаками), каждое из которых в чем-то отлично от другого. Все они вместе составляют большое множество всех возможных качеств человеческих существ. Это начальное условие для всего нашего мысленного эксперимента, как и то, что мы признаем наличие качеств, отличие которых доходит до противоположности друг другу. Тем не менее, мы все равно предполагаем в этом первичной форме толерантности и в том воображаемом обществе, которое на нем основано, что настоящая толерантность – это принятие любого, отличного от себя. Притом саму толерантность тоже можно воспринимать как качество, присущее людям. При чем предполагается, что все люди будут принимать данное качество в себя при вхождении в наше воображаемое сообщество. Но, к сожалению, такое наивное восприятие мира человеческих различий (культурных, экономических, этнических, гендерных и т. д.) как простого количества отсекает качественное понимание самого этого множества признаков. А именно среди них может найтись как минимум одно, которое является противоположностью самому принципу терпимости как качеству. Им может быть фашизм или любая другая человеконенавистническая идеология. Притом не принять людей, наделенных этим качеством, сообщество не может. Первый тип толерантности не позволяет это сделать, ведь его формула – это принятие любого иного, в том числе противоположного самому этому принципу, в связи с чем такое сообщество раскалывается из-за внутреннего противоречия.

Следующая, логически исходящая из первой формы толерантности, вторая форма предполагает ограничение принципа терпимости. Сужение того множества человеческих качеств и признаков, которые могут сосуществовать друг с другом в толерантном сообществе. Из определения другого необходимо изъять те качества, которые противоречат самому принципу терпимости, т. е. исключить или не принимать вовсе людей, наделенных этими неподходящими признаками. Но помимо идеологий и квази-религиозных крайностей, которые отторгают какую-либо терпимость и любых несогласных с собой, т. е. абсолютное большинство всех людей и иных социальных групп, есть отдельные, зачастую парные качества и признаки, которые противоположны и взаимно исключают друг друга. Верующие и неверующие, отдельные религии по отношению к другим религиям, сторонники войны и пацифисты, бедные и богатые и т. д. Т. е. существуют такие качества с их субъектами, которые по своей природе исключают и противополагают себя другим качеств и их носителям. Они относятся друг к другу нетерпимо и нетолерантно по самой своей природе. Не одна группа относятся ко всем остальным нетолерантно, как в случае с первой формой терпимости, а одна группа относится нетолерантно к другой, а ко всем остальным вполне терпимо. Появляются множество оппозиций противоположностей, что вновь раскалывает наше воображаемое общество с толерантным фундаментом. Возникает повторная необходимость в сокращении признаков в формулировке Другого для создания новой, более стабильной модели.

Третья форма терпимости сталкивается с большими трудностями в изменении определения Другого, чем предыдущие две. Если в первой форме в принципе терпимость ни к кому никак не ограничивалась, во второй толерантное отношение запрещалось только по отношению к тем, кто не принимает толерантность как фундамент общества, то в новой форме толерантного сообщества приходится пойти еще дальше. А именно признать, что та изначальная структура общества, с которой боролись (и борются в реальности) сторонники сообщества терпимости – с обществом привилегий *(Магид, 2020)* – необходимо частично реставрировать для продолжения существования терпимости как социального базиса. Имеется в виду, что в рамках кризиса предыдущей формы толерантности выявились многочисленные внутренние противоречия между разными качествами и группами, ими обладающими. И данные противоречия невозможно решить с помощью некоего объективного критерия, т. е. невозможно понять, какие именно группы следует лишить собственного положения, ограничить и исключить из определения Другого. В связи с этим конструкторы подобного общества с необходимостью придут к субъективному ограничению тех или иных групп и людей в их статусе для сохранения хотя бы минимальной толерантности как базиса. Это, разумеется, приведет к недовольству той половины общества, тех элементов из пар противоположностей, которые остались вычеркнутыми из нормальной жизни. Начнется новый кризис и старые противоречия в новом виде реактуализируются. Третья форма толерантности разрушится и из нее логически останется вывести последнюю, четвертую форму.

Четвертая форма толерантности, вырастая из войны всех против всех за право включения в определение Другого, неизбежно приходит к радикальной трансформации как всего общества, так и определения Другого. Так как после кризиса второй и третьей форм принципа терпимости стало понятно, что невозможно найти объективного критерия для производства наиболее справедливого для всего сообщества определения Другого, общество терпимости приходит к следующей структуре. Раз никто не может должным образом определить Другого, то каждый член сообщества сам волен решать, а кто же для него Другой – кого он приемлет и сможет принять. Но это приводит к ликвидации общества как целостной системы и единства. Принцип толерантности в нашем мысленном эксперименте проходит диалектическое развитие от абстрактного к конкретному и оборачивается своей противоположностью. Толерантность в своем завершенном логическом развитии перестает быть ответом на вопрос построения справедливого общества. Чистая терпимость, не основывающаяся на чем-то более фундаментальном, оборачивается полнейшей атомизацией. Другой с большой буквы, как оказалось, может существовать лишь в полной независимости от остального общества. Толерантность как абстрактная идея, в отрыве от социальных, культурных, исторических, экономических и политических конкретных контекстов, может служить инструментом устранения и снижения социальных конфликтов. Но эта минимизация конфликтогенности общества необходимо происходит вместе со стиранием самого социального поля.

Заключение

Таким образом, в нашем диалектическом, социологическом, моделировании выше, мы рассмотрели четыре формы толерантности в роли общественного базиса. В каждой из четырех моделей выявились противоречия, ведущие как в теории, так и на практике к конфликтам. Лишь четвертая форма терпимости эффективно нивелирует конфликтогенность общества, но вместе с тем и само общественное тело сводится к нулю. В проведенном мысленном эксперименте подтвердилась идея о противоречивости идеи толерантности, в связи с чем необходимо делается вывод о том, что чистая терпимость как таковая не может эффективно работать. В обществе должны быть более фундаментальные материальные, духовные и идеологические

условия, благодаря которым толерантное отношение сможет стать инструментом решения тех или иных конфликтов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Казанцев Осип Андреевич
Магистрант
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: koznew@bk.ru

Osip Andreevich Kazantsev
Master's Degree Student
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
E-mail: koznew@bk.ru

Литература

1. *Абрамова И.Е., Крамская С.В., Магомедова Е.В.* Толерантность как фактор стабилизации современного мира // Гуманитарные и социальные науки. 2019. № 2. С. 30-39.
2. *Бабич И.Л., Родионова О.В.* Теория и практика мультикультурализма / Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2009. №215. 49 с.
3. *Волкова Т.П.* Классические философские концепции мультикультурализма и толерантности // Вестник МГТУ. №2. 2011. С. 254-259.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Кто мыслит абстрактно? // Культурно-историческая психология. 2006. №2. С. 29-31.
5. *Круглова Н.В.* Виртуальность и реальность толерантности // Серия «Symposium». Виртуальное пространство культуры. Санкт-Петербургское философское общество, 2000. №3. С. 18-21.
6. *Круглова Н.В.* К вопросу о первом историческом типе толерантности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. №97. С. 131-137.
7. *Круглова Н.В.* Этапы становления толерантности как социокультурной нормы // Мир науки, культуры, образования. 2011. №4 (29). С.109-112.
8. *Курбачева О.В.* Концептуально-теоретическое осмысление феномена толерантности: историко-философский экскурс // Журн. Белорус. гос. ун-та. Философия. Психология. 2017. № 2. С. 12–17.
9. *Куренной В.А.* Толерантность // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. Под ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова при участии Т.А. Дмитриева. М.: Культурная революция. 2009. С. 190-192.
10. *Миллс Ч.Р.* Социологическое воображение. М.: 2001. 264 с.
11. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: 1992. Т 1. 448 с.
12. *Сыров В.Н.* Нарративность и толерантность // Дискурс-Пи. 2003. №1. С. 51-54.
13. *Цепкова И.Б.* Мультикультурализм как основа политики толерантности в условиях глобализации // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2014. №16 (143). С. 35-38.
14. *Швачко Е.В.* Толерантность как психолого-социальный феномен // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. №2. С.154-170.
15. *Валитова Р.Р.* Толерантность. Режим доступа: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6bc2e9803479862096bb.
16. *Григорьев Д., Соммерс Дж.* Альт-райт: радикальные альтернативные правые движения в трампистской системе координат. Режим доступа: https://globalaffairs.ru/articles/alt-rajt-radikalnye-alternativnye-pravye-dvizheniya-v-trampistskoj-sisteme-koordinat/.
17. *Ильинская С.Г.* Теория толерантности: проблема выбора методологии. Режим доступа: https://iphras.ru/uplfile/histpol/publish/the_theory_of_the_toleranse.doc
18. *Исаева З.Ш.* Толерантное поведение как способ решения конфликта. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnoe-povedenie-kak-sposob-resheniya-konflikta
19. *Куприянова Е.А.* Проблема религиозной толерантности в античной Греции // Вестник Мурманского Государственного Технического Университета. 2010. №2. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-religioznoy-tolerantnosti-v-antichnoy-gretsii
20. *Магид М.* Вина белой расы? Режим доступа: http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2020/07/28/the_fault_of_the_white_race/

21. *Магун А.* Откуда взялась «новая этика»? И насколько она левая и тоталитарная? Режим доступа: https://meduza.io/feature/2021/02/23/otkuda-vzyalas-novaya-etika-i-naskolko-ona-levaya-i-tota litarnaya

22. *Маркузе Г.* Репрессивная толерантность. Режим доступа: https://avtonom.org/news/gerbert-markuze-repressivnaya-tolerantnost

23. *Скидельский Э*. В «новой этике» действительно много тоталитарного. Режим доступа: https://meduza.io/feature/2021/02/17/v-novoy-etike-deystvitelno-mnogo-totalitarnogo

24. *Хабермас Ю.* Против «воинствующего атеизма». «Постсекулярное» общество - что это такое? Режим доступа: http://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/

25. *Хомяков М.Б.* Толерантность: парадоксальная ценность. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-paradoksalnaya-tsennost

References

1. Abramova I.E., Kramskaya S.V., Magomedova E.V. (2019). Tolerance as a factor in the stabilization of the modern world // Humanities and social sciences. No. 2. P. 30-39.

2. Babich I.L., Rodionova O.V. (2009). Theory and practice of multiculturalism // Research on applied and emergency ethnology. M.: IEA RAS, 49 p.

3. Kruglova N.V. (2000). Virtuality and the reality of tolerance // Series "Symposium". Virtual space of culture. St. Petersburg Philosophical Society. No. 3. P. 18-21.

4. Kruglova N.V. (2009). To the question of the first historical type of tolerance // News of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. No. 97. P. 131-137.

5. Kruglova N.V. (2011). Stages of the formation of tolerance as a socio-cultural norm // World of science, culture, education. No. 4 (29). P. 109-112.

6. Kurbacheva O.V. (2017). Conceptual and theoretical understanding of the phenomenon of tolerance: historical and philosophical excursion // Journal of the Belarusian State Institute. No. 2. P. 12-17.

7. Kurennaya V.A. (2009). Tolerance // Modern Western philosophy. Encyclopedic dictionary. In Heffe O., Malakhova V.S., Filatov V.P., Dmitriev T.A (Eds.). Moscow: Kul'turnaya revolyuciya. P. 190-192.

8. Popper K. (1992). *Open Society and its enemies*. Moscow: Feniks. Vol. 1.

9. Shvachko E.V. (2001). Tolerance as a psychological and social phenomenon // Sociology: theory, methods, marketing. No. 2. P. 154-170.

10. Syrov V.N. (2003). Narrativity and tolerance // Discourse-Pi. No. 1. P. 51-54.

11. Tsepkova I.B. (2014). Multiculturalism as the basis of tolerance policy in the context of globalization // Izvestia of Volgograd State Technical University. No. 16 (143). P. 35-38.

12. Volkova P. (2011). Classical philosophical concepts of multiculturalism and tolerance // Vestnik of Murmansk's State Technical University. No. 2. P. 254-259.

13. Grigoriev D., Sommers J. (2017). Alt-wright: radical alternative right-wing movements in the Trumpist coordinate system. https://globalaffairs.ru/articles/alt-rajt-radikalnye-alternativnye-pravye-dvizheniya-v-trampistskoj-sisteme-koordinat/

14. Habermas Yu. (2011). "Post-secular" society - what is it? Available at: http://www.islam-portal.ru/communication/stat/100/1411/.

15. Hegel G.W.F. (2006). Who thinks abstractly? // Cultural and historical psychology, 2, 29-31.

16. Ilyinskaya S.G. (2008). Theory of Tolerance: the problem of choosing a methodology. Available at: https://iphras.ru/uplfile/histpol/publish/the_theory_of_the_toleranse.doc.

17. Isaeva Z.S. (2011). Tolerant behavior as a way to resolve the conflict. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnoe-povedenie-kak-sposob-resheniya-konflikta.

18. Khomyakov M.B. (2003). Tolerance: paradoxical value. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/tolerantnost-paradoksalnaya-tsennost.

19. Kupriyanova E.A. (2010). The problem of religious tolerance in ancient Greece. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-religioznoy-tolerantnosti-v-antichnoy-gretsii.

20. Magid M. (2020). White supremacist wine? Available at: http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2020/07/28/the_fault_of_the_white_race/.

21. Magun A. (2021). Where did the "new ethics" come from? And how leftist and totalitarian is she? Available at: https://meduza.io/feature/2021/02/23/otkuda-vzyalas-novaya-etika-i-naskolko-ona-levaya-i-totalitarnaya.

22. Marcuse G. (2013). Repressive tolerance. Available at: https://avtonom.org/news/gerbert-markuze-repressivnaya-tolerantnost

23. Skidelsky E. (2021). In the "new ethics" there really is a lot of totalitarian. Available at: https://meduza.io/feature/2021/02/17/v-novoy-etike-deystvitelno-mnogo-totalitarnogo.

24. Valitova R.R. (2018). Tolerance. Available at: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHbb6bc2e9803479862096bb.

Поступила в редакцию ***29 августа 2021 г.***

УДК 316.44; 314.7
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.12

Этнические мигранты и модели национальной интеграции во Франции во второй половине XX – начале XXI века

А.В Лубский,
И.П. Чернобровкин
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются особенности ассимиляционной модели национальной интеграции, сложившейся во Франции во второй половине XX в., в рамках которой предполагался отказ мигрантов, ставших французскими гражданами, от своего языка и этнической культуры как условия их вхождения в гражданское сообщество. Выявляются причины перехода во Франции в начале XXI в. к антидискриминационной модели национальной интеграции, связанные с усилением этнизации французского общества и существованием негласной дискриминацией французов афроарабского происхождения.

Ключевые слова: национальная интеграция; ассимиляционная модель национальной интеграции; антидискриминационная модель национальной интеграции; этнические мигранты; этнизация общества; этническая дискриминация.

Для цитирования: Лубский А.В., Чернобровкин И.П. Этнические мигранты и модели национальной интеграции во Франции во второй половине XX – начале XXI века // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 128 – 136.

Ethnic migrants and models of national integration in France in the second half of the XX – early XXI centuries

Anatoly V. Lubsky,
Igor P. Chernobrovkin
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article deals with the features of the assimilation model of national integration developed in France in the second half of the XX century. The migrants who became French citizens were supposed to leave behind their language and ethnic culture as a condition of their entry to the civil society. The reasons for the transition to the anti-discrimination model of national integration connected with the strengthening of the ethnization of French society and the existence of tacit discrimination of French Afro-Arab origin in France at the beginning of the XXI century are revealed.

Keywords: national integration; assimilation model of national integration; anti-discrimination model of national integration; ethnic migrants; "ethnization" of society; ethnic discrimination.

For citation: Lubsky A.V., Chernobrovkin I.P. Ethnic migrants and models of national integration in France in the second half of the XX – early XXI centuries // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 128 – 136.

Введение

Одним из глобальных трендов современного мирового развития является усиление иммиграционных потоков в экономически развитые страны Запада. Это приводит к складыванию в этих странах конфликтогенных ситуаций и порождает дезинтеграционные процессы в национальных сообществах. В связи с этим сегодня исключительно остро стоит проблема повышения эффективности государственной политики национальной интеграции и институциональных практики в сфере межэтнических отношений в странах со сложной этнокультурной структурой.

Национальная интеграция представляет собой процесс объединения общества в единое целое в результате формирования нации в рамках государственного образования. Поэтому особенности национальной интеграции в развитых странах со сложной этнокультурной структурой обусловлены прежде всего спецификой формирования в них наций (*Шумаков, 2012. С. 36–41*). В зависимости от этого можно вы-

делить несколько моделей национальной интеграции: 1) модель национальной интеграции, основу которой составляет этнонация; 2) модель национальной интеграции, основу которой составляет полиэтническая политическая нация; 3) модель национальной интеграции, основу которой составляет полиэтническая гражданская нация; 4) модель национальной интеграции, основу которой составляет идеологическая нация. В частности, во Франции основой национальной интеграции первоначально являлась политическая нация, а затем в результате формирования гражданской нации, такой основой стал синтез политической и гражданской нации.

Сегодня Франция как одна из развитых стран со сложной этнокультурной структурой также сталкивается с проблемами национальной интеграции в условиях всплеска иммиграционных потоков в начале нынешнего века. Трудности, связанные с интеграцией мигрантов в национальное сообщество, порождающие межэтническую напряженность, переходящую в этнические конфликты и социальные беспорядки, выявили ограниченность сложившейся во второй половине XX в. модели национальной интеграции.

Этнические мигранты и модель национальной интеграции во Франции во второй половине XX века

В странах со сложной этнокультурной структурой теоретически можно выделить несколько идеальных типов национальной интеграции: 1) политическая интеграция, консолидирующим фактором которой является национально-государственная идентичность; 2) гражданская интеграция, консолидирующий фактор которой – национально-гражданская идентичность; 3) культурная интеграция, консолидирующим фактором которой является единый ценностный универсум; 4) идеологическая интеграция, консолидирующий фактор которой – единый идеологический универсум.

Во второй половине XX в. во Франции сложилась ассимиляционная модель национальной интеграции (*Schiff, Perroton, Fouquet, Armagnague, 2008; Bertossi, 2011; Simon, 2012*). Основой этой модели являлась политическая интеграция, которая позволяла этническим мигрантам, принявшим французское гражданство, интегрироваться во французскую нацию, обретая национально-гражданскую идентичность. В рамках этой модели интеграции не учитывались этнические различия индивидов, ставших французскими гражданами. Поэтому отношения между гражданами и французским государством не могли быть опосредованы особыми интересами людей, связанными с их этнической принадлежностью. В связи с этим этнические мигранты не признавались в качестве социальных групп с особыми интересами и правами, которые должны были учитываться государством.

Ассимиляционная модель национальной интеграции во Франции базировалась на принципах, связанных с ее политической традицией, основой которой являлись, с одной стороны, идеи либерального республиканизма, с другой – универсалистское понимание национальной интеграции. С позиций либерального республиканизма единство гражданского сообщества обусловливается приверженностью людей политическим ценностям свободы, равенства и демократии, а не языку и культуре. В либерально-республиканском понимании нации, истоки которого восходят к идеям Ж.-Ж. Руссо и Э. Ренана, нацию образует гражданское сообщество, формирующееся в результате выражения общей воли народа при учреждении государства в контексте общей истории. В либеральном республиканизме «народ» понимается в значении «демоса» как совокупности граждан, которые, обладая избирательными правами и участвуя в политическом процессе, воспринимают себя политически свободными и равными в правовом отношении. Республика организует разделение между государ-

ством и церковью, государственными и частными сферами, оставляя межэтнические отношения сфере частной жизни.

Универсалистское понимание национальной интеграции основывалось на представлении о том, что достижение гражданского единства во Франции возможно только на основе национально-государственной идентичности, превращающий индивидов во французских граждан-патриотов (*Simon, Beauchemin, Hamel, 2010. P.14*). В рамках универсалистского понимания национальной интеграции, базирующейся на принципе «единства в сходстве» (*Bosswick, Heckmann, 2007 P. 534*) то есть национально-государственного единства в национально-гражданском равенстве, официально не признались партикулярные или групповые интересы этнических мигрантов. При этом принцип «единства в сходстве» поддерживался традиционным убеждением, что французская национальная культура обладает безграничными возможностями для ассимиляции индивидов с иммигрантским прошлым и превращения их во французских граждан-патриотов.

Поскольку государство во Франции официально не признавала особых интересов этнических группы, то в рамках ассимиляционной модели национальной интеграции этнические мигранты считались равными на основе принятия французского гражданства и этнической эмансипации в рамках французской культуры.

В этом плане французская ассимиляционная модель национальной интеграции отличалась от ассимиляционной модели национальной интеграции, сложившейся, например, в Германии во второй половине XX в. В немецкой традиции нация долгое время рассматривалась исключительно как этнонация, то есть общность этнокультурного происхождения, объединенная единой политической системой. В связи с этим политика национальной интеграции в Германии в то время базировалась на представлении о необходимости совпадения политических и культурных границ. В связи с этим в основу национальной интеграции был положен принцип «одна этнонация – одна национальная культура» (*Филиппова, 2005. С. 48–63*). Реализация этого принципа в политике национальной интеграции нашла непосредственное отражение в концепции германского гражданства, основанного на этнокультурном национализме. В рамках этой концепции политическая интеграция этнических мигрантов в немецкое общество была крайне затруднена, поскольку предоставление гражданства в Германии осуществлялось на основе «права крови», и поэтому немецкое гражданство могли получать этнические немцы, родившиеся в том числе и в других странах. В связи с этим вплоть до принятия «Закона о гражданстве» в 1999 г. понятия «немец» и «гражданин» в Германии употреблялись как синонимы (*Лубский, 2018. С. 741–742*).

Таким образом, если в Германии ассимиляционная модель предполагала интеграцию этнических мигрантов путем их натурализации, то ассимиляционная модель интеграции во Франции первоначально исходила из необходимости принятие этническими мигрантами французского гражданства. Поэтому в рамках ассимиляционная модели национальной интеграции во Франции мультикультурализм, отождествляемый с коммунитаризмом, воспринимался как угроза идеям либерального республиканизма и вызов французской национальной идентичности (*Amiraux, Simon, 2006. P. 191–192*).

Ассимиляционная модель национальной интеграции во Франции изначально содержала в себе внутреннее противоречие. С одной стороны, в качестве основы национальной интеграции провозглашались ценности свободы, равенства и демократии, а с другой – интеграция предполагала отказ мигрантов, ставших французскими гражданами, от своей этнической культуры как условия их вхождения в гражданское сообщество во Франции (*Bosswick, Heckmann, 2007).*

В условиях усиления иммиграционных потоков во Франции стали появляться различные этнические группы, настаивающие на сохранении своей культурной са-

мобытности. Поэтому дальнейшая реализация ассимиляционной модели национальной интеграции могла привести к эскалации межэтнической напряженности во французском обществе, в котором в начале XXI в., например, мусульман насчитывалось свыше 3,7 млн. чел. Из них 1,7 млн. чел. являлись иммигрантами, 1,7 млн. – детьми иммигрантов, то есть теми, у которых хотя бы один из родителей родился во Франции и, 300 тыс. чел. – внуками иммигрантов, среди которых 80% – это лица моложе 18 лет *(Шумаков, 2012. С. 20–38).* Кроме того, результаты социологических исследований во Франции выявили наличие дискриминации французов афроарабского происхождения, связанной с их доступом к трудоустройству и жилью *(L'accès à l'emploi et au logement s'améliore pour les immigrés à Paris mais les inégalités et les discriminations persistent, 2018).*

Переход к антидискриминационной модели национальной интеграции во Франции в начале XXI века

Переход к антидискриминационной модели национальной интеграции во Франции начался в период премьерства социалиста М. Рокара (1988–1991 гг.), которым была заявлена политика долгосрочной интеграции французского общества *(Simon P., Tiberj, 2012. P. 26).* В 1989 г. была учреждена должность Генерального секретаря по вопросам интеграции, создан межведомственный Комитет по интеграции, а также Верховный Совет интеграции для составления отчетов и предложений по всем вопросам, касающимся интеграции граждан иностранного происхождения. Начались также политические дискуссии об интеграции французского общества и уважении его ценностей. В частности, прошли дебаты о религиозных символах в публичной сфере, закончившиеся официальным запретом ношения религиозных символов в учебных заведениях.

Переходу к антидискриминационной модели национальной интеграции во Франции способствовала прежде всего политическая дискуссия «об этнической статистике», связанной со сбором данных об этнической принадлежности французских граждан. Дискуссия развернулась между сторонниками детального анализа этнического состава французского общества в целях борьбы с этнической дискриминацией и противниками «этнического учета», создающего, как они считали, дополнительные риски этнической стигматизации и «этнизации» французского общества. Идеологическая подоплека этой дискуссии состояла в том, что она велась между традиционалистами, которые отстаивали ортодоксальные республиканские принципы светского государства, и поэтому отказывались делать какие-либо уступки политике мультикультурализма, и умеренными либеральными республиканцами, исходившими из необходимости поддерживающими сочетания элементов культурного плюрализма с ключевыми республиканскими принципами национальной интеграции. В начале нынешнего века возобладала, хотя и в ограниченной степени, точка зрения сторонников «этнической статистики», добившихся официального разрешения фиксировать в мониторинговых обследованиях и переписи населения этническую родину мигрантов.

Окончательный переход к антидискриминационной модели национальной интеграции завершился принятием во Франции в 2001 г. «Закона о борьбе с дискриминацией по признакам расового и этнического происхождения» и созданием «Комиссии равенства возможностей и антидискриминации». Большое влияние на переход к антидискриминационной модели национальной интеграции оказали массовые беспорядки во Франции, инициированные малообеспеченной молодежью из депрессивных «цветных пригородов» осенью 2005 г. В научной литературе исследователи выделяют различные группы факторов, приведшие к массовым беспорядкам во

Франции осенью 2005 г. Это – обострением культурно-этнических противоречий, **исламский фактор,** криминализация пригородов, социальные проблемы жителей беднейших окраин.

При этом многие исследователи считают, что основным был последний фактор, связанный с существенной разницей в уровне жизни жителей центра и окраин в условиях старения в пригородах жилищного фонда, ухудшения сферы муниципальных, социальных и коммунальных услуг, закрытия государственных учреждений, высокого уровня безработицы, сокращения дотаций из центра по мере свертывания производства, обнищания населения. В связи с этим исследователи отмечают, что в таких условиях во Франции сложилась парадоксальная ситуация: «имея на бумаге те же права и возможности, что и остальные французы, жители пригородов оказались гражданами второго сорта» *(Bertossi Ch., 2011. P. 115).* Поэтому участники массовых беспорядков во Франции, выступавшие под лозунгом социального равенства, требовали прежде всего ликвидации негласной дискриминации жителей окраин.

В настоящее время предметом антидискриминационной интеграционной политики является как население иностранного происхождения, так и французские граждане с иммигрантским прошлым (в основном иммигранты второго и третьего поколения). Хотя у иностранцев во Франции нет законных политических прав, они имеют равные права с французскими гражданами в таких областях, как доступ к образованию, создание организаций, членство в профсоюзах. Право создавать низовые организации было основным средством участия иностранцев и многих их потомков в социальной, экономической, культурной и политической жизни, начиная с 50-х гг. прошлого века. В настоящее время во Франции существует многочисленная сеть малых и средних организаций для поощрения и защиты иностранцев, а также различных общин иммигрантов. Эти организации, называемые «ассоциациями», варьируются от небольших местных организаций лиц одного и того же происхождения, проводящих в основном культурные мероприятия, до крупных организаций, созданных на религиозной или этнонациональной основе, функции которых собирать деньги для реализации проектов на родине, управлять религиозными практиками или предлагать языковые курсы иммигрантам.

Многие из этих ассоциаций получают государственное финансирование от муниципалитетов или национальных агентств, таких, например, как Агентство социального страхования и лингвистики, которое финансирует местные программы национальной интеграции и борьбы с дискриминацией. Ассоциации и их лидеры могут выступать в качестве официальных или неофициальных партнеров администрации на местном уровне по вопросам обновления городов, образовательных программы для социально неблагополучных групп или профилактическим мерам против насилия среди молодежи.

В рамках антидискриминационной интеграционной политики во Франции особое внимание уделяется ее реализации на местном уровне. Это обусловлено, как считают исследователи, тем, что «по мере того как человек опускается с национального на местный уровень, принцип непризнания меньшинств отбрасывается активным участием и множественными партнерствами, подразумевая организации, которые более или менее открыто представляют определенные этнические группы в диалоге с властью. Это создает форму конкуренции между группами и отдельными лицами на местном уровне, которые, чтобы получить долю ограниченных ресурсов, предлагаемых государственными субсидиями для ассоциаций, должны доказать, с одной стороны, что они являются представительным субъектом местного населения и могут предлагать столь необходимые услуги, а с другой стороны, что их членство не ограничивается этническим или расовым происхождением» *(Simon, Tiberj, 2012. P. 16).*

В настоящее время во Франции с учетом рекомендации ЕС и ее национальных особенностей для характеристики политики национальной интеграции в экономической, социальной, культурной и политической сферах используются семь индикаторов: натурализация, образование, рынок труда, жилье, социальное обеспечение, гражданское участие и национальная идентичность *(Rudiger, Spenser, 2003).* Характер натурализации свидетельствует о доступности гражданства для этнических мигрантов. Образование рассматривается как основа и первичное средство их интеграции во французское общество. Рынок труда характеризует политику интеграции страны с точки зрения степени ее селективности и условий его доступности для этнических мигрантов. Жилищная политика свидетельствует о развитости организационной поддержки переселенцев, о рисках поселенческой сегрегации и мерах противодействия поселенческой изоляции, об уровне удовлетворения запросов в социальном жилье местного населения и мигрантов и их социально-экономическом положении. Политика социального обеспечения призвана минимизировать жизненные риски различных социальных групп, возникающие не по их вине. Гражданское участие свидетельствует о степени социальной солидарности в обществе.

Условием национальной интеграции и фактором социальной консолидации общества является национальная идентичность, или «чувство принадлежности к нации» *(The Integration of Immigrants in European Societies, 2003. P. 12)*. В 2007 г. во Франции было создано Министерство иммиграции, интеграции и совместного развития, задачей которого было укрепление национальной идентичности. Проблемы формирования национальной идентичности во Франции на рубеже веков были обусловлены тем, что в стране значительно выросло число иммигрантов с двойным гражданством (с 7 % в 1992 г. до 67 % в 2008 г.). Доля лиц с двойным гражданством особенно высока среди иммигрантов из Северной Африки (две трети имеют двойное гражданство), турецких иммигрантов (55%) и португальских иммигрантов (43%). Низкое двойное гражданство наблюдается среди иммигрантов из Юго-Восточной Азии (менее 10%) *(http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/.., 2019. P. 115–116).*

В связи с этим во Франции началась критика институциональных практик двойного гражданства, порождающих, как считают их противники, дефицит национальной идентичности у мигрантов и умаляющих значимость их принадлежности к французской нации. В 2009 г. правительство инициировало дискуссию «О национальной идентичности», в центре внимания которых были вопросы: «что значит быть французом» и «вклад иммиграции в национальную идентичность». Материалы дискуссии нашли отражение на специальном веб-сайте «Что такое французская идентичность?» *(Sommaire, 2006. P.1).* Хотя критики двойного гражданства воспринимали дискуссию как «политическую уловку» его сторонников, дискуссия оказалась иллюстрацией сомнений в лояльности иммигрантов. Национальным фронтом во главе с Ле Пеном было подготовлено письмо, в котором предлагалось запретить двойное гражданство, поскольку «двойная лояльность» подрывает основания государства. Однако в целом в дискуссии возобладала точка зрения, что двойное гражданство являются «краеугольным камнем национальной интеграции» *(Волков, Лубский, 2019).*

Социологические исследования, проведенные во Франции, показали отсутствие тесной связи между национальной идентичностью и гражданством: 98 % населения страны ощущают себя французами, испытывают чувство гордости за свою французскую принадлежность. Среди иммигрантов, принявших французское гражданство и усвоивших историко-культурное наследие Франции, 54 % считают себя французскими патриотами. При этом уровень ценностно-эмоциональной привязанности мигрантов к Франции варьируется в зависимости, прежде всего, от культурной

дистанции между группами мигрантов и французским населением. Так, процент тех, кто «чувствует себя во Франции, как дома», самый высокий среди иммигрантов из ЕС (59 %), в особенности из Испании (76 %), Италии (76 %), Португалии (73%), более низкий среди иммигрантов из Турции (54 %) и Африки (42 %) (Latraverse, 2011).

Таким образом, принятие/непринятие французского гражданства мигрантами автоматически не определяет их национальную идентичность. Она зависит от усвоения ими историко-культурного наследия данной страны, от культурной дистанции, сохраняющейся между этническими группами во Франции, и от опыта осуществления индивидуальных жизненных планов в различных сферах общества, свободных от дискриминации.

Выводы

В послевоенной Франции в условиях интенсивного использования этнических мигрантов в качестве дополнительной рабочей силы стала складываться ассимиляционная модель национальной интеграции, просуществовавшая до конца XX в. В рамках политической традиции, идущей от Французской революции конца XVIII в., ассимиляционная модель национальной интеграции модель базировалась на идеях либерального республиканизма и таких его ценностях, как свобода, равенство и демократия. Поэтому основой этой модели выступала политическая интеграция, позволявшая этническим мигрантам, принявшим французское гражданство, интегрироваться во французское общество, обретая национально-гражданскую идентичность. В связи с этим в рамках ассимиляционной модели национальной интеграции не учитывались этнические различия индивидов, ставших французскими гражданами.

Ассимиляционная модель национальной интеграции во Франции предполагала отказ мигрантов, ставших французскими гражданами, от своего языка и этнической культуры как условия их вхождения в гражданское сообщество. В условиях притока этнических мигрантов во французском обществе стали появляться различные этнические группы, претендовавшие на сохранении своей этнокультурной самобытности. Кроме того, в условиях «этнизации» французского общества усилилась дискриминация французов на этнической основе. В связи с этим ассимиляционная модель национальной интеграции оказалась в кризисе, и во Франции начался переход к новой ее модели антидискриминационного характера.

Переходу к этой модели национальной интеграции способствовали, во-первых, политическая дискуссия во Франции «об этнической статистике», связанная со сбором данных об этнической принадлежности французских граждан, во-вторых, принятие в 2001 г. «Закона о борьбе с дискриминацией по признакам расового и этнического происхождения» и создание «Комиссии равенства возможностей и антидискриминации», в-третьих, массовые беспорядки осенью 2005 г., связанные с усилением социального неравенства во французском обществе, обнищанием жителей депрессивных французских пригородов, а также негласной этнической дискриминацией их жителей.

В настоящее время основными индикаторами антидискриминационной модели национальной интеграции во Франции выступают натурализация, образование, рынок труда, жилье, социальное обеспечение, гражданское участие и национальная идентичность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Лубский Анатолий Владимирович
Доктор философских наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований,
Южный федеральный университет
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: avlubsky@gmail.com

Anatoly Vladimirovich Lubsky
Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies,
Southern Federal University.
Rostov-on-Don,
e-mail: avlubsky@gmail.com

Чернобровкин Игорь Павлович
Профессор, доктор философских наук, доцент кафедры конфликтологии и национальной безопасности,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
e-mail: garyk1943@yandex.ru

Igor Pavlovich Chernobrovkin
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Associate Professor of the Department of Conflictology and National Security,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
e-mail: garyk1943@yandex.ru

Литература

1. *Волков Ю.Г., Лубский А.В.* Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография. В 2 кн. Кн. 2. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2019, 384 с.

2. *Лубский А.В.* Нациестроительство и модели национальной интеграции в ФРГ // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 2. С. 48-63.

3. *Филиппова Е.И.* Французы, мусульмане: в чем проблема? // Этнографическое обозрение. 2005. № 3. С. 20-36

4. *Amiraux V., Simon P.* There are no Minorities Here. Cultures of Scholarship and Public Debate on immigrants and Integration in France //International Journal of Comparative Sociology. 2006, Vol. 47. No 3–4. P. 191-215.

5. *Bertossi Ch.* National Models of Integration in Europe: A Comparative and Critical Analysis // American Behavioral Scientist. 2011. Vol. 55. No 12. P. 1561-1580.

6. The Integration of Immigrants in European Societies. National Differences and Trends of Convergence / Eds. F. Heckmann, D. Schnapper. Stuttgar: Lucius & Lucius, 2003, 261 p.

7. *Rudiger A., Spenser S.* Social Integration of Migration and Ethnic Minorities. Policies to Combat Discrimination // Conference Jointly organized by The European Commission and the OECD. Brussels, 21–22 January 2003.

8. *Schiff C., Perroton J., Fouquet B., Armagnague M.* Country Report on Ethnic Relations: France. Budapest: Central European University, Center for Policy Studies, 2008.

9. *Simon P.*, Tiberj V. Les registres de l'identité. Les immigrés et leurs descendants face à l'identité nationale // Document de travail. 2012. No 176.

10. *Sommaire J-Cl*. La crise du "modèle français d'intégration". Une proposition d'outil // Vie Sociale. 2006. Vol. 4. No 4. P. 13-25.

11. *Simon P., Beauchemin C., Hamel Ch.* Trajectoires et origines: enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats // Document de travail. 2010. No 168.

12. *Шумаков А.* Ноябрьские беспорядки 2005 года во Франции: фокус восприятия и интерпретации. Режим доступа: https://avtonom.org/freenews/noyabrskie-besporyadki-2005-goda-vo-frantsii-fokus-vospriyatiya-i-interpretatsii

13. *Bosswick W., Heckmann F.* Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities. Режим доступа: http://www.eurofound.europa.eu/publications/htmlfiles/ef0622.htm

14. L'acquisition de la nationalité française. Режим доступа: http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politiqueimmigration/acquisition- nationalite-francaise/

15. L'accès à l'emploi et au logement s'améliore pour les immigrés à Paris mais les inégalités et les discriminations persistent. Режим доступа: https://www.insee.fr/fr/statistiques/1290618

16. *Latraverse S.* Report on Measures to Combat Discrimination. Country Report 2011. Режим доступа: https://www.refworld.org/pdfid/525534b70.pdf

References

1. Amiraux V., Simon P. (2006). There are no Minorities Here. Cultures of Scholarship and Public Debate on immigrants and Integration in France // International Journal of Comparative Sociology. Vol. 47. No 3–4. P. 191-215.

2. Bertossi Ch. (2011). National Models of Integration in Europe: A Comparative and Critical Analysis // American Behavioral Scientist. Vol. 55. No 12. P. 1561-1580.

3. Filippova E.I. *(*2005). French, Muslims: what's the problem?// Jetnograficheskoe obozrenie. No 3. P. 20-36.

4. Lubsky A.V. (2018.) Nation-building and models of national integration in Germany // Novoe proshloe / The New Past. No. 2. P. 48-63.

5. Rudiger A., Spenser S. Social Integration of Migration and Ethnic Minorities. Policies to Combat Discrimination // Conference Jointly organized by The European Commission and the OECD. Brussels, 21–22 January 2003.

6. Schiff C., Perroton J., Fouquet B., Armagnague M. *(*2008). Country Report on Ethnic Relations: France. Budapest: Central European University, Center for Policy Studies,

7. Simon P., Tiberj V. (2012). Les registres de l'identité. Les immigrés et leurs descendants face à l'identité nationale // Document de travail. No 176.

8. *Simon P., Beauchemin C., Hamel Ch. (*2010). Trajectoires et origines: enquête sur la diversité des populations en France. Premiers résultats // Document de travail. No 168.

9. Sommaire J-Cl. (2006). La crise du "modèle français d'intégration". Une proposition d'outil // Vie Sociale. Vol. 4. No 4. P. 13-25.

10. The Integration of Immigrants in European Societies. (2003). National Differences and Trends of Convergence / Eds. F. Heckmann, D. Schnapper. Stuttgar: Lucius & Lucius, 261 p.

11. Volkov Ju.G., Lubsky A.V. *(*2019). Russian reality in the space of sociological discourse: monograph. In 2 books. Book 2. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Press, 384 p.

12. Bosswick W., Heckmann F. Integration of migrants: Contribution of local and regional authorities. Available at: http://www.eurofound.europa.eu/publications/htmlfiles/ef0622.htm

13. L'acquisition de la nationalité française. Available at: http://www.vie-publique.fr/politiques-publiques/politiqueimmigration/acquisition- nationalite-francaise/

14. L'accès à l'emploi et au logement s'améliore pour les immigrés à Paris mais les inégalités et les discriminations persistent. Available at: https://www.insee.fr/fr/statistiques/1290618

15. Latraverse S. Report on Measures to Combat Discrimination. Country Report 2011. Available at: https://www.refworld.org/pdfid/525534b70.pdf

16. Shumakov A. November 2005 riots in France: focus of perception and interpretation. Available at: https://avtonom.org/freenews/noyabrskie-besporyadki-2005-goda-vo-frantsii-fokus-vospriyatiya-i-interpretatsii

Поступила в редакцию ***17 августа 2021 г.***

УДК 327
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.13

Местные и международные последствия миротворческой операции в Афганистане

М. П. Мындру
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Миротворческая операция в Афганистане официально завершена 31 августа 2021 года. Исламская Республика Афганистан столкнулась с социально-экономическим коллапсом и расширением наркобизнеса, а «Талибан» вернулся к власти, в связи с чем и актуализируется проблема последствий завершения миротворческой операции и прихода «Талибана» к власти в Афганистане. Данная работа призвана выявить наиболее вероятные последствия завершения миротворческой операции в Афганистане, ожидающие как саму Исламскую Республику Афганистан, так и Центральную Азию, а также таких крупных акторов международных отношений, как Российская Федерация, Соединенные Штаты Америки, Китайская Народная Республика и Республика Индия.

Ключевые слова: Талибан; Центральная Азия; Афганистан; исламский фундаментализм; Пуштунвали; Исламский эмират Афганистан.

Для цитирования: Мындру М.П. Местные и международные последствия миротворческой операции в Афганистане // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 137 – 142.

Local and international consequences of the peacekeeping operation in Afghanistan

Maxim P. Myndru
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The peacekeeping operation in Afghanistan was officially completed on August 31, 2021. The Islamic Republic of Afghanistan has faced a socio-economic collapse and the expansion of drug business, and the Taliban has returned to power, which is why the problem of the consequences of the completion of the peacekeeping operation and the Taliban's coming to power in Afghanistan is becoming urgent. This work is aimed at identifying the most likely consequences of the completion of the peacekeeping operation in Afghanistan, awaiting both the Islamic Republic of Afghanistan itself and the Central Asia region, as well as such major actors in international relations as the Russian Federation, the United States of America, the People's Republic of China and the Republic of India.

Keywords: The Taliban; Central Asia; Afghanistan; Islamic fundamentalism; Pashtunwali; Islamic Emirate of Afghanistan.

For citation: Myndru M. P. Local and international consequences of the peacekeeping operation in Afghanistan // Caucasian Science Bridge. 2021. Vol. 4 № 2. P. 137 – 142.

Начатая 7 октября 2001 года в ответ на террористические акты 11 сентября миротворческая операция в Афганистане под предводительством США и Международных сил содействия безопасности НАТО (International Security Assistance Force), преследующая цели борьбы с международным терроризмом (США не признали «Талибан» террористической организацией) и повлекшая свержение режима талибов в декабре 2001 года, официально завершена 31 августа 2021 года. В результате Афганистан столкнулся с расширением наркобизнеса и социально-экономическим коллапсом *(Литвинов, 2021)*, а «Талибан» вернул себе роль главной действующей политической силы государства. В связи с данными фактами и актуализируется проблема последствий завершения миротворческой операции и прихода «Талибана» к власти в Афганистане. Целесообразно выявить последствия, начиная именно с местных (внутренних), следуя от них к международным.

Очевидно, что главным внутренним последствием будет формирование «общеафганского проекта». По заверениям талибов, он включает следующие пункты:

– политическое и экономическое восстановление государства;
– амнистия для сотрудничавших ранее с оккупантами;
– гражданские свободы для всех (в том числе для женщин) в «рамках шариата»;
– политическое урегулирование под самостоятельным руководством талибов;
– сохранение приверженности международным конвенциям при совместимости таковых с исламскими принципами (Что ждет Афганистан…, 2021).

Однако в настоящее время «Талибан» призывает всех трудящихся афганских женщин не выходить из дома в одиночку во избежание инцидентов, поскольку, как заявляет секретарь движения «Талибан» Забихулла Муджахид, силовые службы не обучены тому, как вести себя с женщинами и как разговаривать с ними *(Убийство…, 2021)*. Это свидетельствует о том, что отдельно взятые полевые командиры и их подразделения могут допускать перегибы.

Талибы обещали, что все желающие смогут уехать из страны, но в конце августа 2021 заявили, что такое право имеют только иностранцы. Также присутствуют такие перегибы, как составление чёрного списка афганцев, сотрудничавших с прежним правительством и иностранцами, в том числе и деятелей культуры (убийства фолк-певца Фавада Андараби и комика Назара Мохаммада по прозвищу Хаша Цван). Запрета на телевидение и фотографии больше нет, но публичное прослушивание музыки по-прежнему запрещено, о чем честно признавались талибы. Стоит отметить, что во избежание перегибов была создана Комиссия по «чистке рядов талибов от плохих людей *(В Афганистане…, 2021)*.

Следующим последствием будет являться борьба с наркоторговлей, которая будет иметь огромное местное и международное значение. Талибы имеют внушительный и успешный исторический опыт борьбы с наркотрафиком. В период их прежнего пребывания у власти (1996 - 2001 гг.), когда в июле 2000 года лидер организации мулла Омар завил, что выращивание опиума не соответствует нормам ислама, наркотрафик из Афганистана упал на 90% *(Эксперты рассказали…, 2021)*. Министерство здравоохранения оперативно подключилось по борьбе с данным явлениям, кроме медицинских работников и полицейские устраивают рейды по территориям страны, отправляя в лечебные центры всех употребляющих наркотики людей. С другой стороны, при очевидных экономических проблемах и наличии перегибов на местах отдельные группы талибов могут получать прибыль от торговли опиумом следующим образом: - взимая «налог» в размере 10 % с дехкан, выращивающих мак; - взимая плату за охрану поставок опия и заводов по переработке героина.

Ещё одно последствие, имеющее двустороннее значение - борьба с ИГИЛ. 8 октября 2021 года произошел теракт в Кундузе, а 15 октября по такому же сценарию произошел теракт в мечети шиитской общины в Кандагаре *(Две тысячи…, 2021)*. Ответственность за произошедшее взяло «Исламское государство». Боевиками ИГИЛ на территории Афганистана являются и бывшие члены «Талибана», изгнанные за нарушения или покинувшие движение из-за преследования. Важна и идеологическая составляющая, «Исламское государство» преследует идеи «глобального халифата», афганский «Талибан» интересуется исключительно развитием в Афганистане и самого государства.

Другим внутренним последствием является обретение политической и пропагандистской гибкости «Талибаном». Лидеры «Талибана» никогда не отказывались от своей идеологии, основанной на фундаменталистском толковании ислама и Пуштунвали, но они осмыслили период прежнего пребывания у власти и допущенные серьезные ошибки.

Переходя к международные последствиям, важно начать с того, что мировое сообщество увидело успешный пример отказа от выступления с джихадистскими

призывами к мусульманской Умме. Талибы показали, что взаимодействие с мировыми центрами силами (РФ, КНР, США), вместо «глобального джихада», может быть успешным *(Семенов, 2021)*.

Другое вероятное международное последствие - отсутствие прямой угрозы для Центральной Азии со стороны Афганистана с наличием косвенной угрозы – исходом беженцев и джихадистов среди них. Действия талибов внутри государства в силу существующей ситуации могут трактоваться на отдельно взятых точках как недопустимые, но за ними не было зафиксировано участия в террористической деятельности вне Афганистана *(Чем соседним странам…, 2021)*. Исторически и исходя из приверженности деобандизму и собственному кодексу чести, члены «Талибана» не делали заявок на экспорт собственного влияния вне пределов международно признанных границ Афганистана. «Талибан» намерен следовать договоренностям не пересекать границу с Узбекистаном и Таджикистаном. При этом совершенно нельзя исключать следующей опасности: среди вытесненных из Афганистана беженцев могут находиться бывшие джихадисты, в том числе выходцы из центральноазиатских республик.

Следующее последствие - привлекательность успеха «Талибана» для Таджикистана и стран Центральной Азии. Снижающийся уровень жизни населения республик Центральной Азии может привести к тому, что талибские лозунги ислама станут хорошим подспорьем для действий для среди населения. Особенно актуально это для Таджикистана, где имеется историческая подоплёка *(Таджикистан и «Талибан»…, 2021)*. Всякий рост исламизма в государствах постсоветской Азии представляется угрозой для существующей власти, а потому жёстко пресекается. Вероятное обострение ситуации способно затронуть большую часть региона Центральная Азия, аналогично «арабской весне», следствием чего будет и исход миллионов беженцев. По прогнозам американских аналитиков, при таком сценарии количество беженцев составит порядка 30 млн человек.

Другое значимое последствие - триумф афганских талибов способен воодушевить «Техрик-и-Талибан Пакистан». Вопреки тому факту, что исторически афганский «Талибан» связан с Пакистаном, и схожести наименований, отношения между афганскими и пакистанскими талибами нельзя назвать однозначными. В ходе миротворческой операции в Афганистане между ними нередко происходили столкновения, но суть в том, что успех афганского «Талибана» - наглядное руководство по ведению асимметричных военных действий в Пакистане, где значительно увеличилось число террористических актов «Техрик-и-Талибан Пакистан» с момента вывода сил США из Афганистана. Не менее примечательно, что, несмотря на противоречия афганского и пакистанского движений «Талибан», они не спешат вступать в открытую конфронтацию.

Между тем, весомым может стать и такое последствие, как обострение ситуации в Кашмирском регионе. Август 2019 года стал моментом, когда власти Индии предпочли более существенным образом ограничить автономию Кашмира и его мусульманского населения *(Кортунов, 2021)*. В настоящее время, успех афганского «Талибана» может активизировать членов пакистанского движения и на индийском направлении. Также взаимодействие КНР с «Талибаном» непрозрачно сигнализирует о том, что Китай сужает кольцо влияния вокруг Индии. Вероятна поддержка исламских фундаменталистов в Кашмире, при которой Афганистан будет центром экспорта опытных полевых командиров, и совсем исключать возможность косвенной поддержки сепаратистов невозможно.

Стоит выделить и такое последствие, как падение авторитета США и разобщенность в НАТО. Соединенные Штаты не смогли выполнить взятые обязательства по обеспечению безопасности дипломатов и сотрудников *(Урок миру…, 2021)*, работавших в афганской администрации, что является хорошим вопросом для союзников, стоит ли действовать совместно с Вашингтоном. Кроме того, США вскоре будет не-

легко мобилизовать своих союзников по НАТО, а Европе предстоит понять, является ли она реальной силой.

Пример Ирана показывает, что будет следовать постепенное признание «Талибана» на международной арене. Представитель МИД Ирана признал группировку «Талибан» «Исламским эмиратом», а президент ИР Иран Ибрагим Раиси подчеркнул готовность официального Тегерана сотрудничать с официальными политическими силами Афганистана *(В МИД Ирана..., 2021)*. Позиция властей Ирана по отношению к «Талибану» изменилась, талибы были признаны иранскими властями, ранее считавшими «Талибан» террористической организацией.

Крайне важным последствием может стать укрепление позиций России в Центральной Азии *(La 'Carta Talibán'..., 2021)*. Российская Федерация может сотрудничать с новыми, более договороспособными властями Афганистана для достижения следующих целей:

– вхождение на афганский рынок с реализацией его потенциала;
– получение доступа к обширным природным ресурсам Афганистана *(Надери, 2017)*;
– участие в проекте трансафганского газопровода;
– сдерживание фундаментализма в странах Центральной Азии;
– защита собственной дипломатической службы.

Выявив все фактические и вероятные последствия, можно сделать вывод, что ближайшие 15 лет покажут, какого прогресса достиг «Талибан» в понимании государственного строительства и консолидации всего населения государства, последует ли массовый исход беженцев, уменьшится ли наркотрафик из Афганистана, поддержит ли мировое сообщество самостоятельную власть, заинтересованную в реализации идеологических идей на собственной территории. В то же время, будут обозначены контуры предстоящих перемен в Центральной Азии, выявлены новые вызовы и возможности для Российской Федерации, а также определена новая мировая геополитическая конфигурация.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Мындру Максим Петрович
Бакалавр,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: forward.myndru@yandex.ru

Maxim Petrovich Myndru
Bachelor,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
E-mail: forward.myndru@yandex.ru

Литература

1. *Литвинов Е.А., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В., Скурова А.В.* Проблемы Афганистана в экономике и внешней торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 9. С. 125-134.
2. *Надери А.* Современная политическая и социально-экономическая ситуация в Афганистане // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2017. № 4. С. 353-362.
3. В Афганистане заработала комиссия по вычистке "плохих людей" из "Талибана", 2021. Режим доступа: https://ria.ru/20211018/afganistan-1755076391.html

4. В МИД Ирана впервые назвали «Талибан» «Исламским эмиратом», а не террористической организацией, 2021. Режим доступа: https://topwar.ru/186022-v-mid-irana-vpervye-nazvali-taliban-islamskim-jemiratom-a-ne-terroristicheskoj-organizaciej.html

5. Две тысячи проблем для талибов. «Исламское государство» бросило вызов новым властям Афганистана, 2021. Режим доступа: https://mediazona.ca/article/2021/10/25/istalib

6. Кортунов П. После победы Талибана мир вынужден пересмотреть свои взгляды на эффективность терроризма, 2021. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-pobedy-talibana-mir-vynuzhden-peresmotret-svoi-vzglyady-na-effektivnost-terrorizma/

7. Семенов К. Роль и место движения «Талибан» на карте мирового исламизма, его вызовы и угрозы, 2021. Режим доступа: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/

8. Таджикистан и «Талибан»: как вести войну с выгодой для себя, не начиная боевых действий, 2021. Режим доступа: https://topwar.ru/187903-tadzhikistan-i-taliban-kak-vesti-vojnu-s-vygodoj-dlja-sebja-ne-nachinaja-boevyh-dejstvij.html

9. Убийство оппозиционеров, запрет музыки и сокращение прав женщин: как изменился Афганистан после прихода «Талибана», 2021. Режим доступа: https://tjournal.ru/analysis/431303-ubiystvo-oppozicionerov-zapret-muzyki-i-sokrashchenie-prav-zhenshchin-kak-izmenilsya-afganistan-posle-prihoda-talibana

10. Урок миру: шесть причин успеха «Талибана», (2021). Режим доступа: https://www.pravda.ru/world/1631518-taliban/

11. Чем соседним странам и миру угрожает победивший в Афганистане «Талибан», 2021. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/16/08/2021/611a3b7d9a7947c5a29651a7

12. Что ждет Афганистан после возвращения под власть талибов, 2021. Режим доступа: https://www.rbc.ru/politics/15/08/2021/6118fe319a7947718fdba7f5

13. Эксперты рассказали, чем захват талибами власти в Афганистане грозит России, 2021. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/16_a_13885220.shtml

14. La 'Carta Talibán' en la estrategia de Rusia, 2021. Режим доступа: https://blogs.publico.es/puntoyseguido/7351/la-carta-taliban-en-la-estrategia-de-rusia/

References

1. Litvinov E.A., Savinov Yu.A., Taranovskaya E.V., Skurova A.V. (2021). Afghanistan's Problems in Economy and Foreign Trade // Russian Foreign Economic Bulletin, No. 9. P.125-134.

2. Naderi A. (2017). Modern political and socio-economic situation in Afghanistan // Bulletin of RUDN. Series: General History, No. 4. P. 353-362.

3. Commission to purge "bad people" from Taliban launched in Afghanistan, 2021. Available at: https://ria.ru/20211018/afganistan-1755076391.html

4. Experts told how the Taliban's seizure of power in Afghanistan threatens Russia, 2021. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2021/08/16_a_13885220.shtml

5. For the first time, the Iranian Foreign Ministry called the Taliban an "Islamic Emirate" and not a terrorist organization, 2021. Available at: https://topwar.ru/186022-v-mid-irana-vpervye-nazvali-taliban-islamskim-jemiratom-a-ne-terroristicheskoj-organizaciej.html

6. How does the Taliban, which has won in Afghanistan, threaten neighboring countries and the world, 2021. Available at: https://www.rbc.ru/politics/16/08/2021/611a3b7d9a7947c5a29651a7

7. Kortunov P. After the victory of the Taliban, the world is forced to reconsider its views on the effectiveness of terrorism, 2021. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posle-pobedy-talibana-mir-vynuzhden-peresmotret-svoi-vzglyady-na-effektivnost-terrorizma/

8. Lesson to the world: six reasons for the success of the Taliban, 2021. Available at: https://www.pravda.ru/world/1631518-taliban/

9. Semenov K. The Role and Place of the Taliban on the Global Map of Islam: Challenges and Threats, 2021. Available at: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/rol-i-mesto-dvizheniya-taliban-na-karte-mirovogo-islamizma-ego-vyzovy-i-ugrozy/

10. Tajikistan and the Taliban: how to wage war to advantage without starting hostilities, 2021. Available at: https://topwar.ru/187903-tadzhikistan-i-taliban-kak-vesti-vojnu-s-vygodoj-dlja-sebja-ne-nachinaja-boevyh-dejstvij.html

11. The murder of oppositionists, the ban on music and the reduction of women's rights: how Afghanistan has changed since the arrival of the Taliban, 2021. Available at: https://tjournal.ru/analysis/431303-ubiystvo-oppozicionerov-zapret-muzyki-i-sokrashchenie-prav-zhenshchin-kak-izmenilsya-afganistan-posle-prihoda-talibana

12. The 'Taliban Card' in Russia's strategy, 2021. Available at: https://blogs.publico.es/puntoyseguido/7351/la-carta-taliban-en-la-estrategia-de-rusia/

13. Two thousand problems for the Taliban. Islamic State challenges new Afghan authorities, 2021. Available at: https://mediazona.ca/article/2021/10/25/istalib

14. What awaits Afghanistan after returning to Taliban rule, 2021. Available at: https://www.rbc.ru/politics/15/08/2021/6118fe319a7947718fdba7f5

Поступила в редакцию ***20 сентября 2021 г.***

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

УДК 316.334.2
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.14

Мировой опыт образования моделей социально-ориентированного управления банками

А.Н. Герасимов
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются цели, содержательные особенности и условия образования моделей социально-ориентированного управления банками. Автор пришел к выводу, что в основе перехода банков к социально-ориентированному управлению лежит изменение представлений о роли и статусе человека. В настоящее время он воспринимается в качестве центра социальной политики, а его оценка социальной реальности выступает как основной критерий ценностного измерения социальных процессов. Такое понимание человека можно считать универсальным основанием, на котором стали возникать новые ценности управления банками. Менеджмент в социально-ориентированных банках разрабатывается и реализуется в соответствии с принципами социальной ответственности. В ходе исследования установлено, что при сохранении этой общей установки социализация банков в разных странах иметь свои особенности. Благодаря их анализу были сформулированы и описаны несколько моделей – азиатская, мусульманская, европейская, американская, которые обладают самобытной целью, специфическими признаками и определенными условиями, способствующими их формированию.

Ключевые слова: банк; социально-ориентированное управление; банковская сфера; социализация банков; кредитование; социальная ответственность; модель социально-ориентированного управления.

***Для цитирования*:** Герасимов А.Н. Мировой опыт образования моделей социально-ориентированного управления банками // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 144 – 154.

World experience in the formation of models of socially-oriented management of banks

Artem N. Gerasimov
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article discusses the goals, content features and conditions for the formation of models of socially-oriented management of banks. The author came to the conclusion that the transition of banks to socially-oriented management is based on a change in ideas about the role and status of a person. Currently, it is perceived as the center of social policy, and its assessment of social reality acts as the main criterion for the value measurement of social processes. Such an understanding of a person can be considered a universal basis on which new values of bank management began to arise. Management in socially-oriented banks is developed and implemented in accordance with the principles of social responsibility. The study found that while maintaining this general attitude, the socialization of banks in different countries has its own characteristics. Thanks to their analysis, several models were formulated and described – Asian, Muslim, European, American, which have an original purpose, specific features and certain conditions that contribute to their formation.

Keywords: bank; socially-oriented management; banking sector; socialization of banks; lending; social responsibility; model of socially-oriented management.

For citation: Gerasimov A.N. World Experience in the formation of models of socially-oriented management of banks // Caucasian Science Bridge. 2021 Vol. 4 № 2. P. 144 – 154.

Введение

Изучение моделей социального банкинга, сложившихся в ходе эволюции банковской деятельности, необходимо для того, чтобы определить какая из них может быть использована в российском управлении банками, либо для оценки специфических особенностей российской модели.

Надо заметить, что социальную ответственность бизнеса, а вместе с тем и банковской деятельности, нельзя оценить однозначно. Социально-ориентированное

управление банками проистекает от переосмысления их роли в развитии современного общества. Банки приобретают признаки не только отдельного сектора экономики, как сферы общества, но также становятся частью иных сфер социума: духовной, политической, социальной. Этот процесс в науке получил название социализации банков. Оставаясь коммерческой организацией, банк, одновременно, начинает выполнять важнейшие социальные функции: борьбу с бедностью, оказание помощи социально уязвимым слоям населения, поддержку малого бизнеса, решение экологических проблем, повышение культуры предпринимательства и т.п. Трудно сказать однозначно, есть ли в такой целевой трансформации только экономические мотивы, или это исключительно социальная ответственность, лежащая за пределами предпринимательских рационализаций. Но даже если банк не имеет от этого прямой прибыли, новая социальная реальность делает невыгодным осуществление традиционной управленческой политики. В новых условиях солидарность становится важнее борьбы, а сотрудничество значимее конкуренции. Это, в свою очередь, предоставляет возможность задуматься о долгосрочных перспективах, способных обеспечить устойчивое развитие социума за счет более справедливого перераспределения банковских доходов, в которых отныне участвуют не только вкладчики, но и весь социум (с точки зрения прагматичного рационализма в бизнес-управлении – потенциальные вкладчики).

Мы высказываем гипотезу, что в мире могут существовать несколько моделей социально-ориентированного управления банками. Соответственному этому ставиться цель обосновать наличие разных моделей социального банкинга, в основе которых лежит своя цель, содержательные признаки и условия формирования.

Основная часть

В основной части исследования мы рассмотрим те модели, которые сформировались в результате эволюции банковской деятельности, трансформации традиционных банков в социально-ориентированные. В Южной и Юго-Восточной Азии социально-ориентированное управление по преимуществу реализуется в формате микрофинансовых организаций (теория Мухаммеда Юнуса). В исламских странах – в рамках установки на ответственность верующих за смягчение последствий бедности. В Западной Европе – через идеологические постулаты социал-демократии и католической солидарности. В Северной Америке могут действовать разные модели, но приоритет остается за сочетанием идей социальной ответственности и применения налоговых инструментов как стимула к социально-ориентированному управлению. Обратимся к ним в указанной последовательности.

Первую модель условно назовем как «азиатскую». Основная когнитивная интенция данной модели основывается на преодолении бедности. Это проистекает от территориальной специфики региона: множество религий и национальностей, слабость государственной власти и крайне низкий уровень жизни (во всяком случае, до недавнего времени). Население государств Южной и Юго-Восточной Азии исторически испытывает проблему сильной перенаселенности. Производимого валового национального дохода в равной степени на всех не хватает даже для поддержания минимально необходимого уровня жизни. Вследствие этого возникает потребность в создании принципиально новых механизмов социальной саморегуляции, способных перераспределить часть доходов таким образом, чтобы это не было насильственным изъятием, повышением налогов на богатых или активной предпринимательской (либо административной) деятельностью государства. Выход в удовлетворении данной потребности возник через массовое создание микрофинансовых организаций.

Инициатива их создания принадлежит экономисту из Бангладеш Мухаммеду Юнусу. Идея создания микрофинансовых организаций родилась в регионе, где были хорошие условия для развития малого бизнеса: большая емкость потребительского рынка, неудовлетворенный спрос, низкий уровень производства. Не хватало только небольшой суммы денег для открытия собственного дела. Опрос показал, что такая сумма варьировалась в пределах 27-30 долларов США. Но поскольку запрос шел от самых бедных слоев населения, то обеспечить даже такой малый заем дебитор был не в состоянии. В 1974 году Мухаммед Юнус принял решение провести эксперимент, ограничившись узким кругом заемщиков. Он ссудил деньги на расширение производства десяти женщинам, которые занимались изготовлением бамбуковой мебели кустарным способом. Обязательство выплатить долг в означенное по договору время было сделано под их честное слово и поручительство муниципальных общин *(Yunus, 2003)*. Эксперимент оказался удачным, все должники погасили обязательства в предписанные сроки.

В 1976 г. Мухаммед Юнус организовывает Grameen Bank. Его целевая направленность была заложена уже в названии. Слово грэймин на бенгальском означает деревенский. Grameen Bank специализируется на выдаче кредитов, как правило, не превышающих диапазон 20-200 $, но зато не требующих какого-либо обеспечения. Более 95% всех клиентов кредитной организации были женщины *(Официальный сайт Grameen Bank)*. Примечательно, Grameen Bank демонстрирует устойчивость развития и хорошую ликвидность, что видно из ежегодных отчетов с официального сайта организации. Так, в настоящее время Grameen Bank в странах Азии имеет 2685 филиалов. Общее количество заемщиков составляет 10,342 млн. человек, проживающих в 96,214 тыс. населенных пунктов, в основном, сельской местности. Процентная ставка невысокая, всего 8%. Но банк получает устойчивую прибыль за счет массовости выдачи кредитов и высокой исполнительской дисциплины своих заемщиков (свыше 98% всех кредитов выплачиваются в установленные сроки *(Официальный сайт Grameen Bank)*). Как утверждают специалисты, этот показатель существенно выше, чем в банках с традиционной кредитной политикой *(Тепкеева, 2017)*.

Успешность данного проекта позволила Grameen Bank несколько расширить виды своей деятельности, включившись в финансирование рыболовства, сельского хозяйства и даже телекоммуникаций. Но, в ракурсе рассматриваемой проблематики, главным стало то, что Мухаммеду Юнусу удалось реализовать исходную идею, с которой он начал микрофинансирование – сократить количество бедных среди клиентов банка. На официальном сайте Grameen Bank указала цифра в 65% заемщиков *(Официальный сайт Grameen Bank)*, чей бизнес стал давать устойчивый доход, благодаря которому им удалось поднять качество своей жизни. Также важно отметить, что модель выдачи микро финансов бедным слоям населения в целях кредитования их предпринимательской активности была успешно экспортирована в другие страны региона: Индию, Пакистан, Вьетнам, Лаос. Свою состоятельность она показала даже в бедных кварталах городов США, куда опыт микрофинансирования попал вместе с эмигрантами из Южной и Юго-Восточной Азии.

В завершении исследования «азиатской» модели, укажем на условия, которые делают ее функционирование состоятельной в контексте достижения поставленных перед ней целей. Прежде всего, это устойчивость и крепость общинных связей. Кредиты, во-первых, дают результат благодаря поддержке со стороны односельчан, выступающих локальным рынком сбыта и, одновременно, гарантом возвращения кредита банку. Во-вторых, кредитованная предпринимательская деятельность дает устойчивый доход при высокой плотности населения в месте проживания дебитора. В-третьих, общинное микрофинансирование эффективно там, где не доминируют ин-

дивидуалистические ценности, где социальный актор находится в жестких рамках установленных правил поведения, где социальные интеракции прогнозируемы и легко просчитываются менеджментом банка.

Вторую модель социально-ориентированного управления банками определим как «мусульманскую».

М. Вебер разделил все религии на два типа. Одни из них ориентированы на обеспечение спасения в потустороннем мире. В этом случае верующим предлагается монашеский идеал, а реальной социальности религиозность в своих крайних проявлениях доходит до враждебности. Вторые нацелены на обеспечение спасения в посюстороннем мире. Соответственно, верующим предоставляется тщательно регламентированный механизм социального поведения *(Вебер, 2017)*. Ислам относится ко второму типу религий. В связи с этим, неудивительно, что такая важнейшая сфера жизни социума, как экономика, оказалась подчинена религиозным нормам и предписаниям. В мусульманском мире правила экономической деятельности, в том числе банкинг, упорядочены в соответствии с требованиями Корана и шариата. Эти правила начали складываться ещё на заре формирования ислама, видоизменяясь по мере изменений в социуме. Одним из центральных положений исламских финансов стал запрет на ростовщичество и использование процента, как предпринимательской прибыли. Данное требование оказало сдерживающий эффект на развитии банковского дела. Между тем, в современной экономике без участия банков предпринимательство крайне затруднено. Поэтому, как только исламские страны Северной Африки и Передней Азии получили независимость после распада колониальной системы, возник вопрос о принципах деятельности банков. Европейские и американские банки имели собственные этические правила, что актуализировало вопрос о создании исламских банков. Первые из них возникли в Египте в 60-е годы XX века. Оттуда они распространились во всему указанному региону, а далее проникли и в иные страны, где имелось достаточное количество исламского населения.

Важнейшей установкой развития исламского банкинга выступает идея о том, что деньги принадлежат аллаху. Следовательно, их нельзя использовать во зло, например, ради удовлетворения жажды наживы. Сущность исламского банкинга подчиняется двум правилам шариата: 1) любое деяние мусульманина должно сообразовываться с достижением общественного благополучия (riba); 2) итогом любых действий мусульманина должно быть достижение общественной гармонии (maslahah). Как видно, социализация банков, как интегральное понятие, через которое социологи описывают социально-ориентированное управление банками, имманентно заложена в нормативный порядок ислама. Речь идет не только о неких внутренних мотивах, но и о вполне конкретизированных запретах на определенные виды инвестиций. Так, запрещено инвестировать средства в азартные игры, порноиндустрию, производство оружия, табачной и алкогольной продукции. Также важно обратить внимание на запрет рискованных операций (garar), применение которых способно разорить банк и принести вред вкладчикам *(Филина, 2016)*. Все перечисленные виды действия считаются греховными. Очень важным аспектом исламского банкинга является принцип справедливого распределения не только прибылей, но и рисков. Из этого правила следует, что не только вкладчики могут рассчитывать гарантированно улучшить свое благосостояние, но и сами банкиры получают гарантии, что в случае неблагоприятной экономической ситуации ответственность будет равномерно распределена между обеими сторонами: менеджерами банками и его клиентами *(Омар, Крупенко, 2020)*.

Говоря о конкретных видах исламского банкинга, выделим принятые в его рамках инструменты.

«Мудараба» – доверительное финансирование коммерческого проекта, получение прибыли по которому осуществляется в порядке долевого участия всех вкладчиков.

«Мушарака» – партнерство в форме совместного инвестиционного проекта, в котором не только прибыли, но и убытки распределяются в строгом соответствии с долевыми вложениями.

«Мурабаха» – договор купли-продажи с дальнейшей перепродажей с наценкой, прибыль по которой распределяется между участниками сделки пропорционально вкладам.

«Бай ас-салам» – покупка определенного продукта у производителя с целью последующей перепродажи другому продавцу. Здесь банк выступает в форме посредника, подыскивающего контрагента. В остальном модель соответствует сделке «мурабаха».

«Кард аль-хасанат» – выдача беспроцентного займа с целью улучшения репутации банка, сохранения значимых клиентов, а также поддержки нуждающихся по религиозным соображениям *(Имамкулиева, Мадыгзаде, 2019)*.

В настоящее время исламские банки, построенные по принципу социально-ориентированного управления, широко распространяются в странах с высокой плотностью или доминированием населения, исповедующего мусульманство. Большой стимул к развитию был получен в 1975 году, когда несколько исламских государств приняли решение о создании Исламского Банка Развития (ИБР). К 2019 году в этом банке были подразделения из 105 стран мира, совокупные активы которых превысили 2 трл. долларов *(Андрианов, 2019)*. Высокий уровень ликвидности, гарантированная доходность на сравнительно высоком уровне, низкая себестоимость обслуживания банковских услуг и низкий уровень рисков делают сотрудничество с такими банками экономически выгодными и для кредитных организаций традиционного типа. Это становится дополнительным фактором их развития, благодаря чему исламские банки интенсивно распространяются даже в тех регионах мира, где последователи ислама не составляют большинство населения или даже там, где его вовсе нет.

В завершении исследования «мусульманской» модели, укажем на условия, которые делают ее функционирование состоятельной в контексте достижения поставленных перед ней целей. Первым, и наиболее очевидным условием, является высокая плотность мусульманского населения, что гарантированно обеспечит надлежащее количество потенциальных вкладчиков. Второе условие – высокий уровень религиозности, что выступает гарантом согласия действовать сообразно жестким регулятивам ислама. При этом важнейшим инструментом поддержки религиозных правил игры выступает общинный уклад жизни. Третье условие – сравнительно низкий (но не на грани бедности) уровень жизни большей населения, что делает актуальным запрос на такой тип банковских операций, которые обладают минимальными рисками, т.к. потеря вкладов влечет за собой для клиентов утрату всех возможных сбережений.

Третью модель социально-ориентированного управления банками определим как «западноевропейскую».

Первые прообразы банков, работающих по принципам социально-ориентированного управления, в Западной Европе возникли ещё в XV в. Самый известный из них – банк Monte dei Paschi (от итал. «Гора благочестия»), был создан в Сиене в 1472 году. Основная его задача сводилась к помощи наиболее обездоленным слоям населения в годы экономических кризисов. Из других известных опытов можно также вспомнить о создании сберегательных банков для бедных в Шотландии

(XVIII век), кредитных кооперативов в Австро-Венгерской империи (XIX век) и др. Как отмечают специалисты, создание подобного рода банков было делом частной, а не государственной инициативы *(Канаев, Канаева, 2015)*. И в ходе дальнейшего развития банковского дела в Западной Европе социальный банкинг был нацелен на борьбу с бедностью. Построение общества потребления во второй половине XX века пресекло данную тенденцию и привело к трансформации европейской модели.

Формирование европейской модели в новом качестве было подготовлено особенностями развития Западной Европы в 50-90-е годы прошлого столетия. Прежде всего, нужно обратить внимание на особенности эволюции западноевропейских идеологий. В большинстве стран утверждается фундаментальная идея о всеобщей социальной ответственности: государства перед обществом, общества перед природой, бизнеса за все последствия своей деятельности, имущих перед малоимущими и т.п. Эти установки находят закрепление в скандинавской социал-демократии, немецко-французском солидаризме, итальянском социализме и иных схожих европейских идеологиях, получивших признание среди широкого круга избирателей. На этом фоне банки очень долго реализовывали управленческие стратегии, построенные на традиционных принципах, когда во главу угла ставились цели максимизации получаемый прибыли, достигаемые любыми не запрещенными законами способами, даже если эти способы не согласовывались с моральными императивами и повсеместно распространявшимися установками на социальную ответственность бизнеса *(Семенюта, Дудко, 2015)*. Радикальное изменение ценностей у банковских менеджеров произошло после 2008 года, когда многие европейские банки оказались в состоянии кризиса.

Впервые термин «социально-ориентированное управление банками» был применен ещё в 1992 году Удо Райфнером *(Pedrini, 2014)*. Однако в те годы он традиционно понимался как борьба с бедностью, т.к. был скорее рефлексией на негативные процессы, протекающие в неблагополучных странах мира, чем попыткой создать новую управленческую идеологию для европейских банков. Данное понятие было переосмыслено под воздействием краха европейских банков в 2007-2009 годах, а ещё более прочную платформу получило после того, как было помещено в единое пространство европейских ценностей, выстроенных вокруг экологических проблем, истощения запасов минерального сырья и потребности введения ресурсосберегающих технологий, а также преодоления резких социальных и имущественных дифференциаций в самой Европе, где бедность перестала быть актуальной социальной проблемой, но существенная разница в положении между разными стратами попрежнему осталась. Квинтэссенцией этого процесса стало принятие в 2015 году Хартии Европейской федерации этических и альтернативных банков *(FEBEA, 2015)*.

Банки, подписавшие Хартию, стали действовать на принципиально других сущностных основаниях. «Согласно этой хартии, роль этического банка состоит в создании общего блага и обеспечении равного доступа к кредиту через банковскую деятельность, включающую в себя привлечение ресурсов (преимущественно в виде депозитов) и перераспределение их в форме кредитов для реализации культурных, социальных и экологических проектов. Благодаря своей деятельности этические банки содействуют большей социальной вовлеченности, устойчивому развитию, развитию социально ориентированной экономики» *(Чичуленков, 2018)*. Новый тип банков нельзя теперь назвать в строгом смысле слова субъектами предпринимательства. Во всяком случае, если ранее банки безоговорочно относились к экономической сфере общества, в которой они занимали определенную нишу, то в настоящее время имеет место их проникновение в другие сферы: политическую, социальную, духовную. Причем, в первую очередь, в последние две, т.к. банковский сектор в Европе тради-

ционно развивается в рамках частных инициатив, где государство не имело большинства активов. Помимо получения прибыли, социально-ориентированное управление ориентирует банки на создание дополнительной социальной стоимости. В некоторых кредитных организациях данный признак проявляется в полном отказе от распределения прибыли между акционерами. Весь получаемый доход идет на те социальные проекты, которые признаются советом директоров приоритетными и первостепенными. В таком качестве банки являются ни чем иным, как инструментом по перераспределению денежных средств, увеличенных благодаря банковским операциям и направленных на решение социально значимых проблем. Подобного рода управленческая политика получила в научной литературе определение, как обеспечение социальной рентабельности *(Ковалева, 2019)*. Поскольку менеджмент в социальных (этических) банках ориентирован на общественное благо, а не на оказание коммерческих услуг, как в традиционных банках, то банковские операции ограничены пределами допустимого и возможного. Так, невозможной считается деятельность, которая признается недостойной, вредной или социально нежелательной, под которой обычно понимаются инвестиции в производство алкогольной и табачной продукции, вооружения, а также индустрия, приносящая вред природной среде. Кроме того, под запретом находится инвестирование в наркотики, организованную преступность, спекуляции на ценных бумагах, азартные игры, поддержка политических партий (здесь видят коррупционный потенциал), уклонение от уплаты налогов, индустрию порнобизнеса и т.п. Все эти императивы могут быть прописаны законодательно (во всех европейских государствах запрещен наркобизнес или принято жесткое экологическое законодательство *(Мирошниченко, Брандт, 2020)*) или действовать в виде неформальных правил, формализуемых Хартией или через давление общественным мнением по каналам гражданского общества.

В научной литературе нет какого-то одно названия, которое бы вбирало в себя признаки и свойства социально-ориентированного управления. Наиболее распространенными можно считать два определения: этический или социальный банк. В первом случае подразумевается, что основой социально-ориентированного управления выступает добровольное возложение на себя обязанностей действовать в строгом соответствии с этическими правилами, в большинстве случаев не имеющих легитимных границ, но нарушение которых способно повлечь за собой применение тяжких санкций, вплоть до закрытия банка. Во втором случае предполагается, что менеджмент банка нацелен на решение социально значимых задач, которые беспокоят европейское сообщество, в целом, или население определенной территории, где работает банк, в частности. Здесь имеет место противопоставление коммерческой направленности в традиционных банках.

Основное различие между обычными и социальными банками заключается в следующем: в то время, как представители традиционного банкинга, в большинстве случаев, сосредоточены исключительно на увеличении собственной прибыли, социальный банкинг действует по принципу «прибыль-люди-планета». Разумеется, социальные банки стремятся получать прибыль, однако в равной степени они также нацелены на повышение благосостояния людей и заботу об окружающей среде. Именно такому «тройному принципу» они следуют, когда решают, кому и с какой целью давать деньги в долг. Для социальных банков ответственность за всё общество является наиболее важным показателем хорошей практики кредитования – она для них даже важнее прибыли. Поэтому социальный банкинг ещё часто называют «банковское дело для социальной сплоченности» или «кооперативным банкингом» в противовес конкурентному банковскому подходу, который доминировал в банковском мире последние десятилетия. Банковское дело для социальной сплоченности означает

обязательное рассмотрение того, кому давать деньги и на что они пойдут. Социальные банки в Европе ссужают деньги на социально ответственные инициативы по гораздо более низким процентным ставкам, чем обычные банки, а также жертвуют деньги на благотворительность и открытие общественно полезных проектов.

Социальные банки стали создаваться в Европе ещё в конце 70-х – 80-х годах прошлого столетия. Из действующих на сегодняшний день можно указать на такие гиганты финансового сектора как Gemeinchaft fur Leihenn und Scheinken (2.3 млрд. $), Dutch Triodos Bank (6.8 млрд. $), Italian Banca Etica (0.9 млрд. $), Swiss ABS bank (0.8 млрд. $), Danish Merkur (0.4 млрд. $) *(Быканова, Бондарь, Шевченко, 2021)*. Объемы капитализации социальных банков с каждым годом растут. Однако приоритетное значение имеет не только увеличение их доли на рынке финансовых услуг, но и то, в каких операциях банки с социально-ориентированным управлением участвуют.

В завершении исследования «европейской» модели, укажем на условия, которые делают ее функционирование состоятельной в контексте достижения поставленных перед ней целей. Анализируемая управленческая модель могла возникнуть только в особых условиях и на определенной стадии культурного, экономического и социального развития. Во-первых, она характерна для социума, где преодолена бедность. Во многом, она держится на альтруизме вкладчиков, которые готовы предоставить свои сбережения для решения масштабных социально-значимых проектов (загрязнение окружающей среды, борьба с бедностью в других регионах, переход на ресурсосберегающие технологи и т.п.). При этом данных сбережений должно быть достаточно, чтобы они были в необходимом количестве для получения эффекта при работе на низких процентных ставках. Во-вторых, функционирование «европейской» модели возможно там, где преодолена не только бедность, но и психологические последствия бедности. У вкладчиков и менеджеров банка должна быть убежденность, что альтруизм не приведет к ущемлению их индивидуальных интересов. Для этого необходимы серьезные изменения в ценностном укладе социальных акторов, их мотивации и интересах, которые можно ожидать лишь при устойчивом позитивном подкреплении связи высокого уровня жизни и социально-ориентированного управления банками. В-третьих, «европейская» модель показала свою жизнеспособность как часть гражданского общества, сложившись под воздействием частных, а не публичных инициатив. Следовательно, идеологические установки, в соответствии с которыми она функционирует, должны находить поддержку у гражданских активистов, способных задействовать механизмы работы горизонтальных связей гражданского общества.

Четвертая модель социально-ориентированного управления банками определим как «американскую».

При ее характеристике важно отметить, что в американской практике социально-ориентированного управления банками встречаются элементы всех трех рассмотренных выше моделей. Это легко объяснимо. В США и Канаде проживает много выходцев из Южной и Юго-Восточной Азии, которые перенесли после эмиграции опыт управления банковским делом со своей исторической родины. То же можно сказать и об исламской модели, применение которой объясняется растущим количеством мусульман в Северной Америке. Что касается Западной Европы, то ее влияние обусловлено наличием единого пространства культуры, политики и экономики. В то же время, американская модель обладает некоторыми отличительными особенностями, которые сложились под воздействием тенденций развития, типичных для Северной Америки.

В США и Канаде в общественном дискурсе, сложившемся вокруг социально-ориентированного управления банками, принят термин «общественное инвестиро-

вание». В Северной Америке «общественное инвестирование» встроено в структуру общества несколькими способами. Принятый в 1977 году американский Закон о реинвестициях в сообщества *(Community Reinvestment Act, CRA)* стимулировал банки инвестировать в неблагоприятные местные регионы и маргинальные группы населения. Банки, принявшие эту модель, получали выгодные налоговые льготы или налоговые вычеты *(Sean Geobey, Karim Harji, 2016)*. Благодаря этому появилось множество финансовых институтов, направленных на повышения уровня жизни в депрессивных регионах или в сообществах социально неблагополучных общин, которые вкладывают значительные средства в доступное жилье, возобновляемые источники энергии и местное экономическое развитие по всей территории Соединенных Штатов. Кроме того, многие фонды известных бизнесменов (Генри Форда, семейства Рокфеллеров, Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров), активно инвестировали свои пожертвования таким образом, чтобы это соответствовало практике инвестиционной миссии.

В силу таких особенностей, вытекающих из рационально-прагматичных предпосылок развития, социальный банкинг в Северной Америке не получил такого широкого распространения, как в Западной Европе. Из в полной мере социальных банков можно указать на Чикагский Shorebank, возникший ещё в 1973 г., Wainwright (1981 год), Trust CY (1982 год) и др. Но, во-первых, такого рода банков значительно меньше, чем в Западной Европе, во-вторых, они обладают существенно меньшими финансовыми ресурсами. Американские банки с социально-ориентированным управлением, как правило, являются обычными коммерческими банками, но с большей социальной ответственностью, чем это принято в традиционных банках.

В завершении исследования «американской» модели, укажем на условия, которые делают ее функционирование состоятельной в контексте достижения поставленных перед ней целей. *Первое.* Практически полная независимость в принятии социальных решений от органов государства. Государство лишь стимулирует через налоговое законодательство принятие социально-ориентированного управления, но не обязывает императивно. *Второе.* Большая роль муниципальных общин в организации социальной жизни. Финансирование социальных проектов реализуется, в основном, через них. Соответственно, банки могут быть уверены, что деньги будут реализованы строго по назначению. *Третье.* Наличие большого количества депрессивных регионов и неблагополучных слоев населения, которые нуждаются в адресной помощи. Поэтому социально-ориентированное управление нацелено на решение адресных задач, возникающих из-за особенностей муниципального развития.

Выводы

Подведем итоги рассмотренным в данной статье вопросам.

Целевая ориентация *азиатской модели* заключается в преодолении негативных последствий бедности, а главная особенность состоит в массовом образовании микрофинансовых организаций, ориентированных на кредитование малого бизнеса. Ее функциональная способность поддерживается следующими условиями: устойчивостью и крепостью общинных связей, благодаря чему возврат взятых кредитов находится на уровне 98-99%; высокой плотностью населения, обеспечивающей емкость сбыта и гарантированный предпринимательский доход банковскому дебитору; отсутствием индивидуалистических ценностей, в силу чего социальный актор находится в жестких рамках установленных правил поведения, где социальные интеракции прогнозируемы и легко просчитываются менеджментом банка.

Целевая ориентация *мусульманской модели* заключается в интеграции правил банковского менеджмента в систему религиозных ценностей ислама, а главная особенность состоит в наличие большого количества формализованных правил на осуществление банковских операций, которые делают исламский банкинг значительно

менее рискованным, чем традиционный. Ее функциональная способность поддерживается следующими условиями: высокой плотность мусульманского населения, что гарантированно обеспечивает надлежащее количество потенциальных вкладчиков; высоким уровнем религиозности, что выступает гарантом согласия действовать сообразно жестким регулятивам ислама; сравнительно низким (но не на грани бедности) уровнем жизни большей населения, что делает актуальным запрос на такой тип банковских операций, которые обладают минимальными рисками.

Целевая ориентация *европейской модели* заключается в социализации банков и их дальнейшей трансформации из акторов предпринимательства в активных субъектов социальной и духовной сфер общества, а главная особенность состоит в признании за банками потенциала, способного существенно повысить качество жизни за счет преодоления социальных дифференциаций. Ее функциональная способность поддерживается следующими условиями: способностью вкладчиков к альтруистическому поведению, что становится возможным в обществах, где отсутствует массовая бедность; убежденностью вкладчиков и менеджеров банка, что альтруизм не приведет к ущемлению их индивидуальных интересов, что обеспечивается фундаментальными изменениями в системе ценностей, интересов и потребностей основной массы населения; наличием развитого гражданского общества, по каналам которого инициируются идеи социально-ориентированного управления банками.

Целевая ориентация *американской модели* заключается в содействии муниципальным территориям по преодолению негативных последствий бедности и помощи депрессивным регионам, а главная особенность состоит в интеграции налоговых инструментов и принципов социальной ответственности банков. Ее функциональная способность поддерживается следующими условиями: практически полной независимостью в принятии социальных решений от органов государства; большой ролью муниципальных общин в организации социальной жизни; нацеленностью на решение адресных задач, возникающих из-за особенностей муниципального развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Герасимов Артем Николаевич
Соискатель,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: flaming_storm@list.ru

Artem Nikolaevich Gerasimov
The applicant,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
E-mail: flaming_storm@list.ru

Литература

1. *Быканова Н.И., Бондаренко Е.В., Шевченко И.О.* Роль банков в развитии социально-экономической системы региона // Вектор экономики. 2021. №1. С. 23-27.
2. *Вебер М.* Хозяйство и общество. М.: Высшая школа экономики, 2017. С. 111-112.
3. Имамкулиева Э.Э., Мадыгзаде С.С. Проблемы развития исламского банкинга в России // Вестник института Востоковедения РАН. 2019. №1. С. 191-202.
4. *Канаев А.В., Канаева О.А.* Исторические корни устойчивого банкинга // Финансы и кредит. 2015. №6. С. 16–26.
5. *Ковалева Д.М.* Социальный банкинг как перспективная модель деятельности коммерческих банков / Социально-экономическое партнерство: новые модели взаимодействия в условиях изменяющегося мира. Сборник статей. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 139-143.

6. *Мирошниченко О.С., Бранд Н.А.* Банки в финансировании «зеленой» экономики: обзор современных исследований. Финансы: теория и практика. 2021. №25. С. 76-95.

7. *Омар О. Крупенко Я.* Проблемы современной экономики: глобальный, национальный и региональный контекст. Сборник научных статей / Гл. ред. М. Е. Карпицкая. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2020. С. 408-417.

8. *Семенюта О.Г., Дудко К.В.* Устойчивый социально ответственный банковский бизнес как новая модель развития банковского дела // Финансовые исследования. 2015. №4. С. 113-123.

9. *Тепкеева Т.С.* Эволюция социального банкинга в мире и России // Финансы: теория и практика. 2017. Т. 21. Вып. 5. С. 100–105.

10. *Филина Ф.В.* Исламский банкинг и социально-ответственное инвестирование: оценка возможностей и перспектив для России // Человек. Общество. Инклюзия. 2016. №3-1. С. 122-129.

11. *Чичуленков Д.А.* Содержание и принципы социального банковского дела // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2018. №5. С. 119-120.

12. Review of impact assessment methodologies Pedrini M., Langella V., Bramanti V. for ethical finance / Report. 2014. FEBEA. ISB. ALTIS, Graduate School Business and Society.

13. *Gebey S., Harji K.* Social finance in North America // Global Social Policy. 2016. №1. P. 271-277.

14. *Yunus M.* Banker to the poor: micro-lending and the battle against world poverty. Public Affairs, 2003. 364 p.

15. *Андрианов В.Д.* Исламский банкинг в мировой финансовой системе // http://viperson.ru/articles/islamskiy-banking-v-mirovoy-finansovoy-sisteme

16. Официальный сайт Grameen bank. Раздел "Информация о нас" // www. grameen-bank.net/about-us/

17. FEBEA. Charter. European Federation of Ethical and Alternative Banks and Financiers. 2015 // www.febea.org/sites/default/files/page-files/febea_charter_eng_1.pdf

References

1. Bykanova N.I., Bondarenko E.V., Shevchenko I.O. (2021). The role of banks in the development of the socio-economic system of the region // Vector of Economics. No. 1. P. 23-27.

2. Filina F.V. (2016). Islamic banking and socially responsible investment: assessment of opportunities and prospects for Russia. Society. Inclusion. No. 3-1. P. 122-129.

3. Geobey S., Harji K. (2016). Social finance in North America // Global Social Policy. No. 1. P. 271-277.

4. Chichulenkov D. A. (2018). The content and principles of social banking // Bulletin of the Moscow University. Series 6. Economy. No. 5. P. 119-120.

5. Imamkuliyeva E.E., Madygzade S.S. (2019). Problems of Islamic banking development in Russia // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. No. 1. P. 191-202.

6. Kanaev A.V., Kanaeva O.A. (2015). Historical roots of sustainable banking // Finance and Credit. No. 6. P. 16-26.

7. Kovaleva D. M. (2019). Social banking as a promising model of commercial banks activity / Socio-economic partnership: new models of interaction in a changing world. Collection of articles. Saint Petersburg: SPbGEU, P. 139-143.

8. Miroshnichenko O.S., Brand N.A. (2021). Banks in the financing of the "green" economy: a review of modern research. Finance: theory and practice. No. 25. P. 76-95.

9. Omar O. Krupenko Ya. (2020). Problems of the modern economy: global, national and regional context. Collection of scientific articles / Editor-in-chief M.E. Karpitskaya. Grodno: GrSU im. Yanki Kupala, P. 408-417.

10. Review of impact assessment methodologies Pedrini M., Langella V., Bramanti V. for ethical finance / Report. (2014). FEBEA. ISB. ALTIS, Graduate School Business and Society.

11. Semenyuta O.G., Dudko K.V. (2015). Sustainable socially responsible banking business as a new model of banking development // Financial Research. No. 4. P. 113-123.

12. Tepkeeva T.S. (2017). The evolution of social banking in the world and Russia / / Finance: theory and practice. Vol. 21. No. 5. P. 100-105.

13. Weber M. Economy and Society. Moscow: Higher School of Economics, 2017. 734 p.

14. Yunus M. (2003). Banker to the poor: micro-lending and the battle against world poverty. Public Affairs, 364 p.

15. Andrianov V.D. Islamic banking in the world financial system. Available at: viperson.ru/articles/islamskiy-banking-v-mirovoy-finansovoy-sisteme

16. FEBEA. Charter. European Federation of Ethical and Alternative Banks and Financiers. 2015. Available at: www.febea.org/sites/default/files/page-files/febea_charter_eng_1.pdf

17. The official website of Grameen bank. The section "Information about us". Available at: www. grameen-bank.net/about-us/

Поступила в редакцию ***17 августа 2021 г.***

УДК 314.04
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.15

Патриотизм vs национализм в современном российском обществе[1]

В.О. Вагина
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье раскрываются особенности проявления патриотизма и национализма в современном обществе. Дается пояснение, почему важно и необходимо сформировать гражданское общество в современных реалиях. Причиной этому служит обострение межрелигиозных и межнациональных конфликтов, а также сложная политическая обстановка на международной арене. Также в статье уделяется внимание патриотическому воспитанию молодежи как самой уязвимой социальной группе.

Ключевые слова: национализм; патриотические практики; патриотическое воспитание; Юг России; консолидация; гражданское общество; государственная политика; межнациональные и межрелигиозные отношения; гражданское просвещение; патриотизм.

***Для цитирования*:** Вагина В.О. Патриотизм vs национализм в современном российском обществе // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 155 – 159.

Patriotism vs nationalism in modern Russian society

Victoria O. Vagina
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article reveals the features of the manifestation of patriotism and nationalism in modern society. An explanation is given why it is important and necessary to form a civil society in modern realities. The reason for this is the aggravation of interreligious and interethnic conflicts, as well as the difficult political situation in the international arena. The article also pays attention to the patriotic education of youth, as the most vulnerable group.

Key words: nationalism; patriotic practices; patriotic education; South of Russia; consolidation; civil society; public policy; interethnic and interreligious relations; civil education; patriotism.

For citation: Vagina V.O. Patriotism vs nationalism in modern Russian society // Caucasian Science Bridge. 2021 Vol. 4 № 2. P. 155 – 159.

«Согласно воззрениям ученых, исследования проблемы патриотизма неразрывно связаны с рассмотрением феномена национализма» *(Власова, 2019)*. В XX веке в исторической и философской литературе начинает развиваться идея противопоставления национализма и патриотизма.

Необходимость конструирования патриотического сознания в России связана с нестабильной ситуацией на международной арене. Патриотизм рассматривается как фундамент единения многонациональной страны.

Главная задача – защитить молодежь, чтобы она могла разграничивать эти два понятия «патриотизм» и «национализм». Для этого государство разрабатывает программы патриотического воспитания граждан и формирует концепцию патриотического воспитания молодежи. Патриотизм – неотъемлемая часть национальной идеи. Патриотическое воспитание в данном контексте подразумевает в качестве ключевой задачи привить любовь к своему Отечеству, служить своей стране и защищать в случае опасности.

Молодежь в современной России рассматривается преимущественно как «потенциал будущего общественного развития и как наиболее незащищенная социаль-

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-311-90012 «Патриотические практики в молодежной среде полиэтничного Юга России: особенности формирования и формы реализации».

но-демографическая группа, нуждающаяся в социальной защите. Однако российская молодежь представляет собой не только социальный ресурс будущего, но и такую социальную группу, которая уже сегодня может внести существенный вклад в социальное развитие общества» *(Лубский, Вагина, Мамина, 2019)*.

Современный патриотизм – это уважение к культурам других народов, формирование толерантного мировоззрения. В современных условиях целесообразно проводить профилактические занятия с молодежью, связанные с гражданским просвещением, снижением рисков формирования экстремистских установок в молодежной среде.

В современной России в условиях поиска национальных ответов на вопросы, связанные с вызовами глобализации, а также и усилившегося геополитического давления в системе международных отношений, на патриотизм возлагаются большие надежды – как на основу национальной идеи *(Патриотизм и..., 2019)*. При этом акцентируется внимание на том, что, с одной стороны, патриотизм является тем качеством, которое находится в основе национального характера россиян, а, с другой, высказывается опасение в перерастании патриотизма в национализм, что определяет важность «культивирования здорового чувства патриотизма», способного противостоять рискам националистического толка *(Гражданский патриотизм..., 2019; Волков, Лубский, 2016)*.

Российские исследователи, анализируя особенности развития патриотизма на разных этапах истории российского государства, приходят к выводу о том, что он к настоящему моменту трансформировался в явление многомерного характера, находящее свое выражение на этническом, региональном, религиозном, корпоративном уровнях, в соответствии с чем наблюдается типологическое многообразие патриотизма – регионального, религиозного, корпоративного, этнического и др. *(Лубский, Сериков, 2016)*.

Следует подчеркнуть, что основу молодежного патриотизма в России в ее отдельно взятых регионах и на Юге в том числе составляют военно-патриотические практики. В их основе – память о прошлом, гордость за страну и ее величие, что формирует риски трансформации патриотизма в национализм. Эти риски тем более явны, чем более «слепым» становится патриотизм, лишенный критического осмысления современных реалий и превращающийся в своего рода национальную религию. И в этой связи крайне важно в регионах России развивать у молодежи гражданский патриотизм *(Вагина, 2019)*.

В среде кавказской молодежи из-за отсутствия непрерывной государственной политики в сфере патриотического воспитания распространились такие явления, как неудовлетворенность своим положением, национализм и религиозный экстремизм, ценностная дезориентация. На Северном Кавказе выросло поколение молодых людей, которое не осознает общероссийской идентичности, критически настроено к государственным институтам.

Таким образом, Юг России как отличающийся сложной этнокультурной структурой, особо нуждается в грамотном патриотическом воспитании молодежи, потому что патриотические практики в том числе ориентированы на создание гармоничных межэтнических отношений, что находит отражение и на законодательном уровне. Стоит отметить, что «в большинстве случаев национализм возникает как следствие неправильной национальной политики в многонациональном государстве или неправильно выстроенных межнациональных отношений, когда проявляется неуважение к чужому языку и культуре. Национализм может проявлять себя в процессах образования национальных государств, распада империй и отделения колоний от метрополий. В этом случае он выступает как национальное самосознание,

способствующее раскрепощению наций и обретению национальной независимости» *(Медведева, 2018)*. В качестве примера стоит привести несколько мировых исторических процессов:

– отделившиеся колонии от Британской империи (особенно, если рассматривать независимость Ирландии и выход из британского содружества);

– явные проявления националистических движений в современной Украине;

– курдский вопрос в Турции и др.

Таким образом, чаще всего причиной конфликтов становятся территориальный вопрос и обретение независимости. Стоит уделить внимание следующему факту. В регионах, где явно проявляется национализм, автоматически происходит процесс патриотизации у конкретной нации. Т.е., определенная нация воспринимает данные политические процессы не как националистические движения, а как проявление патриотизма. В многонациональных государствах акцент на национальных признаках может привести к межнациональным конфликтам, а потому необходимо придерживаться принципа равенства и справедливости.

В кризисные или переломные моменты национализм особенно обостряется, например, когда ухудшается экономическая ситуация в стране и происходит рост бедности. В такие моменты у людей меняются стереотипы, происходит дезориентация, страх перед будущим берет вверх над другими настроениями и чувствами. Страх способен перерасти в ненависть, т.к. «она является защитной реакцией на страх» *(Медведева, 2018)*. Чаще всего эта неприязнь начинает проявляться к приезжим, к людям с другой культурой, другим менталитетом. А, как известно, дезориентированными, находящимися в стрессовом состоянии, людьми легко управлять. В данном случае многое зависит от гражданского общества, насколько оно готово противостоять развитию национализма, какие альтернативные идеи может предложить.

«Идеология национализма утверждает приоритет национальных ценностей перед личностными, приоритет «народной самобытности» перед ценностями общечеловеческими. Фактически национализм абсолютизирует этническую замкнутость, ведущую к упрощению национальной культуры, таким образом разделяя то, что должно быть неразделимым: личное, национальное, общечеловеческое» *(Медведева, 2018)*. В своем радикальном выражении национализм перерождается в нацизм.

Следует подчеркнуть, что некоторые исследователи положительно относятся к национализму, т.к. часто путают данный термин с патриотизмом. Также необходимо отметить работы И.А. Ильина, где под национализмом понимается «инстинкт самосохранения нации, тяга нации к самобытности, к сохранению своей культуры» *(Ильин, 2007)*.

Необходимо выделить основные последствия национализма:

– деструктивно настроенные организации могут влиять и манипулировать сознанием населения, когда политическая ситуация в стране не стабильна;

– молодежь остается самой уязвимой социальной группой, поэтому необходима четко продуманная молодежная политика;

– обострение межрелигиозных и межнациональных конфликтов;

– переход национализма в стадию нацизма;

– начало гражданской войны.

Националистические идеи приводят к переписыванию истории, когда нация начинает мифологизировать свое происхождение и говорить об исключительности, своем превосходстве. В качестве примера можно привести ситуацию в Украине, где уже давно были переписаны и изменены многие исторические события и общеизвестные факты. Необходимо отметить, что националистически настроенное государст-

во стремительно деградирует как социокультурное образование, замыкаясь на собственных национальных ценностях, принципах, идеологических установках.

Патриотизм может стать неким инструментом в борьбе с национализмом. В современных реалиях необходимо построить солидарное общество, где будут доминировать принципы взаимопомощи, добрососедства, патриотизма, равенство всех народов и где не будет, так называемого, национального эгоизма *(Мельник, 2019)*. Тем самым, на повестке дня стоит задача не выделять этнокультурные отличия в акцентированном виде, а, наоборот, раскрывать преимущества этнокультурного многообразия в консолидационном контексте, что особенно важно для такого многонационального государства, как Россия.

Таким образом, понятия «патриотизм» и «национализм» абсолютно противоположны по своим сущностным основаниям, но развитие националистических установок зачастую происходит на почве патриотических, а потому важно развивать гражданский патриотизм, основанный на демократических ценностях и нормах гражданского общества.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Вагина Виктория Олеговна
Аспирант
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Victoria Olegovna Vagina
Graduate student
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: vagina.viktoriya@yandex.ru

Литература

1. *Вагина В.О.* Патриотические практики в молодежной среде на Юге России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 31–34.
2. *Власова И.В.* Патриотизм и национализм в России. Социокультурный аспект // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. 2019. № 2 (7). С. 12–15.
3. *Волков Ю.Г., Лубский А.В.* Патриотизм и национальная идея в современной России в контексте национальной безопасности: теоретические аспекты исследования // В сборнике: Патриотизм – национальная идея России. Материалы Всероссийской конференции. 2016. С. 44–48.
4. Гражданский патриотизм и солидаристские практики в локальных сообществах на Юге России : коллективная монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.] ; отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2019. 392 с.
5. *Ильин И.А.* О русском национализме. Москва : Российский Фонд Культуры, 2007. 150 с.
6. *Лубский А.В., Вагина В.О., Мамина Д.А.* Молодежная политика и гражданские практики в молодежной среде в современной России // Гуманитарий Юга России. 2019. Том. 8. № 6. С. 171–187.
7. *Лубский А.В., Сериков А.В.* Патриотизм как базовая структура ментальной матрицы социального поведения в России // Научная мысль Кавказа. 2016. № 4. С. 35–42.
8. *Медведева О.А.* Национализм и патриотизм // Научные проблемы материально-технического обеспечения вооруженных сил Российской Федерации. 2018. № 2 (8). С. 316–323.
9. *Мельник С.В.* «Национальный вопрос» в межрелигиозном диалоге // Человек: образ и сущность. 2019. № 2 (37). С. 152–69.
10. Патриотизм и патриотические практики в молодежной среде на Юге России: монография / В.О. Вагина. Ростов н/Д. : Фонд науки и образования, 2019. 124 с.

References

1. Vagina V.O. (2019). Patriotic practices among youth in the South of Russia // Humanities, socio-economic and social sciences. No. 2. P. 31-34.

2. Vlasova I.V. (2019). Patriotism and Nationalism in Russia. Sociocultural aspect // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. No. 2 (7). P. 12-15.

3. Volkov Yu.G., Lubsky A.V. (2016). Patriotism and the national idea in modern Russia in the context of national security: theoretical aspects of research // In the collection: Patriotism - the national idea of Russia. Materials of the All-Russian conference. P. 44-48.

4. Civil patriotism and solidarity practices in local communities in the South of Russia: a collective monograph / Yu.G. Volkov, A.V. Lubsky [and others]; otv. ed. Yu.G. Volkov. (2019). Rostov-on-Don : Science and Education Foundation, 392 p.

5. Ilyin I.A. (2007).About Russian nationalism. Moscow: Russian Fund of Culture, 150 p.

6. Lubsky A.V., Vagina V.O., Mamina D.A. (2019). Youth policy and civic practices in the youth environment in modern Russia // Humanitarian of the South of Russia. Vol. 8. No. 6. P. 171-187.

7. Lubsky A.V., Serikov A.V. (2016). Patriotism as the basic structure of the mental matrix of social behavior in Russia // Scientific Thought of the Caucasus. No. 4. P. 35-42.

8. Medvedeva O.A. (2018). Nationalism and patriotism // Scientific problems of material and technical support of the armed forces of the Russian Federation. No. 2 (8). P. 316-323.

9. Miller S.V. (2019). "National question" in interreligious dialogue // Man: image and essence. No. 2 (37). P. 152–69.

10. Patriotism and patriotic practices in the youth environment in the South of Russia: monograph / V.O. Vagina. (2019). Rostov-on-Don: Science and Education Foundation, 124 p.

Поступила в редакцию ***1 марта 2021 г.***

УДК 316.774
DOI 10.18522/2658-5820.2021.2.16

Контент-анализ топовых молодежных ресурсов российского сегмента компьютерно-интерактивной социальной системы

М.В. Бештоков
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В данной работе рассматривается тема социализации российской молодежи в условиях современного информационного и информационального общества. Современная молодежь погружена в среду компьютерных и сетевых технологий, и социальным институтам необходимо адекватно реагировать на новые вызовы современного общества. Рациональность и результативность их действий напрямую влияет на степень рискогенности новых условий социализации молодежи. В представленном контент-анализе изучаются популярные молодежные мега-ресурсы компьютерно-интерактивной социальной системы - YouTube, VKontakte и Steam. Анализ этих мега-ресурсов и их подресурсов (каналов, сообществ, видеоигр) на предмет принадлежности к российским формальным социальным институтам и их агентам позволяет выявить ряд тенденций касательно статуса и результативности формальных социальных институтов в социализации российской молодежи в эпоху компьютерных и сетевых технологий, а также молодежные социализационные риски. Предполагается, что использованная методология может быть эффективной в сфере социальной аналитики и прогнозирования, а обозначенные проблемы помогут сформировать ряд практических мер по снижению рисков социализации молодежи в современном обществе.

Ключевые слова: социализация; молодежь; социальные институты; контент-анализ; компьютерно-интерактивная социальная система; формальные и неформальные институты; социальная сеть; видеоигры; компьютерные и сетевые технологии; YouTube; Vkontakte; Steam.

***Для цитирования*:** Бештоков М.В. Контент-анализ топовых молодежных ресурсов российского сегмента компьютерно-интерактивной социальной системы // Caucasian Science Bridge. 2021. №2. С. 160 – 170.

The content analysis of the top youth resources of the Russian segment in the computer-interactive social system

Magomet V. Beshtokov
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The paper covers the issue of socialization of the Russian youth in modern informative and informational society. Modern youth is immersed in the medium of computer and web technologies. There for social institutions need to react to new challenges of modern social environment. The rationality and efficiency of its functioning affects the level of risk in new socialization conditions for young people.

The presented content analysis investigates popular youth mega-resources of a computer-interactive social system - YouTube, VKontakte and Steam. The analysis of the mega-resources and its sub-resources (channels, communities, video games) for inheritance to Russian formal social institutions and its agents make it possible to identify a number of trends in the status and efficiency of formal social institutions in the socialization of Russian youth, as well as to detect youth socialization risks.

The author intends that the methodology would be effective in social analytics and forecasting, and the identified problems would help to design practical measures in order to reduce the socialization risk for young people in modern society.

Keywords: socialization; youth; social institutions; content analysis; computer-interactive social system; formal and informal institutions; social network; video games; computer and web technologies; YouTube; Vkontakte; Steam.

For citation: Beshtokov M. V. The content analysis of the top youth resources of the Russian segment in the computer-interactive social system // Caucasian Science Bridge. 2021 Vol. 4 № 2. P. 160 – 170.

Введение

Говоря о социализации молодежи в современном информационном и информациональном мире, необходимо затронуть вопрос компьютерных и сетевых техно-

логиях, которые стали неотъемлемой частью жизни современной молодежи и ее социализации. В этом свете особой актуальностью обладает тема социальных институтов и их социализационной активности в условиях информационного и информационального общества, т.е. общества, в котором, благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации стали фундаментальными источниками производительности и власти (*Кастельс, 2000*).

Цель данного исследования (контент-анализа) - рассмотреть и проанализировать топовые для российского сегмента и для аудитории российской молодежи ресурсы компьютерно-интерактивной социальной системы (далее - КИСС) по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам. Данные приведены в сводных таблицах по состоянию на декабрь 2020 г. - февраль 2021 г.

Формулировка "российский сегмент" подразумевает, что либо ресурс зарегистрирован с локацией "Россия", либо ресурс русскоязычный и работает с российской аудиторией, либо ресурс отображается в топах и рекомендациях сайтов для российских пользователей. Иными словами, "ресурсы российского сегмента" - это те ресурсы КИСС, к которым через соответствующие мега-ресурсы получает доступ пользователь, находящийся в России.

Для исследования использовалась авторская концепция компьютерно-интерактивной социальной системы, под которой понимается опосредованная техническими устройствами система взаимодействия социальных акторов, обеспечивающая создание, функционирование и воспроизводство глобальной высокотехнологичной информационной и коммуникативной среды.

При подобном научном поиске новых актуальных форм и методов исследования социализации молодежи необходимо иметь прочную точку опоры, которой стали социальные институты как одни из важнейших участников процесса социализации. Согласно Д. Норту, институты - это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми (*Норт, 1993*). При этом институты неоднородны, их можно разделить на формальные и неформальные (*North, 1990*).

Формальный институт - это социальный институт, активность которого регулируется правовыми актами, предписаниями законов, формально утвержденных документов, распоряжений, регламентов, правил, уставов, должностных инструкций и т.д. К формальным институтам можно отнести семью, науку, образование, культуру, армию, спорт, политику и т.д. Наибольший интерес в данном исследовании вызывают институты семьи, науки, образования и культуры, поскольку именно они играют наибольшую роль в социализации молодежи, трансляции ценностей, норм, образцов поведения и мышления. Неформальный институт - это социальный институт, в котором отсутствуют установленные формальными правилами средства и методы деятельности; они не определены и не закреплены в нормативных документах и законодательных актах, поэтому гарантия устойчивости организации такого института отсутствует. В неформальных институтах социальный контроль происходит на основе норм, зафиксированных в общественном мнении, обычаях и традициях, т.е. неформальных санкций. К таким институтам можно отнести политические движения, объединения по интересам, любительские творческие объединения, фонды культурного и социального назначения.

Отметим, что в рамках данного исследования понятие "институт" используется как собирательное для составляющих его социальных агентов и акторов. В центре исследования стоит понятие формального социального института (в данном случае -

наука, образование, культура), а в качестве неформальных агентов и акторов рассматриваются те, которые не могут быть однозначно и определенно отнесены к формальным социальным институтам.

Формальные институты и их агенты обладают рядом преимуществ перед неформальными, что заключается в следующем: 1) нормативность - формальные институты устойчивы и стабильны, их деятельность, цели и нормы закреплены законами и формальными актами; 2) прогнозируемость - формальные институты предсказуемы, их деятельность можно прогнозировать, основываясь на формальных актах; 3) управляемость - формальные институты управляемы, т.к. их деятельность зависит от законов, формальных актов, которые можно целенаправленно менять, корректируя и улучшая деятельность самих формальных институтов и агентов. Неформальные институты и агенты не обладают этими качествами в должной мере, следовательно, с ними сложнее выстраивать целенаправленную, конструктивную работу по социализации молодежи.

В современном обществе высоких технологий огромную роль в результативности социализационной активности социальных институтов имеет их способность эффективно использовать эти технологии. Поэтому топовые ресурсы наиболее популярных мега-ресурсов КИСС являются отражением объективной социальной реальности, влияющей на формирование среды КИСС, в которой регулярно пребывает и активно социализируется современная российская молодежь.

Для исследования были выбраны три популярных среди российской молодежи направления ресурсов КИСС: видеоблоги, сообщества в социальных сетях и видеоигры. Для их системного изучения были выбраны три крупных мегаресурса КИСС: YouTube.com (видеохостинг), VK.com (социальная сеть), Steam.com (видеоигровая платформа). Они являются самыми популярными ресурсами своего типа в России по данным 2020-2021 гг. и пользуются особым вниманием российской молодежи.

Отдельно отметим, что ресурсы-видеоигры в мега-ресурсе Steam (в отличие от каналов в YouTube и сообществ в VK) не являются собственными частями мега-ресурса, а лишь транслируются с его помощью. Так, Steam является своего рода агрегатором, одной из самых крупных и популярных платформ, которая предоставляет широкий доступ аудитории к видеоиграм, которые в свою очередь являются самостоятельными ресурсами КИСС и могут существовать вне Steam. Поэтому, в ходе исследования изучаются именно видеоигры, в т.ч. топы различных баз данных российского сегмента, а Steam выступает в роли наиболее популярного мега-ресурса видеоигровой направленности.

Именно анализ топов позволяет в глобальном масштабе выявить тенденции информационно-коммуникационных процессов, происходящих в КИСС, в данном случае - соотношение статуса и результативности ресурсов формальных и неформальных социальных институтов и их агентов.

Контент-анализ ресурса YouTube

С позиций концепции КИСС, YouTube является не только мега-ресурсом, т.е. очень большим ресурсом, содержащим в себе множество полноценных под-ресурсов (YouTube-каналов, видеороликов и т.д.), но и гипер-ресурсом, т.к. он является наиболее популярным видеохостингом в мире (2-3 млрд. ежемесячной аудитории (*We Are Social и Hootsuite , 2020*)), и у многих людей само понятие "видео в интернете" ассоциируется с YouTube.

По данным статистики Mediascope, в 2020 году YouTube занимает 3-е место по популярности среди мега-ресурсов КИСС в России (*Mediascope, 2021*); в месяц его ис-

пользует более 78 млн. чел., а ежедневно - около 32 млн. чел., в т.ч. большое количество молодежи (см. таблицу № 1).

Таблица № 1.

Российская аудитория YouTube (тыс. чел. в месяц) от 12 до 34 лет на декабрь 2020 года (источник: mediascope.net).

(пол \ возраст)	12-24 лет	25-34 лет	всего
мужчины	8 042	9 506	17 548
женщины	7 065	9 198	16 263
всего	15 107	18 704	33 811

Исследования ВЦИОМ 2019 года подтверждают высокую актуальность и популярность youtube среди российской молодежи. Так, пользователями YouTube являются 58% респондентов, среди них YouTube используют 88% респондентов в возрасте 18-24 лет и 90% в возрасте 25-34 лет (*ВЦИОМ, 2019*).

Для выявления топовых ресурсов было использовано 4 электронных базы данных (*Socialblade, 2021; Br-analytics, 2021; Whatstat, 2021; Tuberank, 2021*), на основе чего сформированы 16 таблиц с различными вариациями топ-20 каналов YouTube российского сегмента. Таблицы формировались на основе 6-ти комбинируемых индикаторов для усиления репрезентативности и объективности анализа. Индикаторы были подобраны, исходя из показателей и факторов информационно-коммуникационной результативности ресурса КИСС: количество подписчиков, количество просмотров, вовлеченность, а также, исходя из социализационной направленности ресурсов: общая категория, категория "наука и технологии", категория "образование". Здесь и далее, в параметрах результативности для YouTube и VK, под "вовлеченностью" понимается показатель реакции читателей на сообщения автора. Вовлеченность рассчитывается как сумма комментариев, лайков и репостов ко всем публикациям на странице автора или группы за месяц. При подсчете количества таблиц индикаторы категорий перемножаются с индикаторами результативности (см. таблицу № 2).

Таблица № 2.

Индикаторы и категории, базы данных и количество аналитических таблиц топ-20 каналов YouTube российского сегмента.

базы данных	socialblade.com	br-analytics.ru	whatstat.ru	tuberank.ru
категории топов:				
общий топ	+	+	+	+
"образование"			+	+
"наука и технологии"			+	+
индикаторы результативности:				
подписчики	+	+	+	+
просмотры	+		+	+
вовлеченность		+		
итого:				
всего таблиц	2	2	6	6
	16			

Сводные суммарные показатели по подписчикам, просмотрам и вовлеченности позволяют судить об информационно-коммуникационной результативности и

статусе исследуемых ресурсов КИСС - каналов YouTube, а также о репрезентативности контент-анализа в целом (см. таблица № 3).

Таблица № 3.

Суммарные показатели по таблицам исследуемых топов каналов YouTube:

показатели (в млн.)	подписчики	просмотры	вовлеченность
в среднем	9,28	4 778,7	3,97
максимум	33,2	47 400	27,8
минимум	0,42	71,9	1,7

На основе 16-ти таблиц был проведен анализ представленных ресурсов, отсеяны повторы и нефункционирующие ресурсы, в результате чего была сформирована итоговая сводная таблица. В нее вошли 159 топовых каналов YouTube российского сегмента, которые были проанализированы по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и их агентам. Результат анализа принадлежности ресурсов КИСС (каналов YouTube) по данным сводной таблицы: "формальные" - 2; "неформальные" - 157.

Краткие выводы по контент-анализу YouTube. В итоговую сводную таблицу вошли 159 топовых каналов YouTube российского сегмента. Результат анализа данных ресурсов КИСС по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам показал, что среди всех 159 каналов имеется только 2 (1,2%) канала, которые можно в определенной мере отнести к формальным социальным институтам, поскольку они принадлежат государственной компании ВГТРК. Можно полагать, что и другие представители формальных социальных институтов в определенной мере представлены на YouTube, однако, статуса и результативности их ресурсов недостаточно для попадания в сводный топ.

Это позволяет сделать вывод, что формальные социальные институты и их агенты имеют крайне низкую социализационную активность и результативность на мега-ресурсе КИСС "YouTube" в глобальном масштабе.

Контент-анализ ресурса VKontakte

По данным статистики Mediascope, в 2020 году VKontakte (VK) занимает 4-е место по популярности среди мегаресурсов КИСС в России и 1-е место среди социальных сетей; в месяц его использует более 74 млн. чел., а ежедневно - около 40 млн. чел., в т.ч. большое количество молодежи (*Mediascope, 2021*) (см. таблицу № 4).

Таблица № 4.

Российская аудитория VK (тыс. чел. в месяц) от 12 до 34 лет на декабрь 2020 года (источник: mediascope.net).

(пол \ возраст)	12-24 лет	25-34 лет	всего
мужчины	7 975	8 915	16 890
женщины	8 002	9 562	17 564
всего	15 977	18 477	34 454

Исследования ФОМ 2018 года подтверждают высокую актуальность и популярность VK среди российской молодежи. Согласно данным ФОМ, за последние 2-3 месяца на период опроса VK пользовались 80% респондентов в возрасте 18-30 лет (*ФОМ, 2018*).

Для выявления топовых ресурсов были использованы 3 электронные базы данных, а также инструменты самого сайта VK (*VKontakte, 2021; Vk-top-groups, 2021; Allsocial, 2021; Br-analytics, 2021*), на основе чего сформированы 13 таблиц с различными вариациями топовых сообществ VK российского сегмента. Таблицы формировались на основе 9-ти комбинируемых индикаторов для усиления репрезентативности и объективности анализа. Индикаторы были подобраны, исходя из показателей

и факторов информационно-коммуникационной результативности ресурса КИСС: количество подписчиков, количество просмотров, вовлеченность; и исходя из тематической направленности ресурсов: общая категория, общий топ; а также категории: "наука и образование", "молодежные сообщества", "наука и технологии", "искусство и культура". Под "охватом" аудитории подразумевается среднее количество пользователей, ежедневно просматривающих записи сообщества на стене или в разделе Новости. Также использовалась сортировка групп по релевантности (на сайте VK). При подсчете количества таблиц индикаторы категорий частично перемежаются с индикаторами результативности (см. таблицу № 5).

Таблица № 5.

Индикаторы и категории, базы данных и количество аналитических таблиц топов сообществ VK российского сегмента.

базы данных	vk.com	vk-top-groups.ru	br-analytics.ru	allsocial.ru
категории топов:				
общий топ	+	+	+	+
"наука и образование"				+
"молодежные сообщества"				+
"наука и технологии"	+			
"искусство и культура"	+			
индикаторы результативности:				
подписчики	+	+	+	+
вовлеченность			+	
охват				+
итого:				
всего таблиц	4	1	2	6
	13			

Ряд ресурсов имеет ограничение по открытой статистической информации. Так, сообщества VK с закрытой статистикой по охвату не включены в топ, т.к. их данные охвата скрыты. Некоторые ограничения для других мега-ресурсов также внесли коррективы в таблицы топовых ресурсов, однако, это не помешало достигнуть цели исследования.

Сводные суммарные показатели по подписчикам, охвату и вовлеченности позволяют судить об информационно-коммуникационной результативности и статусе исследуемых ресурсов КИСС - сообществ VK, а также о репрезентативности контент-анализа в целом (см. таблицу № 6).

Таблица № 6.

Суммарные показатели по таблицам исследуемых топов сообществ VK:

показатели (в млн.)	подписчики	охват	вовлеченность
в среднем	5,4	0,6	8,48
максимум	17,8	2	38,2
минимум	0,034	0,1	3,9

На основе 13-ти таблиц был проведен анализ представленных ресурсов, отсеяны повторы и нефункционирующие ресурсы, в результате чего была сформирована итоговая сводная таблица. В нее вошли 165 топовых сообществ VK российского сегмента, которые были проанализированы по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и их агентам. Результат

анализа принадлежности ресурсов КИСС (сообществ VK) по данным сводной таблицы: "формальные" - 23; "неформальные" - 142.

Краткие выводы по контент-анализу VKontakte. В итоговую сводную таблицу вошли 165 топовых сообществ VK российского сегмента. Результат анализа данных ресурсов КИСС по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам показал, что из 165 сообществ к "формальным" относятся 23, а к "неформальным" - 142, т.е. определенно принадлежащим соответствующим социальным институтам и их агентам.

Таким образом, топы сообществ VK представлены на 13,9% формальными социальными институтами и их агентами. Однако здесь следует дать серьезное пояснение, апеллирующее к деталям исследования.

Во-первых, поскольку в центре исследования все же стоит именно информационно-коммуникационная активность формальных социальных институтов, то в данном случае к "формальным" ресурсам были причислены и те, которые не принадлежат строго определенно полностью данным институтам и их агентам, но связаны с ними в большинстве своих функций и контента. Например, сообщества "КиберЛенинка" или "Роскосмос".

Во-вторых, в сводный топ эти ресурсы попали только благодаря специальным категориям - эти сообщества не входят ни в одну таблицу категории "общий топ", а их показатели результативности существенно ниже среднего уровня. Так, минимальное количество подписчиков на "формальных" ресурсах равно 9 тыс., максимальное - 2,5 млн., а суммарное - 5,1 млн. человек. Наряду с этим, даже один самый маленький "неформальный" ресурс из категории "общий топ" имеет 6,9 млн. подписчиков, что существенно превышает суммарное количество подписчиков на всех "формальных" ресурсах.

Это позволяет сделать вывод, что, несмотря на наличие в сводном топе VK ряда ресурсов формальных социальных институтов и их агентов, все же они слабо выражены и имеют весьма низкую социализационную активность и результативность на мега-ресурсе КИСС "VKontakte" в глобальном масштабе.

Контент-анализ видеоигровых ресурсов (в т.ч. на основе Steam)

По данным ВЦИОМ, в видеоигры играет 40% 18-24-летних и 25% 25-34-летних граждан (*ВЦИОМ, 2019*). На 2019 год в мире насчитывается около 2,5 млрд. геймеров, при этом на 2017 год из общего числа геймеров 12% составляли 10-20-летние и 20% - 21-35-летние люди. В России сегодня насчитывается около 65 млн. геймеров, а российский видеоигровой рынок составляет порядка 2 млрд. долларов, согласно данным за 2019 год (*Высшая школа экономики и Центр развития, 2020*).

Наряду с топами видеоигровых порталов российского сегмента, были проанализированы топы платформы Steam - одного из крупнейших видеоигровых мега-ресурсов (фактически гипер-ресурс) в КИСС. Это цифровая платформа продажи и покупки видеоигр, а также огромное сообщество игроков по всему миру. В среднем, ежедневно платформой Steam пользуются около 20 млн. человек. Суммарный трафик России в Steam на февраль 2021 года составляет 36.6 PB или 5,2% от глобального трафика Steam (*Steam, 2021*).

При анализе видеоигр проводилось исследование принадлежности разработчиков (прим. - рабочая группа, команда специалистов, которая занимается непосредственно созданием игры, её наполнением и полностью отвечает за техническое состояние игры) видеоигр, а не издателей (прим. - опциональный партнер разработчика, который берет на себя функции издания игры, т.е. маркетинг, перевод на другие языки и т.д.). Это обусловлено тем, что именно разработчик изготавливает видеоиг-

ру и определяет ее идейно-целевое и ценностно-нормативное наполнение. Издатель может влиять на процесс разработки и характер наполнения (для обеспечения наибольшей коммерческой успешности проекта), однако, изначальный вектор наполнения видеоигры определяется именно разработчиком. Выбор издателя и итоговое согласие на его условия также остаются за разработчиком. Возможны случаи, когда издатель сам формирует изначальный заказ и подыскивает свободного разработчика (т.е. использует разработчика, как подрядчика для своих проектов), но такие случаи редки среди топовых проектов и не входят в рамки данного контент-анализа.

Для выявления топовых ресурсов (видеоигр) были использованы 4 электронных базы данных и, непосредственно, инструменты самого сайта Steam (*Steam, 2021; Высшая школа экономики и Центр развития, 2020; Vgtimes, 2021; Stopgame, 2021; Playground, 2021*), на основе чего сформированы 8 таблиц с различными вариациями топовых видеоигр (в т.ч. Steam) российского сегмента. Таблицы формировались на основе 5-ти категорий с целью усиления репрезентативности и объективности анализа: общая категория, общий топ; категории "популярные новинки", "лидеры продаж", "лучшие игры по количеству игроков", "бесплатные игры в Steam - лидеры продаж" (см. таблицу № 7).

Таблица № 7.

Индикаторы и категории, базы данных и количество аналитических таблиц топов сообществ VK российского сегмента.

базы данных	Steam	Яндекс.Маркет	vgtimes.ru	stopgame.ru	playground.ru
категории топов:					
общий топ		+	+	+	+
"популярные новинки"	+				
"лидеры продаж"	+				
"лучшие игры по количеству игроков"	+				
"бесплатные игры - лидеры продаж"	+				
итого:					
всего таблиц	4	1	1	1	1
	8				

Сводные суммарные показатели по происхождению и принадлежности компаний-разработчиков видеоигр позволяют судить о степени развития крупной топовой видеоигровой индустрии в России.

Таблица № 8.

Суммарные показатели по таблицам исследуемых топов видеоигр:

компании-разработчики	количество
учреждены и находятся в РФ	2
зарубежные компании	65

На основе 8-ти основных таблиц был проведен анализ представленных ресурсов и отсеяны повторы, в результате чего была сформирована итоговая сводная таблица. В нее вошли 67 топовых видеоигр российского сегмента, которые были проанализированы по индикатору принадлежности их разработчиков к формальным или неформальным социальным институтам, а также их агентам. Результат анализа принадлежности ресурсов КИСС (видеоигр) по данным сводной таблицы: "формальные" - 0; "неформальные" - 67.

Краткие выводы по контент-анализу видеоигр. В итоговую сводную таблицу вошли 67 топовых видеоигр (в т.ч. на мега-ресурсе Steam) в российском сегменте. Результат анализа данных ресурсов КИСС по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам показал, что из 67 видеоигр к "формальным" относятся 0, а к "неформальным" - 67, т.е. их компаниями-разработчиками являются организации, определенно принадлежащие соответствующим социальным институтам и их агентам.

Таким образом, топы видеоигр (в т.ч. мега-ресурса Steam) не содержат ресурсов формальных социальных институтов, а кроме того, к российскому игропрому определенно относятся только 2,9% (2 из 67) видеоигр из сводного топа. Наряду с этим, всероссийский опрос 2019 года (ВЦИОМ) показал низкую осведомленность аудитории об известных отечественных видеоиграх, что лишь подтверждает результаты исследования.

Это позволяет сделать вывод, что формальные социальные институты и их агенты имеют крайне низкую социализационную активность и результативность в отрасли видеоигр в глобальном масштабе.

Заключение

Проведя контент-анализ по трем направлениям, проанализировав популярные среди российской молодели мега-ресурсы КИСС (YouTube, VKontakte и Steam) и составляющие их ресурсы (каналы, сообщества, видеоигры) по индикатору их принадлежности к формальным или неформальным социальным институтам и агентам, можно сделать определенные выводы.

Всего было проанализировано 391 ресурсов КИСС, из которых только 25 (6,3%) можно в той или иной мере отнести к формальным социальным институтам российского общества. На мега-ресурсе YouTube (самый популярный в РФ видеохостинг) в сводный топ каналов вошли только 2 "формальных" ресурса, т.е. 1,2% от общего списка (2 из 159); на мега-ресурсе VKontakte (самая популярная в РФ социальная сеть) в сводный топ сообществ вошли только 23 "формальных" ресурса, т.е. 13,9% от общего списка (23 из 165), причем их показатели результативности в виде подписчиков и охвата существенно ниже, чем у "неформальных" соседей по топу (у всех 23-х "формальных" ресурсов в сумме 5,1 млн. подписчиков, в то время как у одного самого маленького "неформального" ресурса из категории "общий топ" - 6,9 млн.); среди видеоигровых ресурсов КИСС, в частности на мега-ресурсе Steam, "формальные" ресурсы не представлены вовсе (0 из 67), причем, только 2,9% ресурсов (2 из 67) определенно относятся к российским разработчикам, а остальные - зарубежные.

Приведенные данные позволяют заключить, что российские формальные социальные институты и их агенты имеют крайне низкую социализационную активность и информационно-коммуникационную результативность в КИСС в ракурсе глобального масштаба. Очевидно, что такая картина свидетельствует о недостаточной конкурентоспособности формальных социальных институтов в отношении социализационного воздействия на российскую молодежь, вследствие чего неформальные социальные институты занимают лидирующие позиции в социализационном влиянии на российскую молодежь в КИСС. В результате, российская молодежь, погруженная в КИСС и активно использующая ее ресурсы, имеет серьезный социализационный риск дисконтакта с формальными социальными институтами и их агентами.

При этом, отсутствие у неформальных социальных институтов и их агентов таких свойств, как нормативность, управляемость и прогнозируемость, наряду с их

доминированием над формальными социальными институтами и их агентами в КИСС, может стать причиной целого спектра других социализационных рисков для молодежи, связанных с коммуникационной деятельностью человечества в условиях информационного и информационального общества.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ/ INFORMATION ABOUT THE AUTHOR.
Бештоков Магомет Владимирович
Соискатель,
Институт социологии и регионоведения,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону,
E-mail: xeluthor@gmail.com

Magomet Vladimirovich Beshtokov
External Postgraduate Student,
Institute of Sociology and Regional Studies,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don,
E-mail: xeluthor@gmail.com

Литература

1. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество, культура. Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
2. *Норт Д.* Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. 1993. Т.1. № .2. С. 69-91.
3. *North D.* Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Cambrige University Press, 1990. 152 p.
4. База данных Mediascope. Режим доступа: https://webindex.mediascope.net
5. База данных Br-analytics. Режим доступа: https://br-analytics.ru
6. База данных Socialblade. Режим доступа: https://socialblade.com
7. База данных Tuberank. Режим доступа: https://tuberank.ru
8. База данных Whatstat. Режим доступа: https://whatstat.ru
9. База данных Allsocial. Режим доступа: https://allsocial.ru
10. База данных Vk-top-groups. Режим доступа: https://vk-top-groups.ru
11. Видеоигровой портал Steam. Режим доступа: https://store.steampowered.com
12. Видеоигровой сайт Playground. Режим доступа: https://www.playground.ru
13. Видеоигровой сайт Stopgame. Режим доступа: https://stopgame.ru
14. Видеоигровой сайт Vgtimes. Режим доступа: https://vgtimes.ru
15. Исследование We Are Social и Hootsuite "Digital 2020 г.: ежегодное глобальное исследование от We Are Social и Hootsuite", 2020 г. Режим доступа: https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/
16. Исследование ВЦИОМ "YouTube - «телевидение» XXI века", 2019 г. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka
17. Исследование ВЦИОМ "Видеоигры – и кто в них играет? ", 2019 г. Режим доступа: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoigry-i-kto-v-nikh-igraet
18. Исследование Национального исследовательского университета Высшая школа экономики и Центра развития "Индустрия Компьютерных Игр", 2020 г. Режим доступа: https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/Индустрия%20компьютерных%20игр-2020.pdf
19. Исследование ФОМ "Пользование социальными сетями и мессенджерами", 2018 г. Режим доступа: https://fom.ru/Obraz-zhizni/14137
20. Социальная сеть VKontakte. Режим доступа: https://vk.com

References

1. Castells M. The Information Age: Economy, Society, and Culture. Moscow: HSE University, 2000, 608 p.
2. North D. (1993). Institutes and economic growth: a historical introduction / / Tezis. Vol. 1.No. 2. P. 69-91.

3. North D. (1990). Institutions, Institutional Change and Economic Performance. New York: Cambrige University Press, 1990. 152 p.
4. Allsocial database. Available at: https://allsocial.ru
5. Br-analytics database. Available at: https://br-analytics.ru
6. Mediascope database. Available at: https://webindex.mediascope.net
7. Research by the We Are Social and the Hootsuite "Digital 2020 г.: annual global research by the We Are Social and the Hootsuite ", 2020. Available at: https://exlibris.ru/news/digital-2020-ezhegodnoe-globalnoe-issledovanie-ot-we-are-social-i-hootsuite/
8. Research by the All-Russia Center for the Study of Public Opinion "YouTube - « television» of the XXI century", 2019. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/youtube-televidenie-xxi-veka
9. Research by the All-Russia Center for the Study of Public Opinion "Video games - and who plays them?", 2019. Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/videoigry-i-kto-v-nikh-igraet
10. Research by the National Research University Higher School of Economics and Development Center "Computer Games Industry", 2020. Available at: https://dcenter.hse.ru/data/2020/07/27/1599127653/Индустрия%20компьютерных%20игр-2020.pdf
11. Research by the Public Opinion Fund "Use of social networks and messengers", 2018. Available at: https://fom.ru/Obraz-zhizni/14137
12. Social network VKontakte. Available at: https://vk.com
13. Socialblade database. Available at: https://socialblade.com
14. Tuberank database. Available at: https://tuberank.ru
15. Vk-top-groups database. Available at: https://vk-top-groups.ru
16. Video game portal Steam. Available at: https://store.steampowered.com
17. Videogame site Playground. Available at: https://www.playground.ru
18. Videogame site Stopgame. Available at: https://stopgame.ru
19. Videogame site Vgtimes. Available at: https://vgtimes.ru
20. Whatstat database. Available at: https://whatstat.ru

Поступила в редакцию ***10 сентября 2021 г.***

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным теоретическим и практическим проблемам в области исследования макрорегиона Большого Кавказа в системе государственных и региональных образований евразийского пространства, включающего Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион. Также предполагается возможность публикации в данном издании исследований, ориентированных на изучение актуальных проблем развития других регионов современного мира в координатах профиля журнала.

Требования к оформлению статей соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Разделы журнала:

1.Геополитика Большого Кавказа
2. Религии и регионы Большого Кавказа
3. Этнология народов Большого Кавказа
4. Цивилизации и культуры Большого Кавказа
5. Социальные институты региона: прошлое, настоящее, будущее
6. Дискуссионная трибуна
7. Рецензии
8. Молодежный формат

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – не более 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Графики, диаграммы, схемы и рисунки представляются в формате Word 1997–2003 на отдельной странице. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат.* Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.

- *Самоцитирование.* В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Рекомендуемое количество источников в списке литературы – 20–25.

Информация об авторе на русском языке

Название статьи
Фамилия, имя, отчество автора (полностью), Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация *Название организации* *Город* *Страна*
Аннотация *(объем от 200 до 300 слов)*
Ключевые слова *Ключевые слова* (5-10) *разделяются точкой с запятой*

Информация об авторе на английском языке

Название статьи на английском языке
Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке, *(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте http://translit.ru, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.* Научная степень, звание, должность, E-mail: Тел.:
Аффилиация на английском языке *Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).*
Аннотация на английском языке *(объем от 200 до 300 слов)*
Ключевые слова на английском языке *Ключевые слова (5-10) разделяются точкой с запятой*

Требования к оформлению ссылок и списка литературы

В тексте источник указывается в круглых скобках (фамилия первого автора, год выхода).

Например, (Слаутер, 1996. С. 34) или (Acemoglu, 2003. P. 630).

В список литературы включаются только источники, использованные приподготовке статьи. На все источники в тексте должны быть даны ссылки.

Список литературы

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском, украинском и английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники наиностранных языках располагаются после литературы на русском языке.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту.

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ

Маршак А.Л. Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2007. 424 с.

СТАТЬИ

Герасимов Г.И. Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : автореф. дис…… д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

Лубский Р. А. Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития : дис….. д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2015.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева Л. А. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены / под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой. М.: Наука, 2005.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин С.Л. К проблеме маргинальности и культуры в современной России // Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции. СПб.: Интерсоцис,2008. С. 197–202.

Оформление русскоязычной литературы в References

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны.**

Транслитерация русскоязычных названий должна производиться на основе

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). П*еревод заглавия.* Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). Перевод заглавия. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). П*еревод заглавия.* (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). П*еревод заглавия.* In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). П*еревод заглавия.* In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia.* In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century*: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Author Guidelines

The journal accepts the articles for actual theoretical and practical issues of the research of the macro-region the Greater Caucasus in the system of state and regional entities of the Eurasian space, including Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

The design of the articles meets the standards of international scientific journals in order to be accepted to the international databases in future.

Focus and Scope:

The journal offers the following subject headings in correspondence to the profile of the edition:

1. Geopolitics of the Great Caucasus.
2. Religions and Regions in the Great Caucasus.
3. Ethnology of the Peoples in the Great Caucasus.
4. Civilizations and Cultures in the Great Caucasus.
5. Social Institutions in the Region: Past, Present, Future.
6. Discussion Tribune.
7. Reviews.
8. Youth Format.

Languages of Publication:

The journal includes publications of articles in English and Russian.

The **recommended length** of articles is no more then 40 000 characters, spaces included, including illustrations, schemes, footnotes, bibliography, abstract and keywords.

Typesetting of article texts must be carried out on computers in the MS Word program (A4 format, one-and-a-half line spacing, font size 14, Times New Roman, justified alignment, margins from the top, bottom, left, right - 2 cm, page numbering is solid, starting with the first).

Schemes, tables, photographs and pictures must be numbered and are presented with the titles (inscription) or headings.

The recommended level of originality of the article is 80%

improper:

• Verbatim copying of another author's text of without attribution of his authorship, without reference to the source and the use of quotation marks.

• Incorrect paraphrasing, in which more than one sentence is changed within one paragraph or section of the text, or the sentences are arranged in a different order without a corresponding reference to the source.

• Use of graphic elements of another author's work without attribution (figure, table, etc.) and reference to the source. Authors must obtain permission from the copyright owner to use elements of their work.

• Self-plagiarism. If fragments of the manuscript were previously published in another article, the authors are obliged to refer to the earlier work, indicate what is the significant difference between the new work and the previous one and, at the same time, identify its connection with the research results and conclusions presented in the previous work.

• Self-citation. The references should not contain more than 20% of the works of the authors of the manuscript.

References are placed after the main text (at the end of it). The recommended number of used sources is 20-25.

The article are accepted by the **e-mail:** csb.journal@mail.ru

Information about the author

Title
First Name, Last Name (Anna Ivanova) Scientific degree, title, position E-mail: Tel .:
Affiliation
Abstract (Length 200-300 words) *Should contain the information on the purpose, structure, methods, conclusions of the research*
The keywords must consist of 5–10 words, separated by a semicolon
Highlights *Should reflect the key results of the research, presented in 3-5 items of the bulleted list*

The structure of the article

The article should be written in the international format – **IMRaD** (Introduction,Methods, Results, and Discussion).

Each part of the article reveals certain questions.

Introduction	What is the problem of the research? The introduction should determine the nature of the problem, indicate the purpose of the research, present its hypothesis and justify the importance of the study
Materials and Methods (Theoretical basis)	How was the problem studied before?
Results	What are the main findings or even discoveries? This part presents the results of the research in a clear logical sequence, without interpretation of the results. It is here tables, drawings and graphics are most often used.
Discussion	What do the results mean? The discussion should focus on the interpretation of the results and other related materials. This part should explain the importance of the observed opinion for the purpose of the study; link the results to the hypothesis.
Conclusion	The conclusion should summarize the results and its significance, describe the consequences and practical meaning of the research, give recommendations, if possible.
Acknowledgments	Reference to the grant (if any).
References	

Reference to bibliographical literature must be made **within the text** round brackets (Surname of the first author, year of publication. page).

For example, (Acemoglu, 2003. P. 630).

The bibliography should include only the sources used in the article with the links. The sources are listed alphabetically.

References

The design of References is based on **APA Style**, developed by the American Psychological Association, and widespread in social sciences. For more information: https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/

EXAMPLES:

BOOKS

Author (Year of publication). *Title.* Place of publication: Publishing house.
Cornell, S. (2005). *Small nations and great powers: a study of ethnopolitical conflict in the Caucasus*. London and New York: Routledge.

ARTICLES

Author (Year of publication). Title. *Journal,* Volume, Issue, Pages.
Barnes, L. (2005). Religion, Education and Conflict in Northern Ireland. *Journal of Beliefs Values*, 26(2), 123–138.

ELECTRONIC RESOURCE

Title. (Year of publication, if any). Available at: URL.
APA Style (2011). Available at: http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx

THESIS

Author (Year of publication). Title. (Doctoral Dissertation, University, City)
Lubsky, R. A. (2015). Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, specifics of development. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

BOOK UNDER THE GENERAL EDITORSHIP

Author (Year of publication). *Title*. In Editors (Eds.). Place of publication: Publishing house.
Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle* class. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

ARTICLE IN THE CONFERENCE PROCEEDINGS

Author (Year of publication). Title. In *Conference title: Proceedings of the Scientific Conference*. Place of publication: Publishing house.
Skorynin, S.L. (2008). To the problem of marginality and culture in modern Russia. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century*: *Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.